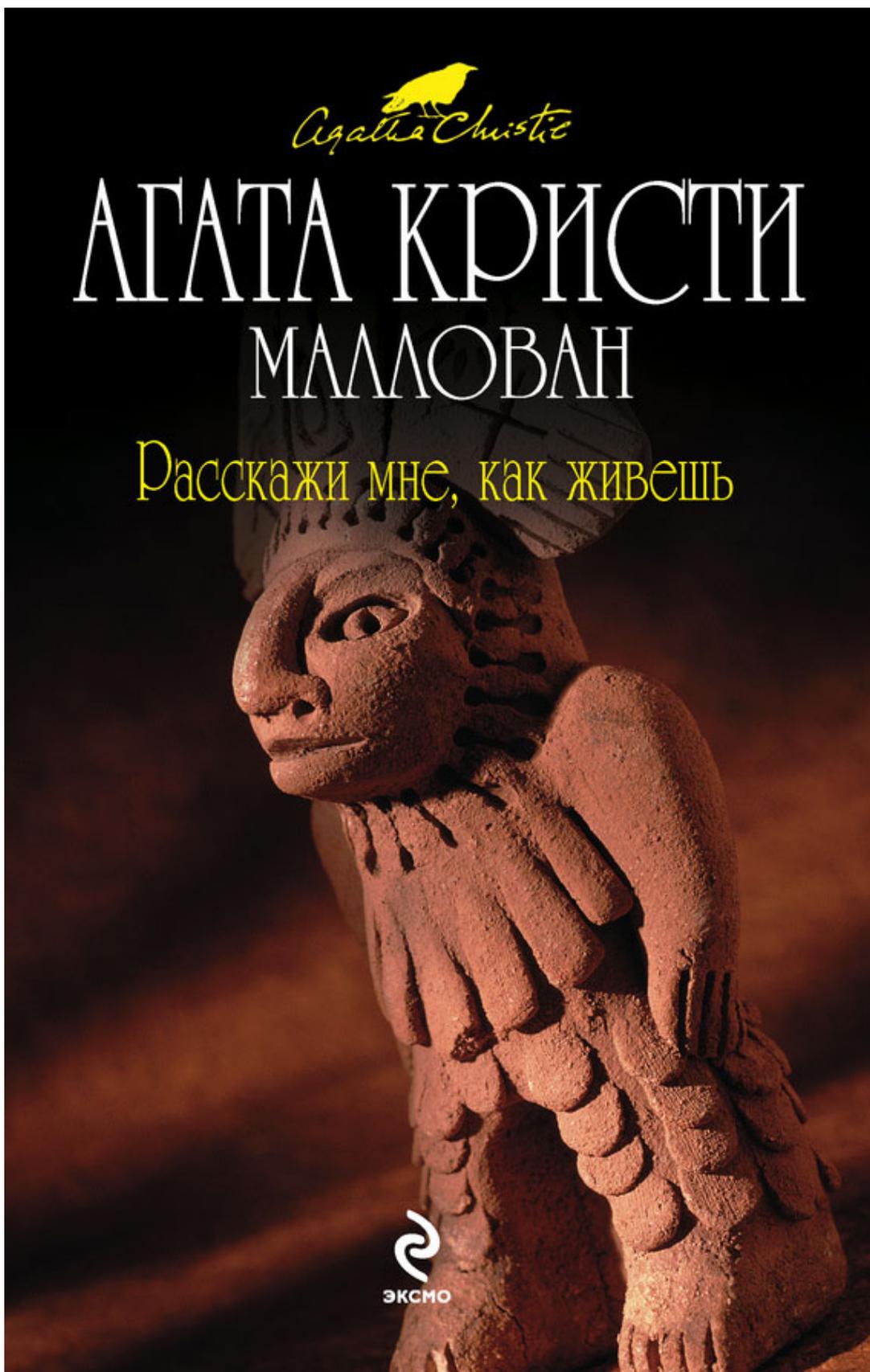

Agatha Christie

АГАТА КРИСТИ МАЛЛОВАН

Расскажи мне, как живешь

Агата Кристи
Расскажи мне, как живешь
М. Эксмо, 2009

Перевод: К. П. Артамоновой
Agatha Mallowan, "Come, Tell Me How You Live". 1946

Аннотация

Загадки древности – почище любого детектива. Особенно на Востоке, который сам по себе загадка и дело тонкое. На археологических раскопках в Сирии, которыми руководил муж Агаты Кристи Макс Маллован, иногда случались странные и загадочные события. Много знаменитых романов Леди Агаты создано по мотивам этих событий. О чем писательница и вспоминает в этой веселой и одновременно остросюжетной книге.

Моему мужу Максиму Малловану,
Полковнику, Бампсу, Маку и Гилфорду
эта петляющая хроника с нежностью посвящается

СИДЯЩИЙ НА ТЕЛЛЕ (с извинениями в адрес Льюиса Кэрролла)

*Я расскажу вам все сначала,
Раз слушать вы хотели –
Я эрудита повстречала,
А он сидел на телле.
«О, кто ты, сэр? Что ищешь тут?» –
Прошу я дать ответ.
Его слова в мой мозг войдут,
Как в книжку крови след.*

*«Ищу я старые горшки, –
Так он в ответ изрек, –
Потом я измеряю их
И вдоль, и поперек.
Потом пишу. Мои слова
Длиннее, чем у Вас,
И эрудированнее
Во много-много раз».*

*Но в мыслях было у меня
Совсем другое дело:
Миллионера как убить
И скрыть в фургоне тело.
И вот, не зная, что сказать,
Я обратилась так к нему:
«Скажи мне, вы живете как?
И где? И почему?»*

*«Что время лучшее, – сказал
С улыбкой мягкой он, –
Пять тысяч лет тому назад,
Я в этом убежден.
Вы научитесь презирать
Н. Э., и вот тогда
Вы можете прийти копать
Со мной, хоть навсегда».*

*Но как насыпать в чай мышьяк,
Решить хотелось мне
И перестроиться вот так
Задолго до Н. Э. Не получилось.
И вздохнув, Я задала вопрос ему:
«Скажи, что делаете вы?
И как? И почему?»*

*«Я вещи древние ищу,
Где древний люд жить мог,
И сделав фото, заносу
Находки в каталог.*

*Потом домой их шлю скорее,
Не с тем, чтоб продавать –
В отделе древностей Музея
Они должны стоять.*

*Порой находим амулет
Мы крайне откровенный,
Поскольку был тот древний люд
Груб необыкновенно.
Археология – не путь
К богатству, но она
Дает здоровье, и жизнь
У всех у нас длинна».*

*Его прослушала я речь,
Не отвлекаясь боле.
(Решив от пыли труп сберечь,
Сварив его в рассоле.)
И благодарности полна
За эту эрудицию
Я согласилась ехать с ним
В любую экспедицию.*

*И ныне, если палец вдруг
Я суну в кислоту,
Иль если вазочку из рук
Поставлю в пустоту,
И если вижу гладь реки
И слышу крик вдали –
Вздыхаю, вспоминая дни,
Что с ним мы провели,*

*С тем, у кого был кроткий вид,
Нетороплива речь,
Полны карманы черепков,
Чья мысль стремилась в глубь веков,
Кто знал так много умных слов,
Был черепки искать готов
Среди пустынь, вокруг холмов,
Чей взор упорный вновь и вновь
Исследовал земли покров,
Кто доказал без лишних слов,
Что мне полезна пыль веков,
И должен он меня привлечь
К раскопкам среди холмов!*

ОТ АВТОРА

Эта книга – ответ. Ответ на вопрос, который мне задают очень часто.

«Так вы копаете в Сирии, да? Так расскажите же мне об этом. Как вы живете? В палатке?» и т. д. и т. п.

Большинство людей, наверное, и не хотят ничего узнать. Это просто небольшой поворот в беседе. Но время от времени попадается один-два человека, которым действительно интересно.

Кроме того, это тот самый вопрос, который археология задает прошлому: Ну, расскажи мне, как вы жили?

И с помощью кирки, лопаты и корзин мы находим ответ.

«Вот это были наши кухонные горшки». «В этой большой яме мы хранили зерно». «Этими костяными иголками мы шили одежду». «Это были наши дома, это наша ванная, это система санитарии». «Вот тут, в этом горшке, золотые серьги – приданое моей дочери». «Здесь, в горшочке, моя косметика». «Эти вот кухонные горшки у всех одинаковые. Вы их будете находить сотнями. Мы их брали у Горшечника на углу. Говорите, Вулворт – вы его так называете в ваше время?»

Изредка попадается Королевский Дворец, иногда Храм, много-много реже Королевское погребение. Эти вещи производят впечатление. Они появляются в заголовках газет, о них читают лекции, их показывают на экране, о них слышат все! И все же мне кажется, что для тех, кто занят раскопками, настоящий интерес представляет повседневная жизнь горшечника, фермера, того, кто изготавливал орудия труда, того, кто так искусно вырезал печатки и амулеты с изображением зверей, – словом тех, кого перечисляют в детских стихах: мясник, пекарь, мастер, делающий подсвечники.

И в заключение предупреждение, чтобы не было разочарования. Эта книга не претендует на глубину – она не осветит вам археологию с необычной стороны, в ней не будет ни красивых описаний природы, ни рассуждений по вопросам экономики и расовых проблем, ни истории.

Словом, это мелочь, маленькая книжка, полная повседневных дел и событий.

Глава 1

PARTANT POUR LA SYRIE¹

Через несколько недель мы уезжаем в Сирию!

Покупка осенью или зимой того, что необходимо для жаркого климата, представляет определенные трудности. Ваша прошлогодняя летняя одежда, про которую вы оптимистически полагали, что она «сойдет», теперь, когда настал момент, отнюдь не «сходит». Во-первых, она оказывается (как пишут в своих действующих угнетающе описях перевозчики мебели) «Побитая, Поцарапанная, С пометками». (А кроме того, Севшая, Выгоревшая, Странная). Во-вторых – увы, увы, приходится это сказать, – она вам тесна повсюду.

Итак, в лавки и магазины, и:

«Но конечно же, Модом, сейчас у нас никто таких вещей не спрашивает. А вот есть у нас очаровательные костюмчики – O. S.² – темных тонов».

Ох, это ненавистное O. S.! До чего это унижительно быть O.S.! И насколько еще более унижительно, когда тебя мгновенно определяют как O.S.!

(Правда, бывают более удачные дни, когда, задрапировавшись в длинное черное, создающее впечатление стройности пальто с большим меховым воротником, слышишь от продавщицы приветливое:

«Но ведь наверняка же Модом только Полная Женщина?»)

Я смотрю на эти костюмчики с неожиданными нашлепками меха и юбками в складку. Я грустно объясняю, что то, что я хочу, это стирающийся шелк или хлопок.

«Модом может попытаться посмотреть в Нашем Отделе Все для Круизов».

Модом пробует посмотреть в Нашем Отделе Все для Круизов – но отнюдь не испытывая особых надежд. Круизы все еще относятся к области романтической фантазии. В них есть что-то от счастливой Аркадии. В круизы ездят девушки, юные и стройные, те, что носят несокрушимые льняные брюки, невероятно широкие у щиколотки и натянутые, как вторая кожа, по бедрам. Именно они, эти девушки, очаровательно занимаются спортом в Костюмах для Спортивных Игр. Именно для этих девушек в магазинах держат шорты восемнадцати разновидностей!

Прелестное существо, заправляющее Нашим Отделом Все для Круизов, проявляет мало сочувствия.

«О нет, Модом, у нас не бывает out-size». (Легкий ужас – out-size и круиз? Какая уж тут романтика?)

Она добавляет:

«Это едва ли было бы уместно, ведь правда?»

Я грустно соглашаюсь, что это было бы неуместно.

Еще остается одна надежда. Есть Наш Тропический Отдел.

Наш Тропический Отдел состоит в основном из тропических шлемов топи – Коричневые Топи, Белые Топи, Особые Патентованные Топи. Немного в стороне, как несколько легкомысленные, цветут оттенками розового, голубого, желтого широкополые шляпы «дабл терай», как какие-то странные цветы тропических растений. Еще есть огромная деревянная лошадь и разнообразные джодпурз – брюки-галифе для верховой езды.

Но да, здесь есть и другие вещи. Есть здесь одежда, уместная для жен строителей Империи. Чесуча! Простого покроя юбки и жакетки из чесучи – тут нет никаких девичьих глупостей, – они годятся и при большом объеме, и при худобе. Я удаляюсь в кабинку, прихватив предметы разных стилей и размеров. Через несколько минут я превращаюсь в

¹ Отправляющийся в Сирию.

² O.S. (out-size) – больше стандартных размеров.

мэмсахиб!

У меня возникают некоторые сомнения, но я подавляю их. В конце концов, это прохладно, практично и я помещаюсь в этом.

Я перехожу к выбору шляпы правильного типа. Так как шляп правильного типа в наши дни нет, мне приходится заказывать ее. Это совсем не так просто, как кажется.

То, что я хочу и что я намерена получить, но чего я, скорее всего, не получу, это фетровая шляпа разумных пропорций, которая бы прочно сидела на голове. Это шляпа такого типа, как лет двадцать назад надевали, собираясь взять собак на прогулку или поиграть в гольф. Сейчас, увы, существуют только некие Предметы, которые надо прицеплять к голове – сдвинув на один глаз, или на ухо, или на затылок, в зависимости от того, что в данный момент диктует мода, или же «дабл терай» – по крайней мере ярд в поперечнике.

Я объясняю, что я хочу шляпу с тульей, как у «дабл терай», но с полями в четыре раза уже.

«Но ведь их специально делают широкими, чтобы они полностью защищали от солнца, Модом!»

«Да, но там, куда я еду, почти всегда жуткий ветер, и шляпа с такими полями не удержится на голове и минуты».

«Мы можем сделать для Модом резиночку».

«Я хочу шляпу с полями не шире, чем у этой, что у меня на голове».

«Конечно, Модом, с низкой тульей она будет вполне хорошо смотреться».

«Не с низкой тульей! Эта шляпа должна держаться на голове!»

Победа! Мы выбираем цвет – один из этих новых оттенков с милыми названиями: Грязь, Ржавчина, Глина, Мостовая, Пыль и т. д.

Еще несколько мелких покупок – покупок, которые, как я инстинктивно чувствую, или окажутся бесполезными, или доставят мне неприятности. Например, дорожная сумка с Молнией. В наше время правит жизнью и усложняет ее безжалостная Молния. Блузки с Молнией снизу доверху, юбки с Молнией сверху до низу, лыжные костюмы с Молниями всюду. «Маленькие платица» с совершенно ненужными кусочками Молнии – просто для развлечения.

Почему? Есть ли что-нибудь более жуткое, чем Молния, которая решила вести себя с вами подло? Она ввергает вас в гораздо худшие беды, чем любая простая пуговица, зажим, застежка, пряжка или крючок и петелька.

В ранние дни существования Молний моя мама, потрясенная этой чудесной новинкой, заказала себе корсет, который застегивался на Молнию по всей длине спереди. Результат оказался в высшей степени неудачным. Не только уже застегивание корсета на Молнию сопровождалось настоящей агонией, но главное, Молния корсета упорно отказывалась расстегиваться! Снятие корсета превращалось практически в хирургическую операцию! А благодаря милой викторианской скромности моей матери, некоторое время представлялось вполне вероятным, что она обречена носить этот корсет до конца своих дней – как некая современная Женщина в Железном Корсете!

Поэтому я всегда смотрела на Молнии с опаской. Но, видимо, дорожные сумки теперь все с Молниями.

«Старомодные застежки им намного уступают, Модом!» – говорит продавец, глядя на меня с сожалением.

«Вы видите, как это просто», – говорит он, демонстрируя.

Нет сомнений, это просто, но – думаю я – сумка сейчас пустая.

«Что ж, – говорю я, вздыхая, – приходится не отставать от времени».

С некоторыми нехорошими предчувствиями я покупаю сумку.

Теперь я гордая обладательница сумки с Молнией, юбки и жакетки Жены Строителя Империи и, возможно, подходящей шляпы.

Но еще нужно многое сделать. Я перехожу в отдел канцелярских принадлежностей. Я покупаю несколько вечных перьев и стилографов, так как, по моему опыту, вечное перо, которое в Англии вело себя самым примерным образом, как только оно выпущено на свободу в пустыне, сразу же ощущает, что теперь оно вольно начать забастовку, и ведет себя

соответственно, или выплевывая чернила без разбору на меня, мою одежду, мою тетрадь и все, что попадется, или же стыдливо отказываясь оставлять на поверхности бумаги хоть что-нибудь, кроме невидимых царапин. Еще я покупаю скромное количество карандашей – всего два. К счастью, карандаши не так темпераментны, и хотя они и обладают способностью тихо исчезать, но у меня всегда под рукой есть резерв. В конце концов, для чего нужен архитектор, как не для того, чтобы занимать у него карандаши?

Следующая покупка – это четверо наручных часов. Пустыня к часам неласкова. Проведя там несколько недель, ваши часы бросают размеренную ежедневную работу. Время – заявляют они – это всего лишь образ мыслей. Затем они выбирают – или начать останавливаться минут на двадцать раз восемь-девять в день, или же нестись без разбору вперед. Иногда они в смущении кидаются от одного варианта к другому. В конце концов они просто останавливаются. Тогда вы переходите к часам № 2 и так далее. Еще я покупаю двое часов по четыре фунта шесть шиллингов в предвидении того момента, когда муж скажет мне: «Не одолжишь ли ты мне часы для формена?».

Наши арабы-формены, как бы хороши они ни были, обладают, можно назвать это, тяжелой рукой в отношении любых часовых механизмов. Определение времени уже требует от них большого умственного напряжения. Можно наблюдать, как они, деловито держа вверх ногами большие часы с круглым, как лунный диск, циферблатом, упорно смотрят на них, до боли напрягая внимание, и получают неверный результат! Заводят они эти сокровища так энергично и старательно, что не многие пружины способны вынести этот натиск!

Поэтому к концу сезона оказывается, что часы всех членов экспедиции принесены одни за другими в жертву. Мои двое часов по четыре фунта шесть шиллингов – это способ отодвинуть этот злосчастный день.

Складываем вещи!

Есть несколько школ того, как складывать вещи. Есть люди, которые начинают паковаться за неделю и даже за две до отъезда. Есть люди, которые скидывают в кучку несколько предметов за полчаса до отъезда. Есть любители паковать аккуратно, ненасытные потребители мягкой упаковочной бумаги. Есть те, кто презирает бумагу и просто кидает вещи в чемодан и надеется на лучшее! Есть те, кто забывает взять с собой практически все, что им нужно! И есть те, кто берет с собой массу вещей, которые им никогда не понадобятся!

Одно можно с уверенностью утверждать, когда пакуется археолог. Он пакует, главным образом, книги. Какие книги взять, какие книги возможно взять, для каких книг есть место, какие книги можно (с агонией) оставить. Я твердо убеждена, что все археологи собирают вещи так: они решают, какое максимальное число чемоданов многострадальная Компания *Wagon Lit*³ разрешит взять. Затем они до краев набивают эти чемоданы книгами. После чего они неохотно вынимают несколько книг и заполняют образовавшееся место рубашками, пижамами, носками и т. д.

Я заглядываю в комнату Макса, и у меня создается впечатление, что весь ее объем забит книгами! В щелку между книгами видно озабоченное лицо Макса.

«Как ты думаешь, – спрашивает он, – хватит мне места для них?»

Отрицательный ответ настолько очевиден, что кажется просто жестоким произнести его вслух.

В четыре тридцать по полудню он входит ко мне в комнату и с надеждой спрашивает: «В твоих чемоданах не найдется места?»

Долгий опыт должен бы подсказать мне, что надо твердо ответить «нет», но я медлю, и тотчас рок обрушивается на меня.

«Не можешь ли положить одну-две вещи?»

«Это не книги?»

Макс смотрит слегка удивленно и говорит: «Конечно, книги, что же еще?»

Он подходит и запихивает два огромных тома поверх костюма Жены Строителя Империи, который роскошно располагался поверх всего в чемодане.

³ Компания спальных вагонов.

Я издаю вопль протеста, но поздно.

«Глупости, – говорит Макс, – масса места», – и давит на крышку, которая яростно сопротивляется.

«Он и сейчас еще не полон на самом деле», – оптимистически заявляет Макс.

К счастью, его внимание отвлекает льняное платье с рисунком, лежащее в другом чемодане.

«Что это?»

Я отвечаю, что платье.

«Занятно, – говорит Макс. – У него сверху вниз по всему переду символы плодородия».

Одна из самых неприятных сторон брака с археологом – это то, что он как эксперт знает происхождение любого, самого безобидного на вид орнамента!

В пять тридцать Макс между прочим замечает, что, пожалуй, ему надо сходить купить кое-что из вещей – рубашки, носки и прочее. Через три четверти часа он возвращается, возмущенный, так как магазины закрылись в шесть. Когда я говорю, что это всегда так, он отвечает, что никогда раньше не замечал этого.

Теперь, заявляет он, у него не осталось никаких других дел, кроме как «навести порядок в бумагах».

В одиннадцать вечера я ухожу спать, оставляя Макса за его столом (на котором под угрозой самых страшных кар запрещено наводить порядок или вытирать пыль), – он по локти в письмах, счетах, статьях, рисунках горшков, бесчисленных черепках и разнообразных спичечных коробках, ни в одном из которых нет спичек, а только отдельные бусины глубокой древности.

В четыре утра он очень взволнованный появляется в спальне с чашкой чая в руке и объявляет, что наконец нашел ту страшно интересную статью о находках в Анатолии, которую он потерял в июле прошлого года. И добавляет, что надеется, что не разбудил меня.

Я говорю, что, конечно, разбудил и что пусть он лучше даст чаю мне тоже!

Вернувшись с чаем, Макс говорит, что еще он нашел массу счетов, про которые он думал, что они давно оплачены. Со мной было то же самое. Мы единодушны, что это неприятно.

В девять утра меня призывают как тяжеловеса сесть на разбухшие чемоданы Макса.

«Если ты не сможешь их закрыть, – говорит Макс без всякой галантности, – то никто не сможет!»

В конце концов этот сверхчеловеческий труд выполнен, исключительно за счет моих фунтов и унций, и я возвращаюсь к борьбе с моей собственной трудностью – а именно, как пророческое чувство мне и предсказывало, с сумкой с Молнией. Пустая, в лавке мистера Гуча, она казалась простой, привлекательной и удобной. Как весело тогда бегала туда-сюда Молния! Теперь же, когда она полна до краев, закрыть ее представляется чудом сверхчеловеческой ловкости. Два края надо свести с математической точностью, и вот когда Молния медленно трогается в путь, возникают осложнения, вызванные уголком мешочка с губкой. Когда наконец она закрыта, я клянусь, что не открою ее, пока не приеду в Сирию!

По размышлению, однако, признаю, что это вряд ли возможно. Как насчет выше упомянутого мешочка с губкой? Или мне ехать пять дней немойтой? В данный момент даже это кажется предпочтительней, чем открывать Молнию сумки с Молнией!

* * *

Да, теперь момент настал, и мы действительно уезжаем. Масса важных дел осталась несделанными: Прачечная, как всегда, нас подвела; Чистка, к разочарованию Макса, не сдержала обещания – но разве это все важно? Мы едем!

Одно-два мгновения кажется, что мы все-таки не едем! Поднять чемоданы Макса (обманчивые на вид) выше сил шофера такси. Он и Макс борются с ними и наконец с помощью случайного прохожего водружают их на такси.

Мы отправляемся на вокзал Виктория.

Милая Виктория – ворота в мир за пределами Англии, – как я люблю твою континентальную платформу. И как я вообще люблю поезда! С восторгом вдыхаешь их

сернистый запах – совсем непохожий на слабый, безразличный, несколько маслянистый запах корабля, который всегда действует на меня подавляюще, предрекая дни морской болезни. А поезд – большой, фыркающий, торопливый, компанейский поезд, с большим пыхтящим паровозом, испускающим клубы пара, кажется, повторяющий «Мне пора фф-в путь, мне пора фф-в путь!» – он друг! Он разделяет ваши чувства, потому что вы тоже повторяете: «Я отправляюсь в путь, я отправляюсь, я отправляюсь, я отправляюсь...»

У дверей нашего пульмана ждут друзья, чтобы проводить нас. Начинаются обычные нелепые разговоры. Знаменитые прощальные слова слетают с моих уст – инструкции о собаках, о детях, о письмах, которые надо переслать, о книгах, которые надо прислать, о забытых вещах, «и мне кажется, ты найдешь это на рояле, но может быть, на полочке в ванной». Все то, что уже было сказано раньше и что совершенно незачем повторять снова!

Макса окружают его родственники, меня мои.

Моя сестра со слезами в голосе заявляет, что она чувствует, что мы больше не увидимся. На меня это сильного впечатления не производит, так как она чувствует это каждый раз, как я отправляюсь на Восток. А что ей делать, спрашивает она, если вдруг у Розалинды сделается аппендицит? Казалось бы, нет никаких оснований, чтобы вдруг у моей четырнадцатилетней дочери сделался аппендицит, и единственное, что мне приходит в голову ответить, это: «Только не оперируй ее сама!». Потому что моя сестра известна той решительностью, с которой она применяет ножницы – все равно, в случае ли нарыва, кройки платья или стрижки волос, – и обычно, должна сказать, с большим успехом.

Макс и я меняемся родственниками, и моя дорогая свекровь убеждает меня беречь себя, подразумевая, что я еду туда, где лично мне угрожает большая опасность.

Звучит свисток, я обмениваюсь несколькими торопливыми словами с моей секретаршей и другом. Прошу ее сделать все, что я не успела, а также должным образом отчитать Прачечную и Чистку, и дать хорошую рекомендацию кухарке, и отослать те книги, что я не смогла упаковать, и получить из Скотланд-Ярда мой зонтик, и вежливо ответить священнику, обнаружившему сорок три грамматические ошибки в моей последней книге, и просмотреть список семян для сада и вычеркнуть кабачки и пастернак. Да, конечно же, она все это сделает, а если какой-то кризис возникнет в Доме или в Литературном Мирове, она пошлет мне телеграмму. Это неважно, говорю я. У нее есть доверенность. Она может сделать все, что захочет. Она выглядит несколько встревоженной и говорит, что будет очень осмотрительной. Еще свисток! Я прощаюсь с сестрой и дико заявляю ей, что я тоже чувствую, что мы больше не увидимся и что, может быть, у Розалинды действительно будет аппендицит. Глупости, говорит сестра, с какой стати вдруг аппендицит? Мы забираемся в пульман, поезд хрюкает и двигается – мы отправились в путь.

Секунд сорок пять я абсолютно несчастна, а затем, когда вокзал Виктория остается позади, радость вспыхивает снова. Мы начали чудесный, волнующий путь в Сирию.

Есть что-то величественное и высокомерное в пульмане, хотя он далеко не так уютен, как уголок в обычном вагоне первого класса. Мы всегда ездим пульманом, исключительно из-за многочисленных чемоданов Макса (столько обычный вагон не потерпел бы). После того, как однажды его чемоданы, отправленные багажом, ушли куда-то не туда, Макс больше своими драгоценными книгами не рискует.

Мы прибываем в Дувр и обнаруживаем, что море относительно спокойно. Тем не менее я удаляюсь в *Salon des Dames*⁴, ложусь и погружаюсь в размышления с пессимизмом, который на меня всегда навеивает движение волн. Но вскоре мы уже в Кале, и французский стюард приводит большого синеглазого человека, чтобы он занялся моим багажом. «Мадам найдет его в *Douane*⁵», – говорит он. «Какой у него номер?» – спрашиваю я. Стюард смотрит с осуждением: «*Madame! Mais c'est le charpentier du bateau!*⁶»

⁴ Салон для дам.

⁵ Таможня.

⁶ Мадам, но это корабельный плотник!

Я должным образом смущена, но через несколько минут соображаю, что это не ответ. Как может то, что он *charpentier du bateau*, помочь найти его среди нескольких сотен других синеглазых людей, кричащих «Quatre-vingt treize»⁷ и т. д.? Одно его молчание не будет достаточной идентификацией. Более того, неужели то, что он *charpentier du bateau*, поможет ему с безошибочной точностью выбрать одну англичанку средних лет из целой толпы англичанок средних лет?

На этом месте мои размышления прерывает появившийся Макс, он говорит, что привел носильщика для моего багажа. Я объясняю, что *charpentier du bateau* забрал мой багаж, и Макс спрашивает, зачем я ему это позволила. Весь багаж должен был идти вместе. Я соглашаюсь, но оправдываюсь тем, что морские путешествия всегда ослабляют мой интеллект. Макс говорит: «А, ладно, мы соберем его весь в *Douane*». И мы направляемся в это inferно вопящих носильщиков навстречу неизбежному общению с единственным существующим типом действительно неприятной француженки – с Женщиной-таможенником – существом, лишенным очарования и шика и хотя бы малейшего женского изящества. Она щупает и заглядывает, она недоверчиво говорит: «Pas de cigarettes»⁸? и наконец что-то неохотно буркнув, мелом рисует на нашем багаже таинственные иероглифы, и мы проходим через барьер, и на платформу, и затем к Симплонскому Восточному Экспрессу и путешествию через всю Европу.

Много-много лет назад, когда я ездила на Ривьеру или в Париж, меня всегда завораживал вид Восточного Экспресса в Кале, и я мечтала отправиться на нем в путешествие. Теперь это старый добрый друг, но восторженный трепет так все-таки меня и не покинул. Я на нем поеду! Я уже в нем! Я действительно в синем вагоне с простой надписью снаружи *Calais – Istanbul*. Это, без сомнения, мой самый любимый поезд. Я люблю его темп, как он начинает с *Allegro con furore*⁹, раскачиваясь и грохоча, бросая вас из стороны в сторону, в дикой спешке стремясь покинуть Кале и Запад, затем постепенно сбавляет ход *rallentando*¹⁰ по мере продвижения на Восток, пока не переходит к совершенно определенному *legato*¹¹.

Ранним утром на следующий день я поднимаю шторку и смотрю на неясные очертания гор Швецарии, затем следует спуск в долины Италии, мимо чудесной Стрезы и ее синего озера. Затем, позднее, въезжаем в нарядный вокзал – и это все, что мы видим от Венеции, и снова в путь, вдоль моря к Триесту и в Югославию. Ход становится все медленнее и медленнее, стоянки все длиннее, показания станционных часов противоречивы. Н.Е.О.¹² сменяется С.Е.¹³. Названия станций написаны потрясающими неправдоподобного вида буквами. Паровозы становятся толстыми и уютными на вид и изрыгают на редкость черный и противный дым. В вагоне-ресторане счета выписывают в сбивающих с толку денежных единицах и появляются бутылки незнакомой минеральной воды. Маленький француз, сидящий за столом напротив нас, несколько минут молча изучает свой счет, затем поднимает голову и встречается взглядом с Максом. В его полном эмоций голосе звучит жалоба: «Le change des Wagon Lit, c'est incroyable!»¹⁴. Через проход от нас смуглый человек с крючковатым носом требует, чтобы ему сказали, чему соответствует сумма в его счете в а) франках, б) лирах, в) динарах, г) турецких фунтах, д) долларах. Когда многострадальный служащий вагона-ресторана это выполняет, путешественник молча погружается в расчеты и, явно будучи финансовым гением, расплачивается в валюте, наиболее выгодной для его кармана. Таким способом, объясняет он нам, он сэкономил пять пенсов в английских деньгах!

⁷ Девяносто третий.

⁸ Нет сигарет?

⁹ Весело с восторгом.

¹⁰ С замедлением.

¹¹ Плавно.

¹² Западноевропейское время. (фр.)

¹³ Среднеевропейское время.

¹⁴ Курс валют в *Wagon Lit*, он невероятный!

Утром в поезде появляются представители Турецкой таможни. Они никуда не торопятся, и наш багаж вызывает их глубокий интерес. Зачем, спрашивают они у меня, столько туфель? Это слишком много. Но, отвечаю я, зато у меня нет сигарет, так как я не курю, а тогда почему бы не взять еще несколько пар туфель? *Douanier*¹⁵ принимает мое объяснение. Оно ему кажется разумным. А что это за порошок, спрашивает он, в этой маленькой жестяночке?

Это порошок от клопов, говорю я, но вижу, что он меня не понимает. Он хмурится и смотрит с подозрением. Меня явно подозревают в контрабанде наркотиков. В его голосе звучит обвинение: это не порошок для зубов, и не для лица, а для чего же он? Исполняю яркую пантомиму! Я чешусь, очень реалистично, я ловлю виновника. Я опрыскиваю деревянные части. А, все понятно! Он запрокидывает голову и хохочет, повторяя турецкое слово. Так это для них, этот порошок! Он повторяет шутку коллеги. Они уходят дальше, очень довольные шуткой. Теперь появляется проводник *Wagon Lit*, чтобы дать нам наставления. Придут с нашими паспортами и спросят, сколько у нас с собой денег «*effectif, vous comprenez?*»¹⁶. Мне очень нравится определение *effectif*¹⁷, оно так точно описывает именно ту наличность, которая есть на руках. «У вас будет ровно столько-то *effectif!*» – продолжает проводник, он называет сумму. Макс возражает, что у нас больше. «Это неважно. Если сказать это, у вас возникнут сложности. Вы скажете, что у вас кредитное письмо, или туристские чеки, а вот *effectif* – столько-то!» Он добавляет, поясняя: «Понимаете, им все равно, что у вас есть, но ответ должен быть *en regle*. Вы скажете – столько-то».

Наконец появляется господин, отвечающий за финансовые вопросы. Он записывает наш ответ, прежде чем мы успеваем его произнести. Все *en regle*¹⁸. И вот мы въезжаем в Стамбул, пробираясь между странными домами из узких деревянных дощечек, причем справа иногда мелькает море и тяжелые каменные бастионы.

Возмутительный город Стамбул – пока вы в нем, его не видно! Только покинув европейский берег и пересекая Босфор на пути к азиатскому, вы действительно видите Стамбул. Он очень красив в это утро – ясное, бледно-сияющее утро, без дымки, когда мечети с минаретами четко выступают на фоне неба.

«*La Sainte Sophie*¹⁹ – она очень красива», – говорит французский джентльмен.

Все соглашаются, за печальным исключением одной меня. Я, увы, никогда не восхищалась *Sainte Sophie!* Достойный сожаления недостаток вкуса, но это так. Мне всегда казалось, что она определенно неправильного размера. Стыдясь своих извращенных мыслей, я молчу.

Теперь в поезд, который ждет в Хайдарпаша, и когда наконец поезд трогается, завтрак – завтрак, по которому вы к этому времени просто изголодались! Затем целый день чудесного путешествия вдоль извилистого берега Мраморного моря, мимо множества островов – чуть неясных и прелестных на вид. В сотый раз я думаю, что хотела бы владеть одним из этих островов. Странная вещь – желание иметь собственный остров! Большинство людей рано или поздно проходят через это. Остров в нашем сознании символизирует свободу, уединение, беззаботность. Однако я думаю, что на самом деле это означало бы не свободу, а заточение. Все ваши хозяйственные проблемы, скорей всего, зависели бы от материка. Приходилось бы постоянно писать длинные списки продуктов для заказов в магазины, договариваться о доставке мяса и хлеба, выполнять всю домашнюю работу, поскольку вряд ли кто-то из слуг захочет жить на острове, вдали от кино и друзей, даже без автобусного сообщения с себе подобными. Вот остров в южных морях, как мне всегда казалось, это было бы совсем другое дело! Там можно было бы сидеть и лениво есть самые лучшие фрукты, не затрудняя себя проблемами тарелок, ножей, вилок, мытья посуды и жира, оседающего в раковине! Но на самом

¹⁵ Таможенник.

¹⁶ Понимаете, наличных.

¹⁷ Наличные.

¹⁸ По правилам.

¹⁹ Святая София.

деле единственные жители островов южных морей, которых я наблюдала за трапезой, ели из сервированных на очень грязной скатерти тарелок, полных горячего тушеного мяса, плавающего в жире.

Нет, остров (и только таким он и должен быть) – это остров-мечта! На таком острове не нужно мести пол, вытирать пыль, стелить постели, стирать белье, мыть посуду, нет жирных пятен, проблем с едой, списков необходимых продуктов, требующих ухода керосиновых ламп, чистки картошки, мусорных ведер. На острове-мечте есть белый песок и синее море – и волшебный дом, построенный, должно быть, между рассветом и закатом, и яблоня, и пение, и золотые...

Тут мои размышления прерывает Макс, спрашивая, о чем я думаю. Я отвечаю просто: «О рае!»

Макс говорит: «А, подожди, пока ты увидишь Джаг-джаг!»

Я спрашиваю, очень ли он красив, а Макс говорит, что не имеет ни малейшего представления, но это исключительно интересная область мира и на самом деле никто ничего о ней толком не знает.

Поезд, извиваясь, пробирается вверх по ущелью, и мы покидаем море, оставляя его позади.

На следующее утро мы приезжаем к Киликийским воротам и любуемся одним из самых прекрасных видов, которые я знаю. Кажется, будто стоишь на краешке мира и смотришь на Землю обетованную, и понимаешь, что должен был испытывать Моисей. Ибо сюда тоже не суждено вступить. Эта мягкая, дымчато-синяя прелесть – это край, который недостижим; настоящие города и деревни, когда в них попадаешь, оказываются всего лишь обычным повседневным миром, а не этой зачарованной красотой, которая влечет тебя вниз...

Поезд свистит, мы снова забираемся в купе.

Вперед в Алеппо. А из Алеппо в Бейрут, где мы должны встретиться с нашим архитектором и где нужно подготовить все для нашей предварительной разведки района Хабура и Джаг-джага, по результатам которой будет выбрано городище, подходящее для раскопок.

Потому что это, как у Миссис Битон²⁰, начало всего дела. Сперва поймайте себе зайца, говорит эта достойная уважения дама.

То есть, в нашем случае, сперва найдите себе городище. Именно это мы и намереваемся сделать.

Глава 2 РАЗВЕДКА

Бейрут! Синее море, дуга залива, уходящие вдаль вдоль берега дымчато-синие горы. Это вид с террасы отеля. Из спальни, обращенной в сторону материка, мне виден сад алых пуансеттий. Комната высокая, выкрашенная белой клеевой краской, несколько напоминающая тюрьму. Современная раковина со всеми кранами и сливной трубой вносит смелый современный штрих. Над раковиной большой прямоугольный бак с открывающейся крышкой, он подсоединен к кранам. Внутри него пахнущая болотом вода, подающаяся только к холодному крану!²¹

Продвижение водопровода на Восток полно неприятных неожиданностей. Как часто из холодного крана идет горячая вода, а из горячего холодная! И как хорошо я запомнила ванну в одной только что заново оборудованной «западной» ванной комнате, где устрашающая система снабжения горячей водой выдавала кипяток в огромных количествах, холодной воды не было совсем, горячий кран никак не хотел закрываться, а задвижку на двери заело!

Пока я осматриваю пуансеттии с энтузиазмом, а приспособления для умывания с

²⁰ Автор знаменитой книги о ведении домашнего хозяйства, наиболее известен раздел о кулинарии.

²¹ Написано до открытия современного отеля «Св. Георгий». – Прим. Агаты Кристи.

отвращением, в дверь стучат. Появляется низенький, приземистый армянин. Он услужливо улыбается, открывает рот, тычет себе пальцем в глотку и произносит обнадеживающе: «Manger!²²».

Этим простым методом он дает понять даже самому бестолковому, что ленч подан в столовой.

Там я нахожу поджидающего меня Макса, а также нашего нового архитектора Мака, которого я пока почти не знаю. Через несколько дней мы должны отправиться в трехмесячную разведывательную экспедицию, чтобы обследовать местность в поисках подходящих площадок для раскопок. С нами в качестве гида, философа и друга должен поехать Хамуди, в течение многих лет неизменный формен на Уре, старый друг моего мужа, решивший эти осенние месяцы между сезонами провести с нами.

Мак встает и вежливо приветствует меня. Мы садимся и принимаемся за очень неплохую, хотя и несколько излишне жирную еду. Я делаю несколько попыток приветливо заговорить с Маком, он эти попытки очень эффективно пресекает, отвечая: «О, да?», «Правда?», «Неужели?». Я чувствую себя несколько обескураженно. Во мне растет неприятное убеждение, что этот наш молодой архитектор окажется одним из тех людей, которым удастся время от времени пробудить мою застенчивость и довести меня до состояния полного идиотизма. Слава богу, давно остались позади те дни, когда я стеснялась всех. Вместе со средним возрастом я обрела уравновешенность и умение держаться. Время от времени я поздравляю себя с тем, что эта моя дурь прошла и с ней покончено. «Я преодолела ее!» – говорю я себе радостно. Но стоит только мне так подумать, как тотчас же кто-нибудь самый неожиданный снова доводит меня до нервного слабоумия.

Бесполезно говорить себе, что, возможно, молодой Мак тоже застенчив и что именно из-за своей собственной застенчивости он окружает себя защитным панцирем. Факт остается фактом – под влиянием его снисходительной холодной манеры, его вежливо приподнятых бровей, его подчеркнуто-вежливого внимания к моим словам, про которые я и сама знаю, что их и слушать-то не стоит, я на глазах увядаю и начинаю нести, как я и сама вижу, уже полную чепуху. К концу ленча Мак делает мне порицание. «Но ведь наверняка, – говорит он мягко в ответ на мое отчаянное утверждение о валторне, – это не так?»

Он, конечно, совершенно прав. Это не так.

После ленча Макс спрашивает, что я думаю о Маке. Я осторожно замечаю, что, по-моему, он не очень разговорчив. Это же, говорит Макс, великолепно. Я себе не представляю, говорит он, что такое – оказаться в пустыне с человеком, который ни на минуту не перестает болтать! «Я его и выбрал, потому что он мне показался молчаливым».

Я признаю, что в этом что-то есть. Макс продолжает, что, может быть, он застенчив, но скоро разговорится. «Возможно, он тебя боится», – великодушно добавляет он.

Я обдумываю эту утешительную мысль, но не чувствую себя убежденной.

Я, однако, пытаюсь применить к себе внушение.

Во-первых, говорю я себе, ты достаточно стара, чтобы быть Маку матерью. Кроме того, ты писательница – и писательница известная. В конце концов, один из твоих персонажей был использован как ключ в кроссворде в «Таймс» (высшая отметка славы). И более того, ты Жена Руководителя Экспедиции! Ну же! Если кто на кого и должен смотреть свысока, так это ты на молодого человека, а не он на тебя.

Позже мы собираемся идти пить чай и я захожу в комнату Мака позвать его с нами. Я намерена быть естественной и дружелюбной.

В комнате неправдоподобный порядок, а Мак сидит на сложенном пледе и пишет дневник. Он вежливо-вопросительно взглядывает на меня.

«Не хотите ли вы пойти с нами выпить чаю?»

Мак встает.

«Спасибо!»

«А потом, я думаю, вы захотите посмотреть город, – предлагаю я, – это так занятно,

²² Кушать!

бродить по незнакомым местам».

Мак мягко приподнимает брови и холодно произносит: «Разве?»

Несколько утратив уверенность, я иду впереди него в холл, где Макс ждет нас. Макс в счастливом молчании поглощает в больших количествах чай и то, что подано к нему. Макс пьет и ест в настоящем времени, но его сознание пребывает где-то, грубо говоря, около 4000 г. до н. э.

Он рывком выходит из своей задумчивости, когда съеден последний кекс, и предлагает сходить посмотреть, как продвигается дело с нашим грузовиком.

Мы сразу же идем смотреть на наш грузовик – фордовское шасси, к которому приделывается местный кузов. Нам пришлось пойти на такой вариант, так как ни одного подержанного грузовика в достаточно приличном состоянии найти не удалось.

В мастерской, кажется, царит оптимизм, по принципу *Inshallah*, а все сооружение выглядит таким высоким и величественным, что вызывает невольные сомнения, может ли оно таким быть. Макс несколько обеспокоен отсутствием Хамуди, к этому времени он уже должен был встретиться с нами в Бейруте.

Мак отвергает мысль идти смотреть город и возвращается в свою спальню, чтобы сидеть на плеле и писать дневник. Я с любопытством пробую себе представить, что же он пишет в дневнике.

* * *

Раннее пробуждение. В пять утра дверь нашей спальни распаивается, и голос объявляет по-арабски: «Пришли ваши формены!».

Хамуди и два его сына врываются в комнату, с отличающим их пылким очарованием хватают наши руки, прижимая их себе ко лбу. «Shlon kefek?» (Как вы себя чувствуете?) «Kullish zen». (Очень хорошо.) «El hamdu lillah! El hamdu lillah!» (Мы все вместе возносим хвалу Богу!)

Страхивая остатки сонного тумана, мы заказываем чай, а Хамуди и его сыновья удобно устраиваются на корточках на полу и продолжают обмениваться новостями с Максом. Языковой барьер исключает меня из беседы. Я уже использовала все свое знание арабского. Мне ужасно хочется спать, и я даже жалею, что семейство Хамуди не отложило свои приветствия до более удобного часа. И тем не менее я понимаю, что для них появиться таким образом – самая естественная вещь на свете.

Чай разгоняет сонный туман, а Хамуди обращается ко мне с различными замечаниями, которые Макс переводит, так же как и мои ответы. Они все трое сияют от радости, и я понимаю, до чего же они милые люди.

* * *

Приготовления теперь идут полным ходом – покупка припасов, поиски шофера и повара, визит в *Service des Antiquites*²³, чудесный ленч с М-е Сейриг, директором, и его очаровательной женой. Невозможно быть к нам внимательнее, чем они, – и, между прочим, ленч изумительный.

Не согласившись с мнением турецкого *Douanier*²⁴, считавшего, что у меня слишком много туфель, я продолжаю покупать туфли. Покупать туфли в Бейруте – наслаждение. Если нет вашего размера, их для вас делают за пару дней – из хорошей кожи, точно по ноге. Нужно признать, что покупать туфли – это моя слабость. Я не осмелюсь возвращаться домой через Турцию!

Мы бродим по кварталам, где живет местное население, и покупаем заинтересовавшие нас куски ткани – это какой-то толстый белый шелк, вышитый золотой или темно-синей нитью. Мы покупаем шелковые «аба», чтобы послать домой в подарок. Макса потрясает разнообразие

²³ Служба древностей.

²⁴ Таможенника.

видов хлеба. Каждый, в ком есть французская кровь, любит хороший хлеб. Для француза хлеб значит гораздо больше, чем любая другая пища. Я слышала, как офицер *Services Speciaux*²⁵ говорил о коллеге, служившем на отдаленном пограничном форпосте: «*Se pauvre garçon! Il n'a meme pas de pain la bas, seulement la galette Kurde!*²⁶» с глубокой, от самого сердца идущей жалостью.

Еще мы вступаем в долгие и сложные взаимоотношения с Банком. Я потрясена, как и всегда на Востоке, нежеланием банков совершать какие-либо деловые операции. Они вежливы, очаровательны, но стараются избежать совершения самой сделки. «*Oui, oui!*» – сочувственно мурлыкают они. «*Ecrivez une lettre!*²⁷» И снова успокаиваются, со вздохом облегчения отложив всякое действие.

Если же, несмотря на их сопротивление, их все-таки принуждают к действию, то они берут реванш с помощью сложной системы «*les timbres*». Каждый документ, каждый чек, каждая сделка вообще задерживается и усложняется требованием «*les timbres*²⁸». Уплачиваются нескончаемые мелкие суммы. Когда, как вы думаете, все уже закончено, снова возникает задержка!

«*Et deux francs cinquante centimes pour les timbres, s'ill vous plait*²⁹».

И все-таки наконец дело закончено, бесчисленные письма написаны, невероятное число марок приклеено. Со вздохом облегчения банковский клерк видит перспективу наконец от нас отделаться. Покидая банк, мы слышим, как он твердо говорит другому настойчивому клиенту: «*Ecrivez une lettre, s'ill vous plait*³⁰».

Все еще нужно найти повара и шофера.

Первой решается проблема шофера. Хамуди появляется, сияя, и сообщает, что нам повезло – он договорился с прекрасным шофером.

Как, спрашивает Макс, Хамуди заполучил это сокровище?

Оказывается, очень просто. Он стоял на берегу, а поскольку работы у него уже некоторое время не было и он был в состоянии полного обнищания, то он согласен на очень небольшую плату. Таким образом, мы еще и экономим!

Но можно ли как-то узнать, хороший ли это шофер? Хамуди отмахивается от такого вопроса. Пекарь это тот, кто ставит хлеб в печь и печет его, а шофер – это тот, кто берет машину и ведет ее!

Макс, без излишнего энтузиазма, соглашается нанять Абдуллу, если ничего лучше не найдется, и Абдуллу призывают на беседу. Он на редкость похож на верблюда, и Макс со вздохом говорит, что, по крайней мере, он глуп, а это всегда хорошо. Я спрашиваю, почему, а Макс говорит – потому что у него не хватит мозгов жульничать.

В наш последний день в Бейруте мы едем на Реку Собаки, Нахр-эль-Кельб. Здесь в лесистой лощине, ведущей в глубь страны, есть кафе, где можно выпить кофе, а затем с удовольствием бродить по тенистой дорожке.

Но главное очарование Нахр-эль-Кельб в надписях, высеченных на скале там, где дорога ведет вверх к перевалу над Ливаном. Потому что здесь во время бесчисленных войн проходили армии и оставляли свои надписи. Вот египетские иероглифы – Рамзеса II, и похвалы ассирийских и вавилонских армий. Там фигура Тиглатпаласара I. Синнахе-риб оставил надпись в 701 г. до н. э. Александр прошел и оставил свою надпись. Асархаддон и Навуходоносор увековечили свои победы, и, наконец, присоединившись к древним, армия Аленби написала фамилии и инициалы в 1917 г. Мне никогда не надоедает смотреть на изрезанную поверхность

²⁵ Специальной службы.

²⁶ Бедняга! У него там даже совсем нет хлеба, только курдские лепешки!

²⁷ Да, да! ... Напишите письмо!

²⁸ Марки (гербового сбора).

²⁹ И 2 франка 50 сантимов за марки, будьте любезны.

³⁰ Напишите письмо, пожалуйста!

скалы. Здесь история делается зримой...

Я настолько увлекаюсь, что с энтузиазмом говорю Маку, что это просто потрясает, он согласен?

Мак вежливо поднимает брови и совершенно незаинтересованным голосом говорит, что да, конечно, очень интересно...

Следующее волнующее событие – это прибытие нашего нового грузовика и его загрузка. Верх корпуса, определенно, выглядит непропорционально тяжелым. Машина раскачивается и приседает, но при этом имеет настолько полный достоинства, даже скорее королевского величия вид, что немедленно оказывается окрещена «Королева Мэри».

В дополнение к Королеве Мэри мы нанимаем «такси» – «ситроен», который водит приветливый армянин по имени Аристид. Мы нанимаем несколько меланхолического вида повара (Ису), у которого такие хорошие рекомендации, что они просто очень подозрительны. И наконец наступает великий день, и мы трогаемся в путь – Макс, Хамуди, я, Мак, Абдулла, Аристид и Иса, – чтобы быть неразлучными спутниками в радости ли, в горе ли, на ближайшие три месяца.

Наше первое открытие – это что Абдулла самый скверный шофер, какого только можно себе представить; второе – что наш повар почти такой же скверный повар; третье – что Аристид хороший шофер, но у него неправдоподобно скверное такси!

Мы выезжаем из Бейрута по дороге, идущей вдоль побережья. Мы проезжаем Нахр-эль-Кельб и продолжаем ехать дальше так, что море все время слева от нас. Мы минуем небольшие группы белых домов и обворожительные песчаные заливчики и бухточки между скал. Мне ужасно хочется остановиться и выкупаться, но теперь мы уже отправились в путь, туда, где ждет настоящее дело жизни. Скоро, слишком скоро, мы свернем от моря в глубь страны, и тогда долгие месяцы не увидим моря.

Аристид, в манере, принятой в Сирии, непрерывно нажимает на гудок. За нами следует Королева Мэри, кланяясь и приседая, как корабль на море, со своим непропорционально высоким кузовом.

Мы проезжаем Библ, и теперь группки белых домов делаются все реже, все дальше друг от друга. Справа от нас скалистый склон.

И наконец, мы сворачиваем и направляемся в глубь страны к Хомсу.

* * *

В Хомсе есть хороший отель – очень хороший отель, сказал нам Хамуди.

Великолепие отеля, оказывается, заключено главным образом в самом здании. Оно просторное, с огромными каменными коридорами. Его водопровод и канализация, увы, не слишком хорошо функционируют. Его обширные спальни мало что могут предложить в смысле комфорта. Мы смотрим свои комнаты, а затем мы с Максом идем осматривать город. Обнаруживаем, что Мак сидит на краю кровати, сложив плед рядом, и серьезно пишет дневник.

(Что записывает Мак в дневник? Он не проявляет никакого энтузиазма взглянуть на Хомс).

Может, он и прав, так как смотреть особенно не на что.

Мы съедаем плохо приготовленный псевдоевропейский ужин и ложимся спать.

* * *

Вчера мы путешествовали в пределах цивилизации. Сегодня внезапно мы оставляем цивилизацию за спиной. Через час или два нигде не видно никакой зелени. Всюду кругом только коричневая песчаная пустыня. Дороги кажутся запутанными. Иногда, с большими интервалами, мы встречаем грузовики, которые возникают внезапно из ниоткуда.

Очень жарко. Из-за этой жары, и неровной дороги, и скверных пружин такси, и пыли, которую мы глотаем и от которой лицо становится малоподвижным и жестким, – у меня начинается дикая головная боль.

Есть что-то пугающее и в то же время завораживающее в этом огромном мире, лишенном

всякой растительности. Это не равнина, вроде пустыни между Дамаском и Багдадом. Здесь, напротив, все время ползешь то вверх, то вниз. Ощущение, как будто ты превратился в песчинку среди песчаных замков, которые строил в детстве на пляже.

А затем, после семи часов жары и монотонной езды и пустынного мира – Пальмира!

В этом, мне думается, и есть очарование Пальмиры – ее стройная, светлая, нежно-теплого оттенка красота фантастически воздвигается посреди горячего песка. Она прелестна и фантастична и невероятна, со всей театральной неправдоподобностью сна. Дворцы и храмы, и разрушенные колонны...

Я никогда не смогла решить, что же я действительно думаю о Пальмире. Для меня она так и осталась чем-то вроде сна, как она предстала передо мной в тот первый раз. Болевшие глаза и голова сделали ее еще более похожей на видение, порожденное лихорадкой. Этого не бывает – это не может быть реальным.

Но внезапно мы среди людей – толпы веселых французских туристов, смеющихся, болтающих, щелкающих камерами. Мы останавливаемся перед красивым зданием – это отель.

Макс торопливо предупреждает меня: «Не обращай внимания на запах. Нужно некоторое время, чтобы привыкнуть к нему».

И это точно! Отель очарователен внутри, устроен с настоящим вкусом и шармом. Но запах затхлой воды в спальне очень силен.

«Это вполне здоровый запах», – убеждает меня Макс.

А милый пожилой джентльмен, который, как я понимаю, и есть владелец отеля, говорит с большим чувством:

«Mauvaise odeur, oui! Malsain, non!»³¹

Ну, значит, так и есть! А мне, во всяком случае, все безразлично. Я принимаю аспирин, пью чай и ложусь в постель. Позже, говорю я, я пойду посмотреть достопримечательности – а пока мне ничего не надо, кроме темноты и покоя.

В глубине души я несколько встревожена. Неужели я буду плохо переносить путешествие? И это я – которая так всегда любила езду на машине!

Однако через час я просыпаюсь, чувствуя себя совершенно поправившейся и жаждущей увидеть все, что можно увидеть.

Даже Мак в кои-то веки соглашается оторваться от своего дневника.

Мы отправляемся смотреть город и чудесно проводим вторую половину дня.

В самой удаленной от отеля точке мы натываемся на группу французов. У них беда. У одной из дам, которая (как они все) в туфлях на высоких каблуках, оторвался каблук. И она стоит перед проблемой – дойти пешком до отеля невозможно. Оказывается, они приехали сюда на такси, а теперь оно сломалось. Мы окидываем это такси взглядом. Похоже, что в этой стране существует только один тип такси. Это транспортное средство неотлично от нашего – та же разваливающаяся обивка, то же общее впечатление, что все связано веревочками. Шофер – высокий худой сириец, с унылым видом ковыряется в моторе.

Он качает головой. Французы все объясняют. Они прибыли вчера самолетом и завтра так же отправятся отсюда. Это такси они наняли на сегодняшний вечер в отеле, а теперь оно сломалось. Что делать бедной Madame? «Impossible de marcher, n'est ce pas, avec un soulier seulement»³².

Мы рассыпаемся в выражениях соболезнования, и Макс галантно предлагает наше такси. Он вернется в отель и приведет его сюда. Оно может сделать два рейса и забрать нас всех.

Предложение принимается с признательностью и глубокой благодарностью, и Макс отправляется.

Я братаюсь с французскими дамами, а Мак укрывается за непроницаемой стеной сдержанности. Он выдает голые «Oui» или «Non»³³ в ответ на любые попытки завязать беседу,

³¹ Дурной запах, да! Нездоровый, нет!

³² Невозможно идти, не так ли, в одной только туфле.

³³ Да или нет.

и вскоре его милосердно оставляют в покое. Французские дамы проявляют очаровательный интерес к нашей поездке.

«Ah, Madame, vous faite le camping?»³⁴»

Я очарована этой фразой. Le camping!³⁵ Это определенно относит наши приключения к области спорта!

Как приятно, говорит другая дама, заниматься le camping. Да, говорю я, это будет очень приятно.

Время идет, мы болтаем и смеемся. Внезапно, к моему полному изумлению, появляется раскачивающаяся Королева Мэри. За рулем Макс с сердитым лицом.

Я требую объяснить, почему он не привел такси.

«Потому что оно здесь», – в ярости отвечает Макс. И он драматически указывает пальцем на упрямую машину, во внутренности которой все еще с надеждой заглядывает худой сириец.

Хор удивленных восклицаний, а я понимаю, почему эта машина казалась такой знакомой. «Но, – восклицает французская дама, – это машина, которую мы наняли в отеле». Тем не менее, объясняет Макс, это наше такси.

Объяснения с Аристидом очень болезненны. Ни одна из сторон не желает понять точку зрения другой.

«Разве я не нанял такси и тебя на три месяца? – требует Макс. – И разве тебе надо было за моей спиной самым бесстыдным образом сдавать его другим?»

«Но, – говорит Аристид, весь оскорбленная невинность, – разве вы сами мне не сказали, что сегодня вам оно не понадобится? Естественно, тут у меня появился шанс получить дополнительно немного денег. Я договариваюсь с другом, и он везет эту компанию по Пальмире. Как это может повредить вам, если вы сами не хотите сидеть в машине?»

«Это вредит мне, так как, во-первых, мы так не договаривались, а во-вторых, теперь машине нужен ремонт и вполне вероятно, что завтра она не сможет двигаться дальше!»

«Ну, об этом, – говорит Аристид – вам нечего беспокоиться. Мы с другом, если понадобится, просидим над ней всю ночь».

Макс кратко отвечает, что им лучше так и поступить.

И в самом деле, на следующее утро верное такси ждет нас у дверей, с улыбающимся и по-прежнему не признающим своей вины Аристидом за рулем.

* * *

Сегодня мы приезжаем в Дейр-эз-Зор на Евфрате. Очень жарко. Город вонючий и непривлекательный. *Services Speciaux*³⁶ любезно предоставляет в наше распоряжение комнаты, так как здесь нет европейского отеля. За широким коричневым потоком реки красивый вид. Французский офицер мило осведомляется о моем здоровье и выражает надежду, что езда в эту жару не слишком тяжела для меня. «Madame Jaquot, жена нашего генерала, была *completement knock out*³⁷, когда она приехала».

Это определение поражает мое воображение. Я, в свою очередь, выражаю надежду, что не буду *completement knock out* к концу нашей разведки.

Мы покупаем овощи и огромное количество яиц и, нагрузив Королеву Мэри так, что пружины едва выдерживают, отправляемся, на этот раз начиная собственно разведку.

* * *

Бусейра! Здесь есть полицейский пост. На это место Макс возлагал большие надежды, так

³⁴ Ах! Мадам, вы совершаете туристический поход?

³⁵ Туристический поход.

³⁶ Специальная служба.

³⁷ Мадам Жако... совершенно разбита.

как это на слиянии Евфрата и Хабур. Римский Цирцезиум на противоположном берегу.

Бусейра, однако, разочаровывает. Нет признаков никаких древних поселений, кроме как римского времени, на которые мы смотрим с праведным отвращением. «Min Ziman er Rum», – говорит Хамуди, неприязненно покачивая головой, и я послушно, как эхо, вторю ему.

Потому что, с нашей точки зрения, римляне безнадежно современны – дети вчерашнего дня. Наши интересы начинаются во втором тысячелетии до н. э., с переменчивой судьбы хеттов, а в особенности мы хотим больше узнать о военной династии Митанни, пришлых искателей приключений, о которых мало что известно, но которые процветали в этой части мира, и чью столицу Вашшукканни еще предстоит идентифицировать. Правящая каста воинов, которые навязали свою власть этой стране, которые путем брачных союзов породнились с царским домом Египта и которые, видимо, хорошо понимали в лошадях, поскольку трактат по уходу и обучению лошадей приписывается некоему Кик-кули, человеку из рода Митанни.

И конечно, от этого периода в глубь веков, в сумрачные доисторические времена – времена без письменных памятников, когда только керамика и планировка домов, и амулеты, украшения и бусы остаются, чтобы быть немymi свидетелями той жизни, которой жили эти народы.

Поскольку Бусейра нас разочаровала, мы отправляемся в Меядин, дальше к югу, хотя тут у Макса особых надежд нет. После этого мы повернем к северу вверх по левому берегу реки Хабур.

Именно в Бусейре я впервые увидела Хабур, который до этого был для меня только названием, хотя и названием, многократно повторяемым Максом.

«Хабур – вот это место. Сотни теллей!»

Он продолжает: «А если мы не найдем то, что хотим, на Хабуре, обязательно найдем на Джаг-джаге!»

«Что, – спрашиваю я, в первый раз услышав это название, – что такое Джаг-джаг?»

Такое название кажется мне совершенно фантастическим.

Макс снисходительно говорит, что я, наверное, никогда не слыхала о Джаг-джаге. Очень многие не слыхали, признает он.

Я принимаю обвинение и добавляю, что пока он не упомянул о Хабуре, я не слыхала даже и о нем. Вот это удивляет его.

«Но неужели ты не знала, – говорит Макс в изумлении от моего потрясающего неведения, – что телль Халаф на Хабуре?»

Он почтительно понижает голос, говоря об этом знаменитом месте обнаружения доисторической керамики.

Я качаю головой и не решаюсь обратить его внимание на то, что не выйди я за него замуж, я, вполне возможно, никогда бы и не услышала о телле Халафе!

Я могу сказать, что попытки объяснить людям, где мы копаем, всегда связаны с большими трудностями.

Мой первый ответ обычно одно слово – «Сирия».

«О! – говорит уже немного смущенно средний собеседник, задавший вопрос. На его или ее лбу собираются морщины. – Да, конечно, Сирия... – Библейские воспоминания оживают. – Погодите, это же Палестина, да?»

«Это рядом с Палестиной, – говорю я одобрительно. – Знаете, дальше в глубь материка».

Это не слишком помогает, так как Палестина, которая для людей связана скорее с Библейской историей и Воскресной школой, чем с географическим положением, вызывает ассоциации чисто литературные и религиозные.

«Не могу точно себе представить, где она, – морщины углубляются, – а где приблизительно вы копаете – я имею в виду, около какого города?»

«Не около какого-нибудь города. Около границы Турции и Ирака».

Выражение беспомощности появляется на лице знакомого.

«Но все-таки вы должны же быть вблизи от какого-нибудь города!»

«Алеппо, – говорю я, – милях в двухстах оттуда».

Человек вздыхает и сдается. Затем, оживившись, спрашивает, что мы едим: «Наверное, одни финики?»

А когда я отвечаю, что баранину, цыплят, яйца, рис, фасоль, баклажаны, огурцы, апельсины по сезону и бананы, то на меня смотрят с осуждением и говорят: «Нельзя сказать, чтобы вам приходилось терпеть лишения!».

В Меядине начинается *le camping*³⁸.

Для меня ставят стул, и я величественно сижу посреди большого двора, или хана, в то время как Макс, Мак, Аристид, Хамуди и Абдулла борются с палатками, стараясь установить их.

Нет сомнений, что мне достается лучшая участь. Это исключительно занимательное зрелище. Дует сильный ветер пустыни, что отнюдь не помогает, а все участники на имеют опыта. Возносит мольбы о сострадании и милосердии Божьем Абдулла, требует помощи у всех святых армянин Аристид, дикие подбадривающие вопли и смех привносит Хамуди, яростные проклятия Макс. Только Мак трудится в молчании, правда, даже он иногда бурчит что-то шепотом.

Наконец все готово. У палаток несколько нетрезвый вид, какой-то не совсем правильный, но они поставлены. Мы все единодушно поносим повара, который вместо того, чтобы готовить еду, наслаждался зрелищем. Однако у нас есть очень полезные на такой случай консервы, которые мы открываем, чай готов, и вот, когда солнце садится, ветер стихает и неожиданно холодает, мы отправляемся спать. Это мой первый опыт закивания себя в спальный мешок. Требуются совместные усилия – Макса и мои, но оказавшись наконец внутри, я чувствую себя сказочно удобно. Я всегда беру с собой одну действительно хорошую мягкую пуховую подушку – для меня в этом вся разница между уютом и бедственным существованием.

Я счастливо говорю Макс: «Я думаю, что мне нравится спать в палатке!»

Тут неожиданная мысль приходит мне в голову:

«Как ты думаешь, крысы или мыши или еще кто-нибудь не будут ночью по мне бегать?»

«Обязательно будут», – сонно и приветливо отвечает Макс.

Я начинаю обдумывать эту мысль и засыпаю, а проснувшись обнаруживаю, что уже пять утра – восход и пора вставать и начинать новый день.

* * *

Городища в непосредственной близости от Меядина оказываются малопривлекательными.

«Римские», – с отвращением бормочет Макс. Это с его стороны самая последняя степень осуждения. Подавляя остатки чувства, говорящего, что римляне были интересными людьми, я подражаю его тону, говорю «Римские» и выбрасываю подобранный мной черепок презираемой керамики. «*Mir Ziman... er Rum*», – говорит Хамуди.

Во второй половине дня мы отправляемся посетить американские раскопки в Доуре. Это очень приятный визит, и они очень любезны с нами. Однако я обнаруживаю, что мой интерес к находкам слабеет и что мне все труднее слушать или принимать участие в разговоре.

Их рассказ о трудностях, с которыми они первоначально столкнулись при найме рабочей силы, очень забавен.

Работать за плату в этой, от всего далекой части мира оказалось совершенно новой идеей. Все попытки экспедиции упирались в непонимание и глухой отказ. В отчаянии они обратились к французским военным властям. Последовал ответ – немедленный и эффективный. Французы арестовали две сотни, или сколько там было нужно, и доставили их на работу. Пленники были дружелюбны, в самом прекрасном настроении и, казалось, работали с удовольствием. Им было сказано вернуться на следующий день, но они не появились. Опять попросили французов помочь, и они опять арестовали рабочих. Опять люди работали с видимым удовольствием. Но опять-таки не появились снова, и снова пришлось прибегнуть к военному аресту.

В конце концов дело прояснилось.

«Разве вам не нравится у нас работать?»

«Нет, нравится, почему бы не нравиться? Дома нам делать нечего».

³⁸ туристический поход.

«Тогда почему вы не приходите каждый день?»

«Мы хотим прийти, но, естественно, мы должны ждать, когда аскеры (солдаты) придут за нами. Могу сказать, мы были очень возмущены, когда они не пришли за нами. Это их долг!»

«Но мы хотим, чтобы вы работали у нас без того, чтобы аскеры вас приводили».

«Что за странная идея!»

В конце недели им выдали плату, и это довершило их изумление.

Воистину, говорили они, они не в силах понять обычаи иностранцев.

«Французские аскеры здесь командуют. Естественно, их право забрать нас и отправить в тюрьму или послать копать для вас землю. Но почему вы даете нам деньги? За что эти деньги? В этом нет смысла!»

Однако в конце концов странные западные обычаи были приняты, хотя и с качанием головы и бормотанием. Раз в неделю им платили деньги, но некоторое недовольство аскерами осталось. Дело аскеров приходиться за ними каждый день!

Правда это или нет, но история хороша! Мне бы только хотелось чувствовать себя менее тупой. Что такое со мной? Когда я попадаю обратно в лагерь, голова у меня кружится. Я измеряю температуру и обнаруживаю, что она 102° F! Кроме того, у меня болит где-то в середине и меня очень мутит. Я рада забраться в свой мешок и заснуть, отвергая всякую мысль об обеде.

* * *

Утром Макс выглядит встревоженным и спрашивает, как я себя чувствую. Я отвечаю со стоном: «Как умирающий!» Он выглядит еще более встревоженным. Он спрашивает, думаю ли я, что действительно заболела.

Я подтверждаю это предположение. У меня то, что в Египте называется «египетский желудок», а в Багдаде «багдадский желудок». Не очень забавно подхватить такое недомогание, когда ты в самой середине пустыни. Макс не может оставить меня одну, и все равно днем внутри палатки температура около 130° F! Разведка должна продолжаться. Я сижу скрючившись в машине, качаясь в лихорадочном бреду. Когда мы доезжаем до городища, я вылезает и ложусь в том пятне тени, которую может дать высокий кузов Королевы Мэри, пока Макс и Мак бродят по городищу, исследуя его.

Честно говоря, следующие четыре дня это сплошной неослабевающий ад!

Одна из историй Хамуди кажется особенно подходящей к случаю – а именно о прелестной жене султана, которую он увез и которая дни и ночи воссылала жалобы Аллаху на то, что она осталась без подруг, совсем одна в пустыне. «И в конце концов Аллаху надоели ее причитания, и он послал ей подруг. Он послал ей мух!»

Я чувствую особую ненависть к этой прелестной леди за то, что она разгневала Аллаха! Весь день тучи мух, окружающие меня, не дают покоя.

Я горько сожалею, что вообще отправилась в эту экспедицию, и с трудом удерживаюсь, чтобы не сказать этого вслух.

После четырех дней только на жидком чае без молока я неожиданно оживаю. Жизнь снова прекрасна. Я съедаю колоссальную порцию риса с тушеными овощами, плавающими в жиру. Мне это кажется самым изысканным блюдом, какое я когда-либо пробовала!

После этого я взбираюсь на городище, у которого стоит наш лагерь – тель Сувар, на левом берегу Хабура. Здесь ничего нет вокруг – ни деревни, ни какого-нибудь жилья, даже шатров бедуинов.

Есть луна над нами, а под нами Хабур изгибается большой двойной петлей. Ночной воздух нежно пахнет после дневной жары.

Я говорю: «Какое чудесное городище! Нельзя ли нам копать здесь?» Макс грустно качает головой и произносит роковое слово.

«Римское».

«Как жаль. Это такое чудесное место».

«Я говорил тебе, – отвечает Макс, – что Хабур самое подходящее место! Сплошь телли по обоим берегам».

Несколько дней телли меня не интересовали, но я рада, что ничего интересного не пропустила.

«Ты уверен, что здесь нет того, что ты хочешь?» – спрашиваю я с надеждой. Телль Сувар мне очень нравится.

«Нет, конечно же, тут все есть, но оно все внизу. Нам пришлось бы копать вглубь сквозь римский слой. Мы можем найти что-нибудь лучше».

Я вздыхаю и шепчу: «Здесь так тихо и спокойно – ни души вокруг». В этот момент очень старый человек появляется совершенно из ниоткуда.

Откуда он пришел? Он медленно, неторопливо поднимается по склону городища. У него длинная белая борода и неопишное чувство собственного достоинства.

Он вежливо приветствует Макса. «Как вы себя чувствуете?» «Хорошо, а вы?» «Хорошо». «Хвала Богу!» «Хвала Богу!»

Он садится рядом с нами. Наступает долгое молчание – вежливое молчание, предписываемое хорошими манерами, такое умиротворяющее после западной спешки.

Наконец старик спрашивает у Макса его имя. Макс говорит. Старик обдумывает его.

«Милван, – повторяет он, – Милван... Как светло! Как ярко! Как красиво!»

Он еще некоторое время сидит с нами. Затем, так же спокойно, как он появился, покидает нас. Больше мы никогда его не видим.

* * *

Теперь, поправившись, я действительно начинаю получать удовольствие. Каждое утро, едва рассветет, мыдвигаемся в путь, обследуя каждое городище по пути, обходя его раз за разом по кругу и собирая черепки керамики. Затем наверху мы сравниваем результаты, а Макс отбирает те образцы, которые могут пригодиться, складывает их в полотняный мешочек и надписывает.

Между нами идет отчаянное состязание – у кого окажется главная находка дня.

Я начинаю понимать, почему у археологов привычка ходить, опустив взгляд к земле. Скоро, предчувствую я, я сама забуду, что можно смотреть вокруг или на горизонт. Я буду ходить, глядя под ноги, как будто только там может быть что-то представляющее интерес.

* * *

Я потрясена, как это часто бывало и раньше, принципиальной разницей между расами. Ничто не может различаться больше, чем отношение наших двух шоферов к деньгам. Абдулла едва ли пропускает хоть один день, не попросив аванс в счет своего заработка. Его бы воля, он получил бы авансом все сразу и, как я склонна думать, все это было бы истрачено меньше чем за неделю. С арабским размахом Абдулла спустил бы все в кофейнях. Он бы показал себя! Он бы «создал себе репутацию»!

Аристид, армянин, проявляет величайшее нежелание получить хотя бы пенни из своего жалованья: «Вы сберегите это для меня, Хвайа, до конца путешествия. Если мне будут нужны деньги на какие-нибудь мелкие расходы, я приду к вам». До сих пор он попросил всего четыре пенса из жалованья – купить пару носков!

Его подбородок теперь украшает пробивающаяся борода, отчего он делается уже совсем похожим на какой-то библейский персонаж. Так дешевле, объясняет он, если не бриться. Экономить деньги, которые пошли бы на бритвенное лезвие. А здесь, в пустыне, это не имеет значения.

К концу путешествия Абдулла опять будет без гроша и, без сомнения, опять будет украшать собой берег в Бейруте, ожидая с арабским оптимизмом, что Божья милость пошлет ему новую работу. А у Аристида заработанные деньги останутся нетронутыми.

«А что ты хочешь с ними делать?» – спрашивает Макс.

«Они пойдут на то, чтобы купить такси получше», – отвечает Аристид.

«А когда у тебя будет такси получше?»

«Я буду зарабатывать больше, и у меня будет два такси».

Я легко могу себе представить, что, вернувшись в Сирию через двадцать лет, я увижу Аристиду обладателем огромного богатства и большого гаража, живущим, очень может быть, в большом доме в Бейруте. И даже тогда, смею утверждать, он не станет бриться в пустыне, раз на этом экономится цена бритвенного лезвия.

А ведь Аристид вырос не среди своего народа. В один прекрасный день мы встречаем каких-то бедуинов и они окликают его, он им отвечает, размахивая руками и крича что-то приветливое.

«Это, – объясняет он, – племя Анаиза, я к нему принадлежу».

«Это как?» – спрашивает Макс.

И тут Аристид своим добрым, счастливым голосом, со спокойной, веселой улыбкой рассказывает свою историю. Историю маленького мальчика семи лет, которого со всей его семьей и другими армянскими семьями турки живыми бросили в глубокую яму. Их полили дегтем и подожгли. Его отец и мать, двое братьев и сестры – все заживо сгорели. А он, оказавшись под ними всеми, был еще жив, когда турки ушли, и позже его нашел кто-то из арабов Анаиза. Они взяли его с собой и приняли в племя Анаиза. Он вырос как араб, кочуя вместе с ними по пастбищам. Но когда ему исполнилось восемнадцать, он отправился в Мосул и там потребовал, чтобы ему выдали документы, подтверждающие его национальность. Он армянин, а не араб. И все же кровное братство сохранилось, и для племени Анаиза он все еще один из них.

* * *

Хамуди и Макс очень весело вместе. Они смеются, поют песни, обмениваются историями. Иногда, когда смех уж очень веселый, я требую перевод. Бывают моменты, когда я завидую тому, как они веселятся. Мак все еще отделен от меня непреодолимым барьером. Мы сидим рядом на заднем сиденье и молчим. Любое мое замечание оценивается в соответствии с его достоинством, и Мак поступает с ним соответственно. Никогда мне не приходилось чувствовать, что мой успех в обществе столь низок. Мак, со своей стороны, кажется вполне счастливым. Есть в нем некая прекрасная самодостаточность, которой я не могу не восхищаться.

* * *

Тем не менее, когда упаковавшись в спальный мешок на ночь, в уединении нашей палатки я обсуждаю с Максом события дня, я упорно утверждаю, что Мак не совсем человеческое существо!

Уж если Мак сам произносит какое-то замечание, то это, как правило, что-нибудь угнетающее. Враждебный критицизм, кажется, доставляет ему определенное унылое удовлетворение.

Сегодня я встревожена все возрастающей неуверенностью моей походки. Каким-то таинственным образом мои ноги, похоже, утратили согласованность. Меня удивляет определенный крен на левый борт. Вдруг это, со страхом размышляю я, первый симптом какой-то тропической болезни?

Я спрашиваю Макса, заметил ли он, что я не могу ходить по прямой.

«Но ведь ты никогда не пьешь, – отвечает он – Бог свидетель, – добавляет он укоризненно, – я изо всех сил старался приучить тебя».

Так возникает второй и при этом спорный вопрос. Каждый борется всю свою жизнь с какой-нибудь прискорбной неспособностью. В моем случае – это неспособность оценить ни табак, ни алкоголь.

Если бы только я могла заставить себя осуждать эти важнейшие продукты, мое самоуважение было бы спасено. Но нет, напротив, я с завистью смотрю на уверенных в себе женщин, стряхивающих пепел тут, там и повсюду; и я самым жалким образом слоняюсь по комнате в поисках места, где бы спрятать мой нетронутый бокал, когда я бываю приглашена на коктейли.

Настойчивость результата не дала. В течение шести месяцев я с религиозным упорством выкуривала по сигарете после ленча и после обеда, слегка давась, откусывая частички табака и моргая, когда поднимающийся дым щипал мне глаза. Скоро, говорила я себе, я должна научиться любить курение. Я не научилась любить курить, а мое исполнение было жестоко раскритиковано как нехудожественное и неприятное для зрителя. Я признала свое поражение.

Когда я вышла замуж за Макса, мы в полной гармонии наслаждались радостями стола – ели разумно, но даже слишком хорошо. Он был расстроен, обнаружив, что моя способность оценить хорошие напитки, а по правде говоря, любые напитки, равно нулю. Он принялся за дело моего образования, настойчиво испытывая на мне клареты, бургундские, сотерны, грав, и уже с отчаяния токай, водку и абсент! В конце концов он признал поражение. Моей единственной реакцией было, что некоторые из них на вкус еще хуже других! С усталым вздохом Макс представил себе жизнь, в которой он будет осужден на постоянную борьбу за то, чтобы добывать мне в ресторане воду. Это, говорит он, состарило его на несколько лет.

Отсюда его замечание в ответ на мою попытку искать его сочувствия по поводу моей пьяной походки.

«Меня, – объяснила я, – как будто все время сносит влево».

Макс говорит, что, возможно, это одна из тех очень редких тропических болезней, которые различаются только именами тех, в честь кого они названы. Болезнь Стифенсона – или Хартли. Какая-нибудь такая, жизнерадостно продолжает он, которая может кончиться тем, что у тебя отвалится один за другим пальцы на ногах.

Я обдумываю такую приятную перспективу. Затем мне приходит в голову взглянуть на туфли. Сразу же тайна раскрыта. Наружный край подошвы левой туфли и внутренний правой совершенно сношены. Пока я сижу, уставившись на подметки, полное объяснение расцветает передо мной. С тех пор как мы покинули Дейр-эз-Зор, я обошла по кругу примерно пятьдесят городищ – на разной высоте, по крутому склону, но всегда так, что холм был слева от меня. Все, что требуется – это ходить в обратную сторону, обходить насыпи справа, а не слева. И в конце концов мои туфли сносятся равномерно.

* * *

Сегодня мы приезжаем к теллю Аджаджа, бывшему Арбану, большому и важному теллю.

Где-то близко подходит основная дорога из Дейр-эз-Зора, так что мы чувствуем, что практически мы уже на большой дороге. Нам попадается три машины, все они несутся, как бешеные, в сторону Дейр-эз-Зора!

Небольшие кучки глиняных домов украшают собой телль, и разные люди приходят провести с нами время на этом большом городище. Это уже практически цивилизация. Завтра мы приедем в Хассеке, у слияния Хабура и Джаг-джага. Там мы будем в цивилизации. Это французский военный пост и важный город в этой части мира. Там я впервые увижу легендарную и давно обещанную реку Джаг-джаг. Я просто взволнованна.

* * *

Наш приезд в Хассеке полон впечатлений! Это непривлекательное место с улицами, несколькими лавками и почтой. Мы наносим два церемониальных визита – один к военным, один на почту.

Французский лейтенант очень любезен и готов помочь. Он предлагает свое гостеприимство, но мы уверяем его, что в наших палатках, поставленных у реки, вполне удобно. Мы, однако, принимаем приглашение на обед на следующий день. Почта, куда мы направляемся за письмами, оказывается более долгим делом. Почтмейстера нет на месте, и вследствие этого все заперто. Однако за ним отправляется мальчишка, и после соответствующей паузы (полчаса!) он появляется – сама любезность, приветствует наше прибытие в Хассеке, приказывает принести нам кофе и только после продолжительного обмена комплиментами переходит к самому делу – письмам.

«Но не стоит спешить, – говорит он, сияя. – Приходите завтра снова. Я буду рад снова

принимать вас».

«Завтра, – говорит Макс, – нас ждет работа. Мы бы хотели получить письма сегодня».

А, ну вот и кофе! Мы сидим и неторопливо пьем его. Наконец, после наших вежливых настойчивых просьб, почтмейстер отпирает свой личный офис и начинает поиски. От щедрости души он пытается навязать нам дополнительно письма, адресованные другим европейцам. «Лучше бы вы все-таки взяли вот эти, – говорит он, – они уже здесь месяцев шесть. Никто за ними не пришел Да, да, конечно же, они для вас».

Вежливо, но твердо мы отказываемся от корреспонденции мистера Джонсона, месье Маврогородата и мистера Пая. Почтмейстер разочарован.

«Так мало? – говорит он. – Ну пожалуйста, вот это, большое, может быть, вы его все-таки возьмете?»

Но мы настаиваем на том, чтобы твердо ограничиться теми письмами и газетами, которые адресованы на наши имена. Как было условлено, нам прислан денежный перевод, и Макс поднимает вопрос о том, чтобы получить деньги. Кажется, это невероятно сложно. Насколько мы понимаем, почтмейстер никогда раньше не видел денежного перевода и, что совершенно понятно, относится к нему с большим подозрением. Он призывает двух ассистентов, и вопрос обсуждается очень глубоко, но в то же время весело. Это что-то совершенно новое и чудесное, и у каждого может быть по этому поводу свое собственное мнение.

В конце концов вопрос решен и многочисленные бумаги подписаны, и тут происходит неожиданное открытие: наличных денег на почте нет! Этому, говорит почтмейстер, можно помочь завтра! Он пошлет на базар и там их соберет.

Мы покидаем почту, чувствуя себе несколько изнуренными, и идем к тому месту у реки, которое мы выбрали для лагеря, – немного в стороне от пыли и грязи Хассеке. Печальное зрелище встречает нас. Иса, повар, сидит у кухонной палатки и, схватившись за голову, горько плачет.

Что случилось?

Увы, отвечает он, он опозорен. Мальчишки собрались вокруг и смеются над ним. Его честь погибла! Он на миг отвлекся, и собаки сожрали приготовленный им обед. Не осталось ничего, совсем ничего, кроме риса.

Мы мрачно едим пустой рис, в то время как Хамуди, Аристид и Абдулла повторяют несчастному Исе, что главный долг повара – не позволять своему вниманию рассеиваться, не отвлекаться от обеда, который он стряпает, вплоть до того момента, когда этот обед благополучно подан тем, для кого он предназначается.

Иса говорит, что он чувствует, что быть поваром выше его сил. Он никогда раньше не был поваром («Это многое объясняет!» – говорит Макс) и он бы лучше пошел работать в гараж. Не даст ли Макс ему рекомендацию как первоклассному шоферу?

Макс отвечает, что, конечно, нет, так как никогда не видел, чтобы он водил машину.

«Но, – говорит Иса, – я заводил ручкой Королеву Мэри в одно холодное утро. Вы это видели?»

Макс признает, что видел.

«Значит, – говорит Иса, – вы можете меня рекомендовать!»

Глава 3 ХАБУР И ДЖАГ-ДЖАГ

Эти осенние дни – самые прекрасные дни, которые я когда-либо знала. Мы встаем рано, вскоре после восхода, пьем горячий чай, едим яйца и отправляемся в путь. Еще холодно, и я одеваю два свитера-джерси и большое пушистое пальто. Освещение прелестное – слабый нежно-розовый отсвет смягчает коричневые и серые тона. С верха городища смотришь на мир, кажущийся покинутым. Холмы поднимаются повсюду – можно насчитать, наверное, штук

шестьдесят, глядя с одного места. То есть это шестьдесят древних поселений. Здесь, где теперь только бродят кочевые племена со своими коричневыми шатрами, когда-то была оживленная часть мира. Именно здесь около пяти тысяч лет тому назад была самая оживленная часть мира. Здесь были истоки цивилизации, и этот поднятый здесь мной черепок глиняного горшка, лепного, с рисунком из точек и крестиков, сделанным черной краской, он и есть предшественник той купленной в Вулворте чашки, из которой я пила чай в это самое утро.

Я просматриваю содержимое оттопыренных карманов моего пальто (мне уже дважды пришлось чинить подкладку), выкидываю дубликаты и смотрю, что я могу предложить на суд Хозяина, соревнуясь с Маком и Хамуди.

Ну вот, так что у меня есть?

Довольно толстый серый черепок, часть венчика горшка (это ценно, так как позволяет судить о форме), какая-то грубая красная керамика, два фрагмента раскрашенных горшков, лепных, один из них с точечным орнаментом (старейшая керамика телля Халафа!), кремневый нож, часть доньшка тонкого серого горшка, несколько других малопонятных кусочков раскрашенной керамики, кусочек обсидиана.

Макс производит отбор, безжалостно выкидывая большую часть предметов, с удовлетворением похрюкивая над другими. У Хамуди глиняное колесо колесницы, а у Мака фрагмент керамики с резным орнаментом и обломок фигурки.

Собрав все находки вместе, Макс ссыпает их в полотняный мешочек и, как всегда, надписывает на них название телля, на котором они были обнаружены. Этот конкретный телль не помечен на карте. Мы называем его телль Мак в честь Маккартни, который здесь сделал первую находку.

Насколько физиономия Мака может вообще выражать хоть что-то, похоже, что она выражает легкое удовольствие.

Мы сбегает по склону телля и забираемся в машину. Я снимаю один из свитеров. Солнце начинает припекать.

Мы посещаем еще два небольших телля и на третьем, с которого открывается вид на Хабур, едим ленч – крутые яйца, банка мясных консервов, апельсины и на редкость черствый хлеб. Аристид на примусе греет чай. Теперь уже очень жарко, и все тени и краски исчезли. Все вокруг одинакового, мягкого бледного желтовато-коричневого цвета.

Макс говорит, что нам повезло, что мы ведем разведку сейчас, а не весной. Я спрашиваю – почему? И он говорит, потому что было бы гораздо труднее находить черепки, когда тут всюду кругом была бы растительность. Все это, говорит он, будет весной зеленым. Это, говорит он, плодородная степь. Я с восхищением говорю, что это звучит как слишком большое преувеличение. Макс отвечает, что это действительно плодородная степь!

Сегодня мы берем Мэри и отправляемся вверх по правому берегу Хабура в телль Халаф, заезжая по пути на телль Руман (название зловещее, но на самом деле там нет ничего заметно римского) и телль Джума.

В этом районе все телли могут представлять для нас интерес, в отличие от тех, что южнее. Черепки керамики второго и третьего тысячелетия попадаются часто, а римских остатков немного. Есть также ранняя доисторическая лепная расписная керамика. Трудность будет в том, чтобы выбрать из такого большого числа теллей. Макс снова и снова повторяет с торжеством и полным отсутствием оригинальности, что это, несомненно, самое подходящее место!

В нашем посещении телля Халафа есть что-то от почтения, свойственного паломничеству к святыне. Телль Халаф – это название, которым мне за последние годы так прожужжали уши, что я едва могу поверить, что действительно увижу это самое место. И это очень красивое место, с петлей Хабура, охватывающей его подножие.

Я вспоминаю наш визит в Берлине к барону фон Оппенхайму, когда он привел нас в Музей своих находок. Макс и он оживленно проговорили (как мне кажется) полных пять часов. Сесть там было негде. Мой интерес, острый вначале, начал ослабевать и под конец угас совсем. Тусклым взглядом я смотрела на различные на редкость уродливые статуи, найденные в телле Халафе, которые, по мнению барона, принадлежали к тому же времени, что и очень интересная керамика. Макс пытался вежливо высказывать другое мнение, прямо не противореча барону.

Моему затуманенному взору все эти статуи казались до странности одинаковыми. Только спустя какое-то время я сделала открытие, что они и были одинаковыми, так как все, кроме одной, были гипсовыми копиями.

Барон фон Оппенхайм прерывал свои увлеченные рассуждения, чтобы с любовью в голосе произнести: «Ах, моя прекрасная Венера» и нежно погладить статую. Затем он вновь бросался в дискуссию, а я грустно жалела, что нельзя, как говорит старая поговорка, «отрезать свои ступни и повернуть другим концом кверху!»

* * *

У нас много разговоров с местными жителями на различных городищах, пока мы приближаемся к теллю Халафу. Все они сводятся к разнообразным легендам о Эль Бароне – главным образом о неправдоподобных суммах, которые он платил, причем золотом. Со временем представление о количестве золота стало сильно преувеличенным. Чувствуешь, что даже германское правительство не могло изливать такие потоки драгоценного металла, как это сохранила традиция! Всюду к северу от Хассеке маленькие селения и признаки земледелия. С тех пор как французское правление сменило турецкое, эта страна оказалась оккупированной впервые с римских времен.

Мы возвращаемся домой поздно. Погода меняется, поднимается ветер, и это очень неприятно – пыль и песок летят в лицо и щиплют глаза. Мы приятно проводим время на обеде у французов, хотя принять нарядный, а вернее, опрятный вид было нелегкой задачей, так как чистая блузка для меня и чистые рубашки для мужчин – это все, на что мы способны! Обед великолепный и вечер очень приятный. К нашим палаткам мы, однако, возвращаемся под хлещущим дождем. Ночь беспокойна – собаки воют, палатки хлопают и натягиваются на ветру.

Покинув на некоторое время Хабур, мы сегодня совершаем экскурсию на Джаг-джаг. Огромный холм, совсем близко, вызывал мой живейший интерес, пока я не узнала, что это потухший вулкан Кокаб.

Нашей конкретной целью был некий телль Хамиди, о котором мы слышали хорошие отзывы, но добраться до него трудно, так как прямой дороги туда нет. Это значит, что надо ехать напрямик, пересекая бесчисленные небольшие каналы и вадии. Хамуди сегодня в прекрасном настроении. Мак спокойно мрачен и предсказывает, что мы никогда не доберемся до этого городища.

Нам потребовалось семь часов – семь очень утомительных часов, так как машина не раз застревает и нам приходится ее откапывать.

В этих случаях Хамуди превосходит самого себя. Он всегда рассматривает машину как некую низшего сорта лошадь, хотя и более быструю, чем настоящая лошадь. При малейших сомнениях при приближении к вадии голос Хамуди взволнованно взлетает вверх с отчаянными советами Аристиду.

«Быстрее – быстрее! Не давай машине времени упереться! Давай с ходу! С ходу!»

Когда Макс останавливает машину и идет вперед оценивать препятствие, Хамуди глубоко возмущен. Он качает головой в полном неудовольствии.

Нет, не так, кажется, говорит он, не так надо обращаться с упрямой и нервной машиной! Не давай ей времени задуматься, и все будет в порядке.

Мы делаем крюки в сторону, возвращаемся на нужное направление, прибегаем к помощи местных проводников и наконец добираемся до нашей цели. Телль Хамиди очень красив под лучами вечернего солнца, и с чувством большого достижения машина гордо въезжает по пологому склону на его вершину, откуда мы смотрим вниз на болотистую местность, кишашую дикими утками.

Мак настолько заинтересован, что произносит замечание.

«А, – говорит он с мрачным удовлетворением, – стоячая вода, понятно!»

С этих пор это делается его прозвищем.

* * *

Жизнь теперь делается торопливой и суматошной. Осмотр теллей день ото дня идет со все большим рвением. Для окончательного выбора существенны три вещи. Во-первых, это должно быть достаточно близко от селения или селений, чтобы было бы откуда взять рабочие руки. Во-вторых, должен быть источник воды – то есть это должно быть вблизи Джаг-джага или Хабура, или же там должна быть колодезная вода, не слишком соленая. И в-третьих, должны быть признаки того, что под насыпью есть то, что мы ищем. Любые раскопки это азартная игра – из семидесяти теллей, населенных в один и тот же период, как можно угадать, в котором из них скрывается здание или сложенные таблички с надписями, или коллекция объектов, представляющих особый интерес? От небольшого телля можно ожидать результатов не хуже, чем от большого, так как более крупные города с большей вероятностью могли быть разграблены или разрушены в далеком прошлом. Тут доминирующий фактор – везение. Как часто бывало, что сезон за сезоном площадка раскапывалась по всем правилам и самым дотошным образом. Результаты были интересными, но неэффективными. А затем – сдвиг на несколько футов и на свет появляется уникальная находка. Нас по-настоящему обнадеживает то, что какой бы телль мы не выбрали, что-нибудь мы обязательно найдем.

Мы снова совершили однодневную поездку на противоположный берег Хабура к теллю Халафу и провели два дня на Джаг-джаге – сильно переоцененной (с точки зрения внешнего вида) реке – это бурый глинистый поток между высокими берегами – и наметили один телль – телль Брак – как подающий большие надежды. Это большое городище со следами нескольких периодов поселений от ранних доисторических до ассирийских времен. Он приблизительно в двух милях от Джаг-джага, где есть армянский поселок, а кроме того, есть еще и другие селения, раскиданные вокруг не очень далеко. От него около часа езды до Хассеке, что будет удобно для снабжения. Что касается недостатков – на самом телле нет воды, хотя, возможно, там удастся вырыть колодец. Телль Брак записывается как возможный вариант.

Сегодня мы отправляемся по главной дороге от Хассеке к северо-западу на Камышлы – это еще один французский военный пост и пограничный город между Сирией и Турцией. Дорога идет некоторое время почти посередине между Хабуром и Джаг-джагом и в конце концов вновь подходит к Джаг-джагу около Камышлы.

Поскольку осмотреть по пути все телли и вернуться в Хассеке в тот же вечер было бы невозможно, мы решаем остановиться на ночь в Камышлы и вернуться на следующий день.

Мнения о возможности ночевки там расходятся. По словам французского лейтенанта, так называемый отель в Камышлы невозможен, ну просто невозможен! «C'est infecte, Madame!³⁹» По словам Хамуди и Аристиды, это прекрасный отель, совершенно европейский, с кроватями! В самом деле, просто первоклассный!

подавив внутреннее убеждение, что французский лейтенант окажется прав, мы отправляемся в путь.

Погода опять прояснилась после двух дней моросящего дождя. Следует надеяться, что плохая погода не установится всерьез до декабря. Между Хассеке и Камышлы два глубоких вади, и если они наполнятся водой, дорога на несколько дней будет перерезана. Сегодня в них совсем немного воды и мы ныряем вниз и снова выскакиваем наверх без особых затруднений – точнее было бы сказать, мы в такси Аристиды. Абдулла, по своей неизменной привычке, съезжает вниз на высшей передаче и пытается выбраться на ней же на другую сторону. Затем пробует переключиться на вторую скорость, когда машина уже встала. Мотор протестует и глохнет, и Абдулла мягко съезжает обратно на дно вади, так что задние колеса оказываются в воде и грязи. Мы все вылезаем, и каждый вносит свой вклад в создавшуюся ситуацию.

Макс обзывает Абдуллу проклятым дурнем и возмущается, почему тот не может действовать так, как ему сотни раз было сказано? Хамуди ругает его за недостаток скорости: «Быстрее! Быстрее! Ты слишком осторожничаешь. Не давай машине времени задумываться. Тогда она и не упрется». Аристид весело кричит: «*Inshallah*, мы отсюда выберемся за десять минут!» Мак нарушает свое молчание, чтобы произнести очередное мрачное заявление:

³⁹ Он вонючий (там зараза), мадам!

«Пожалуй, хуже места, где застрять, он не мог найти. Посмотрите, какой здесь угол! Мы отсюда долго не выберемся». Абдулла воздевает руки к небу и начинает пронзительно оправдывать свой метод: «С такой прекрасной машиной, как эта, мы могли легко подняться на третьей и тогда совсем и не надо было бы переключать передачу, и это сэкономило бы бензин! Я все делаю, чтобы вы были довольны!»

Хор жалоб сменяется практическими действиями. Доски, кирки и другое оборудование, которое у нас всегда с собой на такой случай, выгружается. Макс отпихивает Абдуллу и занимает его место за рулем Мэри; укладываются доски; Мак, Хамуди, Аристид и Абдулла занимают места, готовясь толкать. Так как Хатун на Востоке не должны работать (великолепная идея), я занимаю позицию на берегу, готовясь помогать подбадривающими криками и советами. Макс включает мотор и набирает обороты, клубы синего дыма вырываются из выхлопной трубы, практически удушив толкающих; Макс включает передачу и отпускает сцепление; дикий рев; колеса вертятся; синий дым разрастается; из его глубины слышны пронзительные вопли о том, что Аллах бесконечно милостив, Мэри сдвигается на пару футов, крики усиливаются, Аллах действительно очень милостив...

Увы, Аллах недостаточно милостив! Колеса буксуют, Мэри завязает снова. Снова подкладываются доски, новые усилия, крики, фонтаны грязи и синий дым. На этот раз почти удалось!

Нужно чуть больше сил. Буксировочная веревка привязывается к носу Мэри и закрепляется сзади на такси. Аристид занимает место за рулем такси. Все занимают свои позиции. Аристид проявляет слишком много рвения, слишком рано включает передачу, и веревка лопается. Новый старт. Мне поручают пост синхронизатора. Когда я дам сигнал платком, Аристид должен стартовать.

Вновь повторяются все маневры. Хамуди, Абдулла и Мак готовятся толкать, причем первые двое заранее подбадривают машину криками. Снова Макс стартует. Снова поднимаются фонтаны грязи и воды вперемешку с синим дымом; мотор нутно ревет; колеса начинают двигаться; я взмахиваю платком; Аристид издает дикий визг, крестится, кричит «Аллах Керим» и врубает скорость. Медленно, со стоном, Мэри клонится вперед, буксир натягивается, Мэри медлит, ее задние колеса пробуксовывают, Макс отчаянно кидает ее вправо-влево; она снова начинает двигаться и зигзагами по крутому склону вылезает наверх!

Две сплошь покрытые грязью фигуры кидаются за ней с радостными воплями. Третья фигура, тоже вся в грязи, двигается спокойно – невозмутимый Мак. Он не проявляет никаких признаков неудовольствия или восторга.

Я смотрю на часы и говорю: «Четверть часа, не так уж плохо», Мак спокойно отвечает: «Следующий вади, вероятно, будет хуже».

Определенно, Мак не человеческое существо!

Мы двигаемся дальше. Хамуди оживляет дорогу обрывками песен. Они с Максом на переднем сиденье весело проводят время. Мак и я сидим сзади молча. К этому времени я уже доведена до того, что способна только на идиотский лепет при попытках завязать беседу. Мак выносит мои идиотские замечания терпеливо и вежливо, как всегда, выслушивая их с нарочитым вниманием, которого они явно не заслуживают, и отвечая одной из своих формулировок: «Неужели» или, с мягким осуждением: «Но ведь это же не так?».

Наконец мы подъезжаем ко второму вади. Мы останавливаемся, Макс сменяет Абдуллу за рулем Мэри. Аристид проезжает первым без задержки. Макс следует за ним, съезжая на второй и переключаясь на первую, когда машина начинает двигаться вверх из воды. Мэри выбирается наверх, торжествующе покачиваясь.

«Ну, видел?» – говорит Макс Абдулле.

Лицо Абдуллы принимает выражение, больше всего напоминающее верблюда.

«Она бы тут и на третьей прошла, – говорит он, – вам незачем было переключаться».

Макс снова называет его проклятым дурнем и добавляет, что в будущем он все равно должен делать так, как ему сказано. Абдулла весело отвечает, что он всегда делает все как лучше.

Макс бросает спор, и мы двигаемся дальше.

Теллей множество. Я начинаю думать, не пора ли мне вернуться к движению против

часовой стрелки, когда я обхожу их.

Мы приезжаем к теллю под названием Чагар Базар. Собаки и дети выбегают навстречу из небольшой кучки домов. Затем появляется внушительная фигура в развевающихся белых одеждах и ярко-зеленом тюрбане. Это местный шейх. Он приветствует нас самым дружелюбным образом. Макс скрывается вместе с ним в самом большом из глиняных домов. После нескольких мгновений паузы шейх появляется снова и кричит: «Инженер! Где инженер?». Хамуди объясняет, что этот призыв обращен к Маку. Мак подходит.

«Ха, – кричит шейх, – вот лебен!» Он показывает миску с местным кислым молоком. «Как ты любишь лебен, инженер, густым или жидким?» Мак, которому лебен очень нравится, кивает головой в сторону кувшина с водой в руках у шейха. Я вижу, что Макс пытается дать совет отклонить это предложение. Слишком поздно, вода добавлена в лебен, и Мак выпивает его даже с некоторым наслаждением.

«Я пытался вас предупредить, – говорит Макс позднее. – Эта вода была практически жидкой черной грязью!»

Находки на Чагар Базаре хорошие... Тут есть деревня, колодцы, другие деревни достаточно близко и дружески расположенный, хотя и несомненно корыстный шейх. Мы записываем его как возможный вариант и двигаемся дальше.

Несколько крюков, которые мы делаем в конце дня по болотистой местности, чтобы добраться до некоторых теллей около Джаг-джага, нас задерживают, и когда мы наконец въезжаем в Камышлы, уже очень поздно.

С полным энтузиазмом Аристид рывком останавливает машину перед первоклассным отелем.

«Посмотрите, – говорит он, – разве он не красив? Он построен из камня!»

Мы воздерживаемся от того, чтобы сказать, что внутренность отеля более существенна, чем его внешность. Во всяком случае, здесь есть отель, и каким бы он ни был, придется обойтись им.

Мы входим, взбираемся по длинной мрачной лестнице и попадаем в ресторан с мраморными досками столов и сильным запахом парафина, чеснока и дыма.

Макс вступает в переговоры с владельцем.

Действительно, это отель. Это отель с кроватями – настоящими кроватями! Он распахивает дверь в какую-то комнату, где четыре человека, уже спящие на кроватях, доказывают правоту его слов. В комнате есть две незанятые кровати.

«Ну вот, – говорит он, – а это животное, – он толкает ногой ближайшего спящего, – можно отсюда выкинуть. Это просто мой конюх».

Макс выдвигает неразумное требование, что мы бы хотели получить комнату для нас одних. Владелец в сомнениях. Это, говорит он, будет ужасно дорого.

Макс безрассудно заявляет, что ему неважно, что это дорого. А как дорого, спрашивает он, это будет?

Владелец медлит, чешет ухо, оценивает наш вид (который, благодаря грязи, не вызывает мыслей о плутократии) и наконец осторожно высказывает мнение, что это будет стоить, по крайней мере, фунт за нас четверых.

К его изумлению, Макс соглашается, не торгуясь.

Тотчас начинается деятельность и энтузиазм. Спящих будят, слуг призывают. Мы садимся за один из мраморных столов и заказываем самую лучшую еду, которую отель может предложить.

Хамуди берет на себя задачу приглядеть за подготовкой к ночлегу. Он возвращается через четверть часа, сияя улыбкой. Одна комната будет в нашем распоряжении – Макса и меня, вторую займут они с Маком. Кроме того, «и для пользы нашей репутации», как он поясняет, он согласился на дополнительную плату в пять франков за чистые простыни!

Появляется еда, она жирная, но горячая и вкусная. Мы от души наедаемся и без дальнейших проволочек отправляемся и падаем в постели с чистыми простынями. Прежде чем я успеваю заснуть, вопрос «о клопах» всплывает в моем сознании. Макс выдвигает мнение, что клопы нам не грозят, отель только недавно построен и кровати новые и железные.

Запахи дыма, чеснока и парафина просачиваются из ресторана рядом, и слышатся

болтающие по-арабски голоса. Но ничто не может помешать нам спать. Мы спим.

Мы просыпаемся непокусанные. Уже позже, чем мы думали. Перед нами снова полный день. Макс распахивает дверь спальни и слегка отшатывается. Ресторан полон тех спящих, которых изгнали из этих двух спален. Они лежат повсюду между столами – их по крайней мере человек двадцать. Атмосфера очень тяжелая. Нам приносят чай и яйца, и мы снова двигаемся в путь. Хамуди грустно говорит Макс, что он долго и серьезно говорил вчера вечером с Хвайя Маккартни, но, увы, даже теперь, спустя два месяца, Хвайя Мак ни слова не понимает по-арабски!

Макс спрашивает Мака, как у него идут дела с «Разговорным арабским» Ван Эсса. Мак отвечает, что куда-то его положил и не может найти.

Сделав некоторые закупки в Камышлы, мы направляемся по дороге на Амуду. Это важная дорога, можно сказать, почти настоящая дорога, а не просто наезженная колея. Она идет параллельно железнодорожной линии, по другую сторону которой Турция.

Ее поверхность ужасающа – сплошь канавы и ямы. Нас растрясает буквально на кусочки, но сомнений нет, на этой дороге видишь жизнь. Мы встречаем несколько машин, а и Абдуллу, и Аристиду приходится яростно ругать, так как они с удовольствием принимаются за излюбленный спорт местных шоферов, пытаюсь задавить или хотя бы перепугать группы ослов и верблюдов, сопровождаемые старухами и мальчишками.

«Неужели эта дорога недостаточно широка для тебя и нельзя было проехать по другой стороне?» – вопрошает Макс.

Абдулла возбужденно оборачивается к нему:

«Разве я не веду грузовик? Разве не мне выбирать самую лучшую часть дороги? Эти несчастные бедуины должны убираться с моей дороги вместе со своими жалкими осликами!»

Аристид тихо подкрадывается к перегруженному ослу, рядом с которым бредут мужчина и женщина, и нажимает на сигнал, извлекая оглушительный вой. Осел обращается в паническое бегство, женщина с воплем кидается за ним, мужчина потрясает кулаком. Аристид хохочет.

Теперь ругают его, но он, как всегда, остается безмятежно нераскаявшимся.

Амуда в основном армянский город и, можно сказать, непривлекательный. Мух здесь свыше всякой меры, у мальчишек самые скверные в мире манеры, все кажется изнывающими от скуки и в то же время агрессивными. В целом он не выдерживает сравнения с Камышлы. Мы покупаем несколько сомнительное мясо, с которого взлетает рой мух, кое-какие овощи довольно усталого вида и очень хороший свежеспеченный хлеб.

Хамуди уходит, чтобы заняться расспросами. Он возвращается, когда мы уже покончили с покупками, и направляет нас на боковую дорогу, на которой есть ворота, ведущие во двор.

Здесь нас приветствует армянский священник, очень вежливый и немного знающий французский. Обводя рукой двор и постройки вдоль одной его стороны, он говорит, что это его дом.

Да, он был бы готов сдать его нам будущей весной, если «условия» его удовлетворят. Да, он мог бы освободить одну комнату и предоставить ее нам, чтобы сложить вещи, очень скоро.

Начав таким образом переговоры, мы отправляемся в Хассеке. От Амуды идет прямая дорога, которая соединяется с дорогой от Камышлы около телля Чагар Базар. Мы осматриваем по пути несколько теллей и приезжаем в лагерь без происшествий, но очень усталые.

Макс спрашивает Мака, не было ли у него неприятностей из-за грязной воды шейха. Мак отвечает, что никогда не чувствовал себя лучше.

«Я говорил тебе, что Мак это находка, – говорит Макс, когда мы уже упаковались в наши мешки. – Великолепный желудок! Ничто ему не вредит. Может есть любые количества жира и грязи. И практически никогда не открывает рта».

«Это, – говорю я, – может быть очень хорошо для тебя! Вы с Хамуди не перестаете хохотать и болтать. А как насчет меня?»

«Не могу понять, почему ты с ним не наладишь отношения. Ты пытаешься?»

«Я все время пытаюсь. Он просто пресекает все мои попытки». Макс, видимо, находит это очень забавным и долго посмеивается.

* * *

Сегодняшний день отмечен нашим прибытием в Амуду – новый центр нашей активности. Мэри и такси стоят во дворе священника. Комната в доме освобождена и предоставлена в наше распоряжение, но Хамуди, осмотрев ее, советует по-прежнему спать в палатках! Мы с большими сложностями устанавливаем их, так как дует сильный ветер и начинается дождь. Похоже, что завтра никаких поездок не будет. Двадцать четыре часа дождя в этих краях эффективно парализуют движение. Очень удачно, что у нас есть комната, где мы можем провести день, разобрать наши находки и где Макс может писать свой отчет о том, что сделано на данный момент.

Мак и я разгружаем и расставляем вещи – складной стол, шезлонги, лампы и т. д. Остальные отправляются в город сделать необходимые покупки.

Снаружи поднимается ветер и начинает стучать дождь. Часть стекол в окнах разбита и очень холодно. Я с тоской смотрю на бензиновую лампу.

«Хорошо бы Абдулла вернулся, – говорю я, – он бы мог зажечь обогреватель».

Потому что Абдулла, хотя он и лишен сообразительности, ужасающе скверный шофер и умственно неполноценный почти во всех отношениях – он, тем не менее, безраздельный повелитель этих темпераментных штук, бензиновых ламп. Он, и только он, может справиться с их хитростями.

Мак подходит к нагревателю и смотрит на него.

Научный принцип, говорит он, очень прост. Я бы хотела, чтобы он зажег нагреватель?

Я говорю, что хотела бы, и даю ему коробок спичек.

Мак принимается за дело со спокойной уверенностью. Метиловый спирт поджигается и т. д. и т. п. Его руки ловки и умелы, и он явно знает, что делает.

Время идет... лампа не загорается. Мак начинает все с начала, с метилового...

Еще через пять минут он бормочет, скорее себе, чем мне: «Принцип достаточно ясен».

Я украдкой бросаю на него взгляд, когда проходит еще пять минут. Ему уже делается жарко. Кроме того, он выглядит уже совсем не так высокомерно. Есть научный принцип или нет научного принципа, но лампа ему не поддается. Он ложится на пол и продолжает борьбу с этой штукой. В конце концов он начинает ругаться...

Чувство, близкое к нежности, охватывает меня. Все-таки наш Мак – человеческое существо. Он побежден бензиновой лампой!

Через полчаса возвращаются Макс и Абдулла. Мак красен, лампа не горит.

«А! Давайте, Хвайя, я это сделаю!» – говорит Абдулла. Он хватает метиловый спирт, спички. Через две минуты бензиновая лампа горит всюю, хотя я почти уверена, что Абдулла игнорировал любой научный принцип, который там мог быть...

«Ну!» – говорит Мак, как всегда немногословно, но выражая очень много этим единственным словом.

Позже в тот же вечер ветер превращается в штормовой, хлещет дождь. Вбегает Аристид со словами, что он думает, что палатки рушатся. Мы все выскакиваем под дождь. Я начинаю догадываться, что теперь увижу оборотную сторону *le camping*⁴⁰.

Макс, и Мак, и Аристид мужественно сражаются с большой палаткой. Мак держит центральный шест.

Внезапно раздается треск, шест ломается, Мак падает во всю длину в густую липкую грязь.

Он с трудом поднимается, совершенно неузнаваемый. В его голос врываются совершенно естественные интонации:

«... и ... эту ... штуку!» – вопит Мак, наконец становясь вполне человеческим существом.

Впредь, с этого вечера, Мак – один из нас!

⁴⁰ Туристического похода.

* * *

Плохая погода кончается, но еще день дороги слишком мокро, чтобы ездить на машине. Мы осторожно выбираемся на ближайшие телли. Телль Хамдун – возможный вариант. Это большой телль недалеко от Амуды, расположенный прямо на границе. Железная дорога проходит прямо сквозь него, так что кусок его уже в Турции.

Мы приезжаем сюда однажды утром и привозим с собой пару людей, чтобы вырыть траншею на склоне телля. Там, где они копают, очень холодно, и я обхожу телль, чтобы укрыться от ветра. Дни теперь уже определенно осенние, и я сижу на склоне телля, укутавшись в пальто.

Внезапно, как всегда, из ниоткуда появляется всадник, легким галопом поднимающийся на холм. Он натягивает поводья и кричит, обращаясь ко мне с целой речью по-арабски. Я не понимаю ничего, кроме приветствия, на которое вежливо отвечаю и говорю, что Хвайя на другой стороне холма. Он смотрит с удивлением, задает еще вопрос и вдруг откидывает голову и разражается хохотом.

«А, это же Хатун! – кричит он. – Что за ошибка! Это же я с Хатун говорю!» и он уносится вокруг холма, очень позабавившись совершенным им ляпсусом – как можно не узнать женщину с первого взгляда!

Лучшие дни прошли. Теперь небо часто затянуто тучами. Мы закончили обследование теллей. Настал момент решить, где будущей весной вонзятся в землю лопаты.

Три телля претендуют на честь заслужить наше внимание – телль Хамдун, расположенный в географически интересном секторе; наш первый выбор, телль Чагар Базар, и третий, телль Мозан. Этот телль гораздо больше остальных, и многое зависит от того, большой ли там окажется римский слой, сквозь который придется копать.

Нужно сделать пробные раскопы на всех трех городищах. Мы начинаем с телля Мозана. Там есть деревня, и отправив Хамуди в качестве посла, мы пытаемся добыть рабочих. Люди относятся к этому с сомнением и подозрением.

«Нам не нужны деньги, – говорят они, – урожай был хороший».

Потому что это простой и, как я думаю, поэтому счастливый край. Еда тут единственная забота. Если урожай хороший – ты богат. На остальную часть года – досуг и изобилие, пока не придет пора снова пахать и сеять.

«Немного лишних денег, – говорит Хамуди, выступая в роли Змея в раю, – всегда приятно».

Они отвечают просто: «Но что нам на них покупать? Еды у нас достаточно до будущего урожая».

И тут, увы, вечная Ева играет свою роль. Проницательный Хамуди насаживает на крючок приманку. Они могут купить украшения для своих жен.

Жены кивают головами. Эти раскопки, говорят они, хорошая вещь!

Неохотно мужчины начинают обдумывать эту идею. Еще одно нужно принять в расчет – Достоинство. Достоинство очень дорого арабу. Достойное ли, благородное ли это дело?

Сейчас это займет всего несколько дней, объясняет Хамуди. Они могут все заново обдумать до весны.

И вот наконец, с неуверенным видом, характерным для тех, кто принимается за совершенно новое беспрецедентное дело, дюжина наиболее прогрессивных духом выступает вперед. Более консервативные старшие трясут своими белыми бородами.

По знаку Хамуди кирки и лопаты выгружаются из Мэри и раздаются людям. Хамуди сам берет кирку и демонстрирует.

Выбраны три места для пробных траншей на различных уровнях телля. Раздаются голоса «Inshallah», и кирки вонзаются в землю.

Телль Мозан неохотно, но был вычеркнут из нашего списка возможных вариантов. Там несколько слоев римских поселений, и хотя те периоды, которые мы хотим копать, и есть под ними, но для этого потребовалось бы несколько сезонов – то есть больше времени и денег, чем мы можем себе позволить.

Сегодня мы едем к нашему старому другу Чагар Базару. Здесь о рабочей силе договариваемся быстро. Шейх человек бедный, с большими долгами, как все арабские

землевладельцы. Он видит во всем этом возможность получить очень неплохую прибыль.

«Все, чем я владею, – твое, брат, – щедро говорит он Макс, и огонь расчетливости вспыхивает в его глазах. – Не нужно платы за землю. Возьми все, что у меня есть!»

Затем, когда Макс уходит вверх по склону, он наклоняет голову к Хамуди.

«Несомненно, – предполагает он – этот Хвайя очень богат! Он так же богат, как незабвенной памяти Эль Барон, который расплачивался мешками золота?»

«В наши дни, – говорит Хамуди, – золотом больше не платят. Тем не менее Хвайя очень щедр. Более того, по всей вероятности, Хвайя построит здесь дом, дом такой красоты и величия, что о нем станут говорить далеко вокруг. Какой только престиж не принесет этот дом раскопок шейху? Все в округе будут говорить: «Иностранцы Хвайя выбрали это место, чтобы строить и копать, из-за близости к святости шейха, человека, который побывал в Мекке и которого все почитают».

Идея дома нравится шейху. Он задумчиво смотрит вверх на городище.

«Я потеряю весь урожай, который получил бы с того, что собираюсь сеять здесь на холме. Тяжелая потеря – очень тяжелая потеря!»

«Но ведь несомненно, – говорит Хамуди, – к этому времени земля была бы уже вспахана и семена посеяны?»

«Были задержки, – говорит шейх, – я как раз собираюсь этим заняться».

«У вас когда-нибудь были тут посевы? Наверняка нет. Кто бы стал пахать на холме, когда всюду кругом равнина?»

Шейх отвечает твердо: «Урожай, который я потеряю, будет тяжелой потерей. Но что из этого? Это жертва, которую я с радостью принесу, чтобы правительство было довольным. Если я разорюсь, разве это что-нибудь значит?»

И с определенно довольным видом он возвращается в свой дом.

Старая женщина подходит к Хамуди, ведя за руку мальчика лет двенадцати.

«У Хвайи есть лекарства?»

«Некоторые лекарства у него есть – да».

«Не даст ли он мне лекарство для этого моего сына?»

«А что с твоим сыном?»

Едва ли нужно об этом спрашивать. Лицо идиота говорит достаточно ясно само за себя.

«Он не в своем уме».

Хамуди грустно качает головой, но обещает спросить Хвайю. Люди уже начали копать траншеи. Хамуди, женщина и мальчик подходят к Макс.

Макс смотрит на мальчика и ласково обращается к женщине.

«Мальчик такой, как он есть, по воле Аллаха, – говорит он. – Нет такого лекарства, которое я мог бы тебе дать для мальчика».

Женщина вздыхает – мне кажется, слеза скатывается по ее щеке. Затем она говорит деловым тоном:

«Тогда, Хвайя, не дашь ли ты мне яду, потому что лучше бы он не жил».

Макс мягко говорит, что этого он тоже дать не может.

Она смотрит на него непонимающим взглядом, затем сердито трясет головой и уходит вместе с мальчиком.

Я бреду на самый верх холма, где Маккартни занимается измерениями. Арабский мальчик, полный сознания важности, топчется вокруг с рейкой. Мак, все еще на желая рисковать, произнося арабские слова, объясняется жестами типа семафора, что не всегда дает желаемые результаты. Аристид, всегда готовый услужить, приходит на помощь.

Я оглядываюсь вокруг. На севере линия турецких гор со сверкающей точкой, это Мардин. На западе, юге и востоке только плодородная степь, которая весной будет покрыта зеленью и россыпью цветов. Весь ландшафт испещрен теллями. То тут, то там видны коричневые группы шатров бедуинов. Хотя на многих теллях есть селения, но их не видно – во всяком случае, это всего лишь несколько глиняных хижин. Все выглядит мирным и далеким от людей и проблем цивилизации. Мне нравится Чагар Базар, и я надеюсь, что мы выберем его. Я бы хотела жить в доме, построенном здесь. Если мы будем копать на Хамдуне, мы, видимо, будем жить в Амуде... Ох, нет, я хочу этот телль!

Наступает вечер, Макс доволен результатами. Завтра мы вернемся и продолжим исследование. Этот тель, по его мнению, не был населен с пятнадцатого века до н. э., попадаются только интрузивные римские и исламские погребения. Есть великолепная раскрашенная керамика типа ранней халафской керамики из Арпачийа.

Шейх радушно сопровождает нас до машины.

«Все, чем я владею, – твое, брат, – настаивает он, – каким бы бедным я не стал от этого!»

«Как счастлив я буду, – вежливо отвечает Макс, – если мне выпадет доля обогатить тебя, копая здесь. Компенсация будет выплачена, как это условлено с французскими властями, за все потери посевов, твоим людям будет выплачиваться хорошее жалование, у тебя будет арендована земля под строительство дома, и более того, в конце сезона хороший подарок будет сделан лично тебе».

«Ах! – восклицает шейх в самом лучшем настроении. – Мне не нужно ничего! Какие могут быть разговоры о плате между братьями?»

На этой альтруистической ноте мы уезжаем.

* * *

Два холодных и ветреных дня проведены на телле Хамдуне. Результаты довольно хорошие, но то, что часть телья в Турции, против него. Решение кажется очевидным в пользу Чагар Базара с дополнительной уступкой в пользу телья Брака, работы на котором во втором сезоне можно будет совместить с раскопками на Чагаре.

Теперь остается только продолжать приготовления к весне. Нужно выбрать подходящее место для дома около Чагара, нужно арендовать дом в Амуде на то время, пока дом на Чагаре будет строиться, нужно составить договор с шейхом, и самое срочное, в Хассеке ждет новый денежный перевод, который мы должны без промедления получить на случай, если вادي наполнятся водой и дорога будет перерезана.

Хамуди в последнее время в Амуде, заботясь о нашей «репутации», разбрасывает деньги широким жестом. Трата денег у арабов кажется делом чести, то есть нужно оговориться, когда речь идет о приемах важных людей в кофейнях! Показать жадным это страшный позор. В то же время Хамуди безжалостно занижает плату старым женщинам, которые приносят молоко, и тем другим старым женщинам, которые стирают нам за суммы, кажущиеся неправдоподобно малыми.

* * *

Макс и я, понадеявшись на лучшее, отправляемся на Мэри в Хассеке, хотя небо затянуто и моросит мелкий дождик. Мы добираемся туда без приключений, хотя теперь уже идет дождь и мы сомневаемся, доберемся ли мы когда-нибудь обратно.

К нашему отчаянию, когда мы приходим на почту, почтмейстера нет. Никто не знает, где он, но мальчишек посылают во все стороны искать его.

Дождь начинает идти всерьез. Макс выглядит озабоченным, он говорит, что мы наверняка застрянем, если не выедем очень скоро. Мы ждем с нетерпением, а дождь продолжается.

Внезапно появляется почтмейстер. Он неторопливо идет, неся корзину яиц.

Он приветствует нас с удовольствием и удивлением. Макс прерывает обычные любезности, настойчиво умоляя поторопиться. Мы будем отрезаны, объясняет он.

«А почему бы и нет? – говорит почтмейстер. – Тогда вам придется здесь остаться на много дней, а это, лично для меня, будет большим удовольствием. Хассеке очень приятный город. Оставайтесь у нас подольше», – убеждает он гостеприимно.

Макс возобновляет страстные требования поторопиться. Почтмейстер медленно отпирает ящики и бестолково ищет, все еще продолжая убеждать нас, что было бы желательно нам задержаться здесь надолго.

Странно, говорит он, что он не может найти этот важный конверт. Он помнит, как он пришел, и он себе сказал: «В один прекрасный день Хвайя придет за этим». Поэтому он поместил его в надежное место, но вот где бы это место могло быть? На помощь приходит клерк, и поиски продолжаются. В конце концов письмо обнаружено, и мы преодолеваем

обычные трудности получения наличных денег. Как и прежде, их приходится собрать на базаре.

А дождь все идет! Наконец мы получаем то, что хотим. Макс из предосторожности покупает хлеб и шоколад на случай, если мы проведем ночь или две *en route*⁴¹, мы снова забираемся в Мэри и мчимся прочь на полной скорости. Мы успешно преодолеваем первый вади, но на втором зловещее зрелище предстает нашим взорам. В нем застрял почтовый автобус, а за почтовым автобусом ждет очередь машин. Все внизу, в вади – копают, укладывают доски, издают подбадривающие вопли.

Макс безнадежно говорит: «Мы тут заночуем».

Это мрачная мысль. Я провела много ночей в пустыне в машине, но никогда мне это не доставляло удовольствия. Просыпаешься замерзшая, все мышцы свело и все болит.

Но на этот раз нам везет. Автобус с ревом тяжело выползает, остальные машины идут следом, и мы проезжаем последними. И как раз вовремя – вода быстро прибывает.

Наш обратный путь по дороге на Амуду носит характер кошмара – это один долгий непрерывный занос. По крайней мере дважды Мэри поворачивается в прямо противоположное направление и оказывается носом в сторону Хассеке, несмотря на цепи на колесах. Этот непрерывный занос – очень странное ощущение. Твердая земля уже больше не твердая земля. В этом что-то фантастически кошмарное.

Мы приезжаем уже в темноте, и весь дом выбегает с приветственными криками с фонарями в руках.

Я вываливаюсь из Мэри и скольжу к двери нашей комнаты. Идти трудно, потому что у грязи особое свойство прилипать к ногам большими плоскими лепешками, такими тяжелыми, что их едва можно поднять.

Никто, оказывается, не ожидал, что мы вернемся, и поздравления и *El hamdu lillah* громогласны.

Лепешки на ногах вызывают у меня смех. Это точно то чувство, которое бывает во сне.

Хамуди тоже смеется и говорит Максусу: «Хорошо, что Хатун с нами. Ее все смешит!».

* * *

Теперь обо всем достигнута договоренность. Состоялась деловая встреча между Максом, шейхом и французским офицером из *Services Speciaux*⁴², отвечающим за этот район. Арендная плата за землю, компенсация, обязательства обеих сторон – все это записано черным по белому. Шейх кидается из крайности в крайность: то он говорит, что все, чем он владеет, он готов отдать Максусу, то высказывает предположение, что около тысячи фунтов золотом – это та сумма, которую ему следовало бы получить!

Он наконец уходит сильно разочарованным человеком, так как, очевидно, питал самые дикие надежды на изобилие. Его, однако, утешает пункт договора, который оговаривает, что дом, построенный для экспедиции, когда он экспедиции будет больше не нужен, перейдет к нему. Его глаза оживляются, и обширная выкрашенная хной борода удовлетворенно колышется.

«C'est tout de meme un brave homme», – говорит французский капитан, когда шейх наконец отбывает. Он пожимает плечами. «Il n'a pas le sou comme tous ces gens la!»⁴³

Переговоры об аренде дома в Амуде усложнены тем фактом – который только недавно был вынесен на свет, – что это не один дом, как мы воображали, а шесть! А поскольку эти шесть домов населены одиннадцатью семьями, то сложности возрастают. Армянский священник был просто представителем всех различных домовладельцев!

В конце концов договоренность достигнута. К определенной дате «дома» должны быть освобождены и изнутри дважды побелены!

⁴¹ В пути.

⁴² Специальные службы.

⁴³ Все же это смелый человек. ...У него нет ни су, как у всех этих людей тут!

Таким образом, теперь все улажено. Нужно только договориться теперь об обратном путешествии. Машины попытаются достичь Алеппо через Рас-эль-Айн и Джераблус. Это около двухсот миль и нужно пересечь многочисленные вадии на ранней стадии путешествия, но если повезет, можно доехать за два дня. Однако, учитывая, что уже декабрь, погода обязательно должна скоро испортиться.

Что хочет делать Хатун?

Хатун подло решает в пользу *Wagon Lit*. Итак, такси привозит меня на незнакомую маленькую станцию, и вот большой и важный синий спальный вагон появляется следом за огромным пыхтящим паровозом. Высовывается проводник в шоколадной форме. Багаж Мадам передают наверх, самое Мадам с трудом подсаживают на высокую подножку с полотна.

«Я думаю, ты поступаешь мудро, – говорит Макс, – начинается дождь».

Мы оба кричим «До встречи в Алеппо!». Поезд движется! Я иду за проводником по коридору. Он распахивает дверь моего купе. Постель приготовлена.

Здесь снова цивилизация. *Le camping*⁴⁴ закончилось. Проводник берет мой паспорт, приносит мне бутылку минеральной воды, говорит: «Мы прибываем в Алеппо завтра в шесть утра. *Bonne nuit, Madame*⁴⁵».

Можно подумать, что я еду из Парижа на Ривьеру!

Кажется странным, однако, найти *Wagon Lit* тут, посередине ничего.

* * *

Алеппо!

Лавки! Ванна! Вымытые шампунем волосы! Друзья, которых надо повидать. Когда тремя днями позже вкатываются Макс и Мак, заляпанные грязью и с запасом дроф, подстреленных en route⁴⁶, я приветствую их с высокомерием того, кто уже снова привык не заботиться о том, где взять пищу.

У них была масса приключений в пути – погода была плохая, и я убеждаюсь, что выбрала лучшую долю.

Повар, оказывается, потребовал, когда с ним расплатились, чтобы ему написали рекомендацию как шоферу. А Макс, прежде чем лжесвидетельствовать, приказал повару проехать на Мэри вокруг двора.

Вскочив на водительское место, Иса завел мотор, включил задний ход и врезался в стену двора, развалив большой ее кусок. Он был глубоко обижен, когда Макс отказался рекомендовать его как шофера. В конце концов в рекомендации написали, что Иса был нашим поваром три месяца и оказывал полезную помощь с машиной!

И вот снова в Бейрут и расставание с Маком. Египет на зиму для нас. Мак должен ехать в Палестину.

Глава 4 ПЕРВЫЙ СЕЗОН НА ЧАГАР БАЗАРЕ

Уже весна, когда мы возвращаемся в Бейрут. Первое, что радует наш взор на пристани, – это Мак, но это Мак преображенный.

Он улыбается от уха до уха! Нет никаких сомнений – он рад нас видеть! До этого мы никогда не знали, нравимся мы Маку или нет. Его чувства были скрыты за маской вежливой

⁴⁴ Занятие туризмом.

⁴⁵ Спокойной ночи, Мадам!

⁴⁶ По дороге.

бесстрастности. Но теперь ясно, что для него это воссоединение с друзьями. Не могу описать, как это греет душу! С этих пор моя нервозность в отношениях с Маком исчезает. Я даже спрашиваю, каждый ли день с тех пор, как мы его последний раз видели, он сидел на своем пледе и писал дневник. «Конечно», – говорит Мак слегка удивленно.

* * *

Из Бейрута мы отправляемся в Алеппо и выполняем все обычные дела, вроде закупки запасов и т.п. Для Мэри нанят новый шофер – на этот раз не по принципу «экономии» подобранный у края воды, а высокий озобоченного вида армянин, у которого, во всяком случае, есть несколько рекомендаций, подтверждающих его честность и навыки. Одно время он работал у немецких инженеров, а его основным недостатком на первый взгляд представляется его голос, обладающий тенденцией переходить в тонкий раздражающий скулеж. Нет сомнения, однако, что по сравнению с не совсем полноценным человеческим существом Абдуллой он будет явным улучшением. Распросы об Аристиде, которого мы бы хотели опять взять с собой, приносят информацию, что Аристид теперь с гордостью пребывает «на государственной службе». Он водит поливальную машину по улицам Дейр-эз-Зора!

* * *

Настает знаменательный день, и мы отправляемся в Амуду – в два приема. Хамуди и Мак с Мэри (теперь лишенной королевского титула и известной как Мрачная Мэри, так как ее покрасили в несколько мрачный синий цвет) должны прибыть первыми и убедиться, что все готово к нашему приему. Макс и я роскошно едем поездом до Камышлы, чтобы там провести день, занимаясь необходимыми делами с французскими военными властями. Уже около четырех часов, когда мы отправляемся из Камышлы в Амуду.

Мы приезжаем, и сразу делается очевидно, что все пошло не в соответствии с планом. Общее впечатление неразберихи, воздух наполняют громкие взаимные упреки и жалобы. У Хамуди вид растерянный, у Мака стоический.

Скоро нам становятся известны факты.

Дом, арендованный нами, который должен был быть к определенной дате, неделю как миновавшей, освобожден, вычищен и побелен, оказался накануне, в день приезда Хамуди и Мака, не тронутым побелкой, в высшей степени грязным и населенным семью армянскими семьями!

Что можно было сделать за двадцать четыре часа, было сделано, но результаты маловдохновляющие!

Хамуди, к этому времени проникнувшийся основной доктриной, что комфорт Хатун прежде всего, всю свою энергию посвятил тому, чтобы одну из комнат освободить от армян и домашних животных и наскоро побелить стены. Две походные кровати расставлены там для Макса и меня. Остальная часть дома все еще в состоянии хаоса и, насколько я понимаю, Хамуди и Мак провели ночь неуютно.

Но теперь все будет хорошо, уверяет нас Хамуди, как всегда сияя своей неотразимой улыбкой.

Обвинения и упреки, продолжающиеся между армянскими семьями и священником, который был их представителем, к счастью, нас не касаются, и Макс настоятельно просит их уйти додираться куда-нибудь в другое место!

Женщины, дети, курицы, кошки, собаки – все рыдающие, воющие, визжащие, кричащие, изрыгающие оскорбления, молящиеся, смеющиеся, мяукающие, квохчущие и лающие – медленно удаляются со двора, напоминая какой-то фантастический финал в опере!

Насколько мы понимаем, все обманули друг друга! Финансовый хаос полный, а злобные страсти, разбушевавшиеся между братьями, сестрами, невестками, кузинами и прадедушками и прабабушками, слишком запутаны для понимания.

Посреди всего этого хаоса, однако, наш повар (новый повар по имени Димитрий) хладнокровно продолжает готовить ужин. Мы принимаемся за еду с наслаждением, а затем

отправляемся в постель, совершенно измученные.

В постель, но не на отдых! Я никогда не отличалась преувеличенным отвращением к мышам. Одна-другая мышка в спальне никогда меня не тревожили, а в одном случае я просто даже привязалась к одной постоянной посетительнице, названной мною ласково, хотя и без определенных данных о ее поле, Элси.

Но наша первая ночь в Амуде – это впечатление, которое я никогда не забуду.

Едва лампы были погашены, как мыши десятками – я даже уверена, сотнями – стали появляться из дыр в полу и стенах. Они весело бегали по нашим постелям, пописывая на бегу. Мыши, которые пробегают по физиономии, мыши, которые дергают и теребят волосы, – мыши! мыши! МЫШИ!

Я включаю фонарик. Ужас! Все стены покрыты странными бледными ползающими существами вроде тараканов! Мышь сидит в ногах моей кровати и причесывает усики!

Жуткие ползающие существа повсюду!

Макс успокаивает.

Ты просто засни, советует он. Когда ты заснешь, никто из них тебя не будет беспокоить.

Прекрасный совет, но ему не так-то просто последовать! Сперва нужно заснуть, а если мыши, принявшись за полезные для здоровья упражнения и спортивные игры, избрали тебя в качестве спортивной площадки, это едва ли возможно. Вернее, невозможно для меня. Макс, кажется, вполне это может!

Я пытаюсь подавить судороги отвращения. Я действительно ненадолго засыпаю, но маленькие лапки, пробежавшие по лицу, будят меня. Я включаю свет. Количество тараканов увеличилось, а с потолка на меня опускается большой черный паук!

Так продолжается ночь, и мне стыдно признаться, но к двум часам ночи я впадаю в истерику. Когда настанет утро, заявляю я, я поеду в Камышлы ждать поезда и уеду прямо в Алеппо! А из Алеппо поеду прямо в Англию! Я не могу выдержать такую жизнь! И не хочу ее выдерживать! Я еду домой!

В этой ситуации Макс действует мастерски. Он встает, открывает дверь, зовет Хамуди.

Через пять минут наши кровати вытащены во двор. Я некоторое время лежу, уставившись в мирное звездное небо над головой. Воздух прохладен и душист. Я засыпаю. Макс, как я думаю, вздыхает с облегчением, прежде чем заснуть самому.

«Ты ведь на самом деле не собираешься в Алеппо?» – спрашивает с беспокойством Макс на следующее утро.

Я слегка краснею при воспоминании о моем истерическом взрыве. Нет, говорю я. На самом деле я ни за что на свете не уехала бы. Но я собираюсь продолжать спать во дворе!

Хамуди успокаивает, объясняя, что скоро все будет в порядке. Дыры в полу уже заделывают гипсом. Стены еще раз побелят. Более того, будет кот, нам его одолжили. Это суперкот – в высшей степени профессиональный кот.

А как, спрашиваю я Мака, он провел ночь, когда они с Хамуди приехали? Бегали ли эти все существа по нему всю ночь?

«Я думаю, да, – говорит Мак, как всегда, хладнокровно, – но я спал».

Удивительный Мак!

* * *

Наш кот появляется во время обеда. Я никогда не забуду этого кота! Это действительно, как обещал Хамуди, в высшей степени профессиональный кот. Он знает то дело, для которого его наняли, и выполняет его как истинный специалист.

Пока мы обедаем, он, сжавшись в комок, сидит в засаде за упаковочным ящиком. Если мы разговариваем или двигаемся или создаем слишком много шума, он бросает на нас недовольный взгляд.

«Я должен вас просить, – говорит этот взгляд, – вести себя тихо. Как я смогу работать, если вы будете мешать?»

И выражение кота настолько свирепо, что мы тотчас слушаемся, разговариваем шепотом и едим, стараясь не брякать тарелками и стаканами.

Пять раз за время обеда появляется и бежит по полу мышь, и пять раз кот совершает прыжок. Дальнейшее происходит незамедлительно. Нет никаких западных проволочек, никаких игр с жертвой. Кот просто откусывает мыши голову, прожевывает ее, а затем переходит к остальному телу! Выглядит это довольно жутко и совершенно по-деловому.

Кот живет у нас пять дней. После этих пяти дней ни одной мыши не появляется. Затем кот покидает нас, а мыши никогда не возвращаются. Я никогда ни до, ни после не видала такого профессионального кота. Мы его совершенно не интересовали, он никогда не требовал ни молока, ни доли нашей пищи. Он был холоден, научен и нелюбезен. В высшей степени профессиональный кот!

Теперь мы уже устроились. Стены побелены, подоконники и двери покрашены, плотник с четырьмя сыновьями поместились во дворе и делают нам по заказу мебель.

«Столы, – говорит Макс, – прежде всего столы. Столов не может быть слишком много».

Я вхожу с просьбой о комод, и Макс милостиво разрешает мне шкаф со шпёнками-вешалками.

После чего плотники возвращаются к изготовлению столов – столы, на которых можно разложить нашу керамику, чертежный стол для Мака, стол, за которым можно обедать, стол для моей пишущей машинки...

Мак делает эскиз вешалки для полотенец, и плотники принимаются за нее. По завершении старик гордо приносит ее мне в комнату. Она выглядит иначе, чем на рисунке Мака, и когда плотник ставит ее на пол, я вижу почему. У нее колоссальные ножки, огромные, резные, загибающиеся завитком, ножки. Они торчат так, что куда ни поставь вешалку, обязательно спотыкаешься о них.

Спроси его, говорю я Макс, почему он сделал такие ножки, а не придерживался данного ему рисунка?

Старик смотрит на нас с сознанием собственного достоинства.

«Я сделал их так, – говорит он, – чтобы они были красивыми. Я хотел, чтобы то, что я сделал, было предметом красоты!»

На такой крик души художника ответа нет. Я склоняю голову и обрекаю себя на то, чтобы до конца сезона спотыкаться об эти нелепые ножки!

Снаружи, в дальнем углу двора, каменщики строят для меня из сырцовых кирпичей уборную.

Вечером за обедом я спрашиваю Мака, что было его первым архитектурным проектом.

«Это моя первая практическая работа, – отвечает он, – ваша уборная!»

Он мрачно вздыхает, и я ему очень сочувствую. Я боюсь, что в мемуарах Мака, когда он станет их писать, это будет выглядеть не слишком хорошо.

Начинающие расцветать мечты молодого архитектора не должны находить свое первое воплощение в постройке из кирпича-сырца уборной для жены патрона!

Сегодня *Capitaine*⁴⁷ Ле Буато и две французские монахини приглашены к нам пить чай. Мы встречаем их в поселке и вместе с ними приходим домой. Перед парадной дверью гордо выставлено последнее достижение плотника – сиденье для моей уборной!

* * *

Теперь дом организован. Та комната, где мы спали в первую ночь и где все еще по ночам полно тараканов, теперь чертежная. Здесь Мак может работать в одиночестве, свободный от контактов с людьми. Его, во всяком случае, тараканы совершенно не волнуют!

Рядом с ней столовая. Дальше комната древностей, где будут размещаться наши находки, где керамика будет реставрироваться и предметы сортироваться, классифицироваться и получать этикетки. (Она полна столов.) Затем идет маленькая гостиная – она же офис, где помещается моя пишущая машинка и где расставлены шезлонги. В том, что было домом священника, три спальни – свободные от мышей (благодаря коту), свободные от тараканов

⁴⁷ Капитан.

(благодаря многократной побелке?), к сожалению, не свободные от блох!

Нам придется сильно страдать от блох. У этих блох масса живости и, похоже, чудесная способность сохранять свою жизнь. Они благоденствуют на средствах «Китингс» и «Флит» и всех прочих видах средств для уничтожения блох. Смазывание кроватей карболкой только стимулирует спортивные успехи блох. Дело не в укусах блох, объясняю я Маку. Дело в их неутомимой энергии, в их бесконечных скачках вновь и вновь по кругу по животу – это очень утомляет. Невозможно заснуть, когда блохи принимаются за еженощный спорт на вашей талии.

Макс страдает от блох даже больше, чем я. Однажды я нахожу и убиваю сто семь штук в поясе его пижамы! Похоже, что мне достается только избыток блох – то есть те блохи, которым не удалось пристроиться на Максе. У меня блохи второго сорта, блохи похуже, не способные к прыжкам в высоту!

У Мака, кажется, блох нет. Это, представляется мне, нечестно. По-видимому, они считают его непригодным в качестве спортивной площадки!

* * *

Теперь жизнь налаживается и начинает идти по привычному кругу. Каждое утро на рассвете Макс уходит на городище. Чаще всего я иду с ним, но бывает, что остаюсь дома заниматься другими делами, например, реставрировать керамику и предметы, писать этикетки, а иногда, чтобы приняться за свою собственную работу за пишущей машинкой. Мак тоже остается дома два дня в неделю, работая в чертежной.

Если я иду, то это долгий день на городище, но он не слишком долог, если погода хорошая. Пока солнце еще невысоко – холодно, но потом очень хорошо. Повсюду появляются цветы, в основном маленькие красные анемоны, как я их неверно называю (кажется, ранункулюс – это их настоящее название).

Основное ядро рабочих Макс привез из Джераблуса – родного города Хамуди. Два сына Хамуди, закончив на этот сезон работу на Уре, пришли к нам. Йахья, старший, высокий и с широкой приветливой улыбкой. Он похож на дружелюбную собаку. Алави, младший, красив и, вероятно, из них двоих более умный. Но у него вспыльчивый характер и иногда возникают ссоры. Немолодой кузен Абд эс Салям тоже формен. Хамуди, после того как поможет нам начать, должен вернуться домой.

Как только приезжие из Джераблуса начали работу, местные рабочие заторопились наниматься. Люди из селения шейха уже начали работу. Теперь начинают появляться люди из соседних селений – по одному, по двое. Есть курды, люди, пришедшие из-за турецкой границы, армяне и несколько йезиди (так называемых дьяволопоклонников) – это мягкие, меланхолического вида люди, склонные оказываться жертвами издевательств остальных.

Организация работы проста. Люди разбиты на команды. Те, кто имеет хоть какой-то опыт работ на раскопе, или те, кто кажется сообразительным и способным быстро обучаться, назначаются работать киркой. Мужчины, подростки и дети, все получают одинаковую плату. Кроме и сверх нее существует (дорогой сердцу восточных людей) бакшиш. То есть выплата небольших сумм денег за каждый найденный предмет.

В каждой группе тот, кто работает киркой, имеет больше всего шансов находить предметы. Когда ему отведен квадрат земли, он принимается за него с киркой. За ним идет человек с лопатой. Он лопатой наполняет землей корзины, которые три или четыре «корзинщика» затем уносят к месту, предназначенному для отвалов. Высыпая землю, они просматривают ее в поисках любых предметов, которые работающие киркой (Qasmagi) и лопатой пропустили, а так как зачастую это мальчишки с острым зрением, то нередко какой-нибудь маленький амулет или бусина приносят им хорошее вознаграждение. Свои находки они завязывают в угол лохмотьев, в которые одеты, чтобы предъявить в конце дня. Изредка они обращаются к Максусу с каким-нибудь предметом и в соответствии с его ответом «...сохрани это» или «*shiluh*, выброси» решается судьба находки. Все это относится к небольшим предметам – амулетам, черепкам керамики, бусам и т. д. Когда обнаруживается группа горшков, или кости погребения, или следы стены из кирпича-сырца, тогда формен зовет Макса, и работа продолжается с должной тщательностью. Макс или Мак осторожно расчищают с

помощью ножа вокруг горшков, или кинжала, или вообще того, что найдено, убирая землю, сдувая пыль. Затем находка фотографируется, прежде чем ее забирают, и грубо зарисовывается в тетрадь.

Прослеживание зданий, когда они обнаруживаются, это тоже тонкая работа, требующая специалиста. Формен обычно берет кирку сам и осторожно прослеживает глиняные кирпичи, но сообразительный, хотя и не имевший раньше опыта, человек с киркой скоро сам улавливает искусство прослеживания кирпича-сырца, и уже вскоре вы слышите, как он уверенно говорит, копая, «*Nadha lîhn*» (это кирпич-сырец).

Наши армянские рабочие в целом самые умные. Но у них есть недостаток – их стремление провоцировать, они постоянно заставляют вспыхивать курдов и арабов. Ссоры, во всяком случае, почти непрерывны. У всех наших рабочих горячий нрав, и все они носят с собой средства самовыражения – большие ножи, дубинки и некие предметы, напоминающие булаву или южноафриканскую дубинку с тяжелым набалдашником! Головы оказываются разбитыми, расвирепешшие фигуры схватываются в яростной борьбе, их растаскивают, а Макс громко объявляет правила поведения на раскопе. Всех, кто будет драться, будут штрафовать! «Улаживайте ваши ссоры вне рабочих часов. На работе не должно быть драк. На работе я ваш отец, а то, что отец сказал, должно быть сделано! И я не буду выслушивать причины споров, иначе я бы не мог делать ничего, кроме этого! Для драки всегда нужны по меньшей мере двое, и все, кто будет драться, будут оштрафованы одинаково».

Люди слушают, кивают головами. «Это правильно. Он наш отец! Не должно быть драк, а то можно сломать что-нибудь ценное, за что дают хорошие деньги».

Драки, однако, все равно возникают. За постоянные драки человека увольняют.

Это, должна сказать, увольнение не навсегда. Увольняют на день, на два, и даже уволенный совсем обычно появляется вновь после следующего дня выплаты денег с требованием принять его на следующую смену.

День выплаты установлен, после нескольких экспериментов, раз в десять дней. Часть людей приходят из очень далеких селений, принося с собой еду. Эта еда (мешок муки и несколько луковиц) обычно кончается за десять дней, и тогда человек просит разрешения сходить домой, так как у него кончилась еда. Один из больших недостатков, как мы обнаружили, это то, что люди не работают регулярно. Как только им заплатили, они бросают работу. «У меня теперь есть деньги. Зачем мне дальше работать? Я лучше пойду домой». Недели через две, когда деньги истрачены, человек возвращается и просит принять его снова. С нашей точки зрения, это очень неудобно, так как команда, привыкшая работать вместе, гораздо более эффективна, чем новая комбинация.

Французы нашли свой способ борьбы с этой привычкой, которая доставляла им большие трудности, во время работы на железной дороге. Они обычно задерживали половину заработанных людьми денег до следующей выплаты. Это обеспечивало то, что рабочие работали постоянно. Лейтенант советовал Максу принять такую систему, но, обсудив, мы отказались от этой идеи, так как, с точки зрения Макса, это было принципиально нечестно. Люди заработали эти деньги и должны получить их сполна. Итак, нам приходилось терпеть постоянные уходы и возвращения. Это сильно затрудняет работу с бухгалтерской книгой, так как списки приходится непрерывно проверять и изменять.

Приехав на городище в полседьмого, мы делаем перерыв на завтрак в восемь тридцать. Едим яйца вкрутую и лепешки арабского хлеба, а Михель (шофер) обеспечивает горячий чай, который мы пьем из эмалированных кружек, сидя на самом верху городища. Солнце приятно греет, утренние тени придают неправдоподобную прелесть пейзажу с синими турецкими горами на севере и мелкими красными и желтыми цветочками, высыпавшими повсюду вокруг. Воздух чудесно душист. Это один из тех моментов, когда чувствуешь, как хорошо жить на свете. Формены радостно улыбаются. Ребятишки, которые гонят мимо коров, подходят и застенчиво рассматривают нас. Они одеты в невероятные лохмотья, их зубы сияют белизной, когда они улыбаются. Я думаю о том, какой у них счастливый вид и как приятна такая жизнь, как в старых сказках – бродить со стадом по холмам, иногда садиться и петь.

В это время дня так называемые более счастливые дети в европейских странах отправляются в переполненные классы, покидают свежий воздух, садятся на скамьи или за

парты, трудятся над буквами алфавита, слушают учителя, пишут уставшими пальчиками. Я начинаю думать, а не станем ли мы лет через сто говорить потрясенным тоном: «В те времена на самом деле маленьких детей заставляли ходить в школу, сидеть в помещении, за партами, по несколько часов в день! Страшно подумать! Маленьких детей!»

Заставляя себя вернуться к настоящему от этого видения будущего, я улыбаюсь девочке с татуировкой на лбу и предлагаю ей крутое яйцо.

Она тотчас же испуганно качает головой и торопливо уходит. Я чувствую, что совершила ляпсус.

Формены свистят в свистки. Снова за работу. Я брожу по городищу, останавливаясь время от времени на разных участках работы. Всегда надеешься оказаться там, где в этот момент обнаружится интересная находка, и конечно, никогда не оказываешься! Простояв, опершись на трость, минут двадцать, с надеждой наблюдая за Мохамедом Хассаном и его командой, я перехожу к Иса Дауду, а потом узнаю, что главная находка дня – прелестный горшок с резным орнаментом – была обнаружена, как только я ушла.

У меня есть еще другое дело. Я наблюдаю за мальчиками-корзинщиками, так как некоторые из них, наиболее ленивые, донеся корзину до отвалов, не возвращаются сразу же. Они садятся на солнышке, чтобы просмотреть землю из своей корзины, и частенько приятно проводят за этим занятием четверть часа! Еще более возмутительно, некоторые уютно устраиваются на отвалах и с удовольствием спят!

К концу недели я в роли шпиона-виртуоза докладываю свои наблюдения.

«Тот вон маленький корзинщик с желтой повязкой на голове – высший класс, не расслабляется ни на минуту. Я бы уволила Салаха Хассана, он вечно спит на отвалах. Абдул Азиз немного ленив, и вон тот в синей рваной куртке тоже».

Макс соглашается, что Салаха Хассана надо гнать, но говорит, что у Абдула Азиза такое острое зрение, что он никогда ничего не пропускает.

Время от времени на протяжении утра, по мере того как Макс обходит раскоп, изображаются взрывы совершенно фиктивной энергии. Все кричат «Йалла!», вопят, поют, танцуют. Мальчишки-корзинщики носятся, тяжело дыша к отвалам и обратно, подкидывая пустые корзины в воздух, вопят и смеются. Затем все это замирает, и дело движется даже медленнее, чем прежде.

Формены издают еще серию подбадривающих воплей «Йалла» и пользуются некоторой формулой сарказма, которая от постоянного употребления, вероятно, утратила всякий смысл.

«Вы что – старые женщины? Как вы шевелитесь? Уж точно вы не мужчины? Как медленно! Как дряхлые коровы!» и т. д. и т. д.

Я ухожу от раскопа и иду к дальнему краю городища. Здесь, повернувшись к синей линии гор на севере, я сажусь среди цветов и впадаю в приятную кому.

Издали ко мне приближается группа женщин. Судя по ярким одежкам, это курдские женщины. Они заняты тем, что выкапывают корни и собирают листья.

Они направляются напрямик ко мне. И вот они уже сидят кружком вокруг меня.

Курдские женщины веселые и красивые. Они одеваются в яркие тона. У этих женщин на головах яркие оранжевые тюрбаны, одежды у них зеленые, пурпурные, желтые. Головы они держат прямо, они высоки ростом и держатся слегка откинувшись назад, так что у них всегда гордый вид. У них бронзовые лица с правильными чертами, красные щеки и обычно голубые глаза.

У курдских мужчин, почти у всех, есть явное сходство с цветным портретом лорда Китченера, висевшим в детской, когда я была маленькой. Кирпично-красное лицо, большие коричневые усы, голубые глаза, свирепый и воинственный вид!

В этих краях курдские и арабские селения встречаются приблизительно одинаково часто. Они ведут ту же самую жизнь и принадлежат к той же самой религии, но ни на один миг вы не примете курдскую женщину за арабскую. Арабские женщины неизменно скромны и замкнуты, они отворачиваются, когда вы с ними заговариваете, если они на вас смотрят, то только издали. Если они улыбаются, то застенчиво и полуотвернувшись. Одеваются они в основном в черное и в темные тона. И никогда ни одна арабская женщина не подойдет и не заговорит с мужчиной! У курдской женщины нет ни малейших сомнений, что она ничуть не хуже мужчины, скорее

лучше! Они выходят из дома и обмениваются шутками с любыми мужчинами, проводя время в дружеских беседах. Они, нисколько не смущаясь, командуют своими мужьями. Наши рабочие из Джераблуса, не привыкшие к курдам, глубоко шокированы.

«Никогда, – восклицает один из них, – никогда не думал, что услышу, чтобы приличная женщина так обращалась к своему мужу! Правда же, я не знал куда смотреть!»

В это утро мои курдские женщины с откровенным интересом рассматривают меня и обмениваются друг с другом фривольными замечаниями. Они очень дружелюбны, кивают мне и смеются, задают вопросы, затем вздыхают, качают головами, постукивая пальцем по губам.

Они явно говорят: «Как жаль, что мы не можем понять друг друга!» Они поднимают складку моей юбки и рассматривают ее с интересом, щупают мой рукав. Они показывают на городище. Я женщина Хвайи? Я киваю. Они обстреливают меня новыми вопросами, затем смеются, понимая, что ответов не получить. Несомненно, им хотелось бы знать все о моих детях и выкидышах!

Они пытаются объяснить мне, что они делают с травами и растениями, которые собирают. А, ничего не получается!

Еще один взрыв смеха. Они встают, улыбаются, кивают и не торопясь удаляются, смеясь и разговаривая. Они как большие яркие цветы...

Они живут в жалких глиняных хижинах, владея, быть может, всего несколькими кухонными горшками, и при этом их веселость, их смех непритворны. Они находят, несколько по-раблезиански, что жизнь хороша. Они красивы, полнокровны и веселы.

Проходит, погоняя коров, моя арабская девочка. Застенчиво улыбается мне, затем быстро отводит глаза.

Издалека я слышу свисток формена. *Fidos!* Уже двенадцать тридцать – часовой перерыв для ленча.

Я направляю свои стопы обратно, туда, где меня ждут Макс и Мак. Михель раскладывает ленч, упакованный для нас Димитрием. Это куски холодной баранины, опять-таки яйца вкрутую, лепешки арабского хлеба и сыр. Местный сыр для Макса и Мака, он из козьего молока, с резким вкусом, бледно-серого цвета, слегка волосатый; для меня – изысканная разновидность синтетического швейцарского сыра, завернутого в серебряную бумажку, в круглой картонной коробочке. Макс смотрит на него с осуждением. После еды апельсины и эмалированные кружки горячего чая.

После ленча мы идем смотреть на строительство нашего дома.

Это в нескольких сотнях ярдов за деревней и домом шейха, к юго-востоку от городища. Площадка уже размечена, и я с сомнением спрашиваю Мака, не слишком ли малы комнаты. Ему это явно кажется забавным, и он объясняет, что это просто эффект открытого пространства вокруг. Дом должен быть построен с центральным куполом, в нем будет большая гостиная – она же рабочая комната – посередине и по две комнаты по обе стороны от нее. Кухонные постройки будут отдельно. К основному строению мы сможем добавлять дополнительные комнаты, если раскопки продлятся и нам понадобятся еще помещения.

Недалеко от дома мы собираемся подыскать место для колодца, чтобы не зависеть от колодца шейха. Макс выбирает место и затем возвращается к работе.

Я немного задерживаюсь и наблюдаю, как Мак руководит работами с помощью жестов, кивков головы, свиста – чего угодно, но только не с помощью слов!

Около четырех часов Макс начинает обходить команды и назначать бакшиш. Когда он подходит к какой-нибудь команде, она более или менее выстраивается и предъявляет мелкие находки дня. Один из самых предприимчивых мальчишек-корзинщиков помыл свои находки слюной!

Открыв огромную книгу, Макс приступает к процедуре:

«Qasmagi?» (работник с киркой)

«Хассан Мохамед».

Что сегодня у Хассана Мохамеда? Половина большого разбитого горшка, множество обломков керамики, костяной нож, один-два кусочка меди.

Макс рассматривает эту коллекцию, безжалостно выкидывает ерунду – обычно то, что подогревало самые большие надежды рабочего, кладет костяные орудия в одну из коробок,

которые несет Михель, бусы в другую. Фрагменты керамики отправляются в одну из больших корзин, которые несет мальчишка.

Макс объявляет цену: два с половиной пенса или, может быть, четыре пенса, и записывает в книгу. Хассан Мохамед повторяет сумму, заносая ее в свою обширную память.

Жуткая арифметика ждет нас в конце недели. Когда сложены все суммы бакшишей за прошедшие дни и к ним прибавлена ежедневная плата за это время, полученная сумма выплачивается рабочему. Обычно тот, кому платят, точно знает, сколько он должен получить! Иногда он говорит: «Это мало – должно быть еще два пенса». Или, ничуть не реже: «Вы мне дали слишком много, мне положено на четыре пенса меньше». Они редко ошибаются. Время от времени ошибки получаются из-за одинаковых имен. Часто оказывается три или четыре Дауд Мохамеда, и их приходится различать как Дауд Мохамед Ибрагим и Дауд Мохамед Сулиман.

Макс подходит к следующему человеку.

«Твое имя?»

«Ахмад Мохамед».

У Ахмада Мохамеда мало что есть. Строго говоря, у него нет ничего из того, что нам надо; но нужно человека поощрить хотя бы немного, и Макс выбирает несколько черепков, бросает в корзину и объявляет пару фартингов.

Теперь идут мальчишки-корзинщики. У Ибрагима Дауда очень интересный на вид предмет, который, увы, оказывается всего лишь куском черенка резной арабской трубки. Но вот подходит маленький Абдул Джехар, с сомнением протягивая несколько бусинок и еще какой-то предмет, который Макс хватает с радостью и одобрением. Цилиндрическая печатка, неповрежденная и хорошего периода – действительно ценная находка. Маленького Абдулу хвалят, на его имя записывается пять франков. Раздаются взволнованные голоса.

Нет сомнений, что для рабочих, а они все по натуре своей азартные игроки, сама неопределенность дела и есть его главная привлекательность. И просто потрясает, как полоса удачи сопутствует некоторым командам. Иногда, когда начинается работа на новом участке, Макс говорит: «Я поставлю Ибрагима и его команду на эту внешнюю стену, в последнее время у них уж слишком много находок. А вот бедняга Райни Джорж – ему не везло в последнее время. Поставлю его на хорошее место».

Но вот вам, пожалуйста! На участке Ибрагима, там, где дома беднейшей части старого города, тут же обнаруживается тайник: глиняный горшок с кучей золотых серег, возможно, приданое чьей-то дочери в далекие времена, и бакшиш Ибрагима взмывает вверх; а Райни Джорж, копая на многообещающем участке кладбища, где должно быть множество находок, встречает непонятно мало погребений.

Те, кому бакшиш определен, рассеянно возвращаются к работе. Макс двигается дальше, пока не доходит до последней команды.

Уже до захода солнца осталось полчаса. Звучит свисток. Все вопят «Fidos! Fidos!». Подкидывают и ловят корзины и несутся очертя голову вниз по склону, вопя и смеясь.

Еще один день работы кончился. Те, кто пришел из селений в двух-трех милях от раскопа, отправляются домой. Наши находки, в корзинах и коробках, приносят вниз с городища и бережно грузят в Мэри. Несколько человек, которым по пути с нами, забираются на крышу. Мы отправляемся домой. Еще один день закончился.

* * *

По странному совпадению наш колодец, который мы начали копать, оказался точно на том же месте, где был выкопан колодец в древности. Это производит такое впечатление, что спустя несколько дней, когда Макс спускается с городища, его ожидает пятеро серьезных бородатых джентльменов.

Они пришли, объясняют они, из своих селений за много миль. Им необходимо больше воды. А Хвайя знает места, где скрыты колодцы – те колодцы, которые были у римлян. Если он укажет им места, они будут вечно благодарны.

Макс объясняет, что это чистая случайность, что мы попали на то самое место, где раньше был колодец.

Серьезные джентльмены улыбаются вежливо, но недоверчиво.

«Вы обладаете великой мудростью, Хвайя, это известно. Секреты древности для вас – открытая книга. Где были города, где были колодцы – все это вам известно. Поэтому укажите нам, где копать, а за подарками дело не станет».

Никаким уверениям Макса не верят. Скорее его считают волшебником, который оберегает свои секреты. Он знает, бормочут они, но он не хочет сказать.

«Хотел бы я, чтобы мы не натыкались на этот проклятый римский колодец, – мрачно говорит Макс, – у меня от него бесконечные проблемы».

Когда надо платить людям, возникает осложнение. Официальная валюта в стране это французские франки. Но в этой части мира турецкие меджиди были в обращении так долго, что здешние консервативные жители не признают ничего другого. На базарах в ходу эти деньги, хотя банки их не признают. Наши рабочие упорно отказываются, чтобы им платили в чем-нибудь другом, кроме меджиди.

Вследствие этого, после того как деньги получены в банке, приходится посылать Михеля на базары, чтобы обменять их на нелегальную валюту, которая в здешних краях является «*effectif*⁴⁸».

Эти меджиди – большие, тяжелые монеты. Михель с трудом входит с подносами этих денег – горстями, мешками! Он вываливает их на стол. Все они очень грязные и воняют чесноком!

Накануне дня выплаты нам приходится проводить кошмарный вечер, пересчитывая меджиди, просто задыхаясь от их запаха!

Михель неоченим во многих отношениях. Он честен, пунктуален и в высшей степени скрупулезен. Не умея ни читать, ни писать, он способен проводить сложнейшие подсчеты в уме, возвращаясь с рынка с длинным, иногда до тридцати предметов, перечнем покупок, он перечисляет все цены правильно и выкладывает абсолютно точную сумму сдачи. Он никогда не делает ни одной ошибки в денежных расчетах.

С другой стороны, он очень любит командовать, имеет ужасную тенденцию ссориться со всеми магометанами, очень упрям и, к сожалению, у него тяжелая рука в отношении механизмов. «*Forca!*» – говорит он, сверкая глазами, и тотчас за этим следует зловещий треск.

Пожалуй, еще губительнее его стремление к экономии. Он чувствует себя разочарованным, когда мы недовольны гнилыми бананами или засохшими апельсинами. «Что, разве не было хороших?» – «Были, но они дороже. Эти экономнее».

Это великое слово – экономия! Оно нам дорого обходится – многое просто приходится выбрасывать.

Третий лозунг Михеля – это *sawi proba* (попробуй).

Он произносит его со всеми возможными оттенками голоса – с надеждой, уговаривая, с азартом, уверенно, иногда безнадежно.

Результат обычно неудачный.

* * *

Так как наша прачка по непонятным причинам долго не возвращает мои платья из хлопка, я решаюсь одеть жакетку и юбку из чесучи, предназначенные для Жен Строителей Империи. Раньше у меня не хватало храбрости одеть их.

Макс бросает на меня один взгляд.

«Это еще что на тебе такое?»

Я, защищаясь, говорю, что оно удобно и прохладно.

«Ты не можешь в этом ходить, – говорит Макс, – пойди и сними».

«Я должна в этом ходить. Я это купила».

«Оно ужасно. Ты выглядишь как самая жуткая мэмсахиб – прямо из Пуны!»

Я печально признаюсь, что у меня были такие подозрения.

⁴⁸ Наличные деньги.

Макс говорит, подбадривая: «Одень это твое зеленовато-коричнево-желтое с халафским орнаментом бегущих ромбиков».

«Хотела бы я, – сердито отвечаю я, – чтобы ты не применял термины керамики, говоря о моей одежде. Оно лимонно-зеленое. А эти бегущие ромбики – отвратительный термин – напоминают полуобсосанный леденец, оставленный ребенком на прилавке в сельской лавочке. Как вы можете придумывать такие противные описания для орнаментов на керамике, я просто не понимаю!»

«Ну у тебя и воображение, – говорит Макс, – а бегущие ромбики это очень привлекательный рисунок халафской керамики».

Он мне его рисует на клочке бумаги, а я говорю, что и так знаю и что это действительно очень привлекательный рисунок. Вот его описание – это оно отвратительно.

Макс грустно смотрит на меня и качает головой.

Мы проходим по деревне Ханзир и слышим такой разговор:

«Кто это?»

«Это те иностранцы, которые копают».

Старый джентльмен серьезно нас рассматривает.

«Как они прекрасны, – вздыхает он. – Они набиты деньгами!»

Старая женщина кидается к Максусу.

«Хвайя! Сжался, вступишь за моего сына. Они увезли его в Дамаск – в тюрьму. Он хороший человек, он ничего не сделал – совсем ничего, клянусь!»

«Тогда почему же его забрали в тюрьму?»

«Ни за что. Это несправедливость. Спаси его для меня».

«Но что он сделал, матушка?»

«Ничего, клянусь перед Богом, перед Богом, это правда! Он ничего не сделал, только убил человека!»

* * *

У нас новая забота. Несколько человек из Джераблуса заболели. Они в палатках у Чагар Базара. Трое слегли, и возникают сложности, так как остальные отказываются подходить к ним. Отказываются принести им еду и воду.

Это стремление избегать больных очень странно. Но, в конце концов, все кажется странным в этом обществе, где ценность человеческой жизни не считается важной.

«Они будут голодать, если не принести им еды», – говорит Макс.

Их сотоварищи рабочие пожимают плечами.

«Inshallah, если такова воля Божья».

Формены, хотя и неохотно, доказывают свою причастность к цивилизации и с некоторым неудовольствием, но оказывают помощь. Макс осторожно поднимает вопрос о больнице. Он может договориться с французскими властями, чтобы те два человека, что больны серьезно, были бы взяты в больницу.

Йахья и Алави с сомнением качают головами. Попасть в больницу будет позором, потому что в больнице происходят позорные вещи. Смерть всегда лучше, чем позор.

Я начинаю в смятении думать о неверных диагнозах, о пренебрежении к больным.

«Что же это за позорные вещи, которые происходят там?» – спрашиваю я.

Макс углубляется в этот вопрос. Затем после длинной серии вопросов и ответов, которые я перестаю понимать, он поворачивается ко мне и объясняет.

Одного человека взяли в больницу и там ему поставили клизму.

«Да», – говорю я, ожидая продолжения истории.

Макс говорит, что это все.

«Ну и что, он умер?»

«Нет, но он бы предпочел умереть».

«Что?» – восклицаю я, не веря.

Макс говорит, что именно так. Этот человек вернулся в свою деревню, затаив глубокую и горькую обиду. Такое унижение слишком глубоко! Смерть была бы предпочтительнее.

При том, как мы свыклись с нашими западными представлениями о ценности жизни, нам трудно приспособиться к другой шкале ценностей. И тем не менее для восточного сознания все это достаточно просто. Смерть неизбежно придет – она так же неизбежна, как рождение; придет ли она рано или поздно – на это исключительно воля Аллаха. И эта вера, это восприятие освобождает от того, что стало проклятием нашего нынешнего мира – от беспокойства. Они, может быть, не свободны от нужды, но они определенно свободны от страха. И досуг – это благословенное естественное состояние, работа – это противоестественная необходимость.

Я вспоминаю старого нищего, которого мы встретили в Персии. У него была белая борода и полный достоинства вид. Невзирая на протянутую руку, его слова звучали гордо.

«Дай мне от безмерной щедрости твоей, о Принц, немного. Мне хотелось бы, чтобы я мог избежать смерти».

Проблема двоих больных становится более острой. Макс едет в Камышлы и излагает свои заботы французскому коменданту. Эти офицеры всегда очень любезны и готовы оказать помощь. Макса знакомят с французским военным доктором, и тот едет с Максом на раскопки и осматривает пациентов.

Он подтверждает наши опасения, что люди действительно очень серьезно больны. Один из них, говорит он, видимо, уже был в очень плохом состоянии, когда появился у нас, и уже тогда не могло быть особых надежд на его выздоровление. Он советует, чтобы обоих больных поместили в больницу. Больных уговаривают согласиться и немедленно увозят в больницу.

Французский доктор также очень любезно оставляет нам какое-то действительно мощное слабительное, которое, как он уверяет, и на лошадь подействует!

Оно нам действительно необходимо, так как люди постоянно обращаются к Максусу живописным описанием запора, а обычные слабительные, похоже, не дают никакого эффекта.

* * *

Один из наших больных в больнице умер. Второй уверенно на пути к выздоровлению. Весть о смерти приходит к нам через два дня после того, как она произошла, и мы узнаем, что человек уже похоронен.

К нам приходит Алави с очень серьезным видом. Речь идет, говорит он, о нашей репутации...

Мое сердце слегка падает. Слово репутация всегда предшествует денежным тратам.

Этот человек, продолжает он, умер вдали от дома. Он похоронен здесь. В Джераблусе это вызовет большое недовольство нами.

Но не в наших силах было сделать, чтобы этот человек не умер, говорит Макс. Он уже был болен, когда пришел к нам, а мы сделали все, что могли.

Алави отмахивается от слов о смерти. Смерть это ничто. Важна не смерть этого человека. Важны похороны.

Потому что, в каком положении окажутся родственники этого человека, его семья? Он был похоронен в чужом месте. Значит, они должны покинуть дом и приехать туда, где его могила. Это позор, если человек не вернулся, чтобы быть похороненным в родном городе.

Макс говорит, что не видит, что может быть сделано теперь. Человека уже похоронили. Что советует Алави – денежный подарок горюющему семейству?

Да, это будет уместно. Но то, что Алави предлагает на самом деле, это эксгумация.

«Что? Выкопать его?»

«Да, Хвайя. Отправить тело обратно в Джераблус. Тогда все будет исполнено с должным почтением и ваша репутация не пострадает».

Макс говорит, что неуверен, можно ли это организовать. Ему кажется, что такое не реально.

В конце концов мы едем в Камышлы и консультируемся с французскими властями. Они определенно считают, что мы сошли с ума!

Вопреки ожиданиям, это утверждает Макса в его намерении. Это, соглашается он, без сомнения, глупо, но это возможно?

Доктор пожимает плечами. Ну да, это возможно! Потребуется официальные бумаги –

много бумаг. «Et des timbres, beaucoup de timbres!⁴⁹» «Естественно! – говорит Макс. – Это неизбежно!»

Дело начинает двигаться. Водитель такси, который собирается вскоре возвращаться в Джераблус, с энтузиазмом берется перевезти (должным образом дезинфицированное) мертвое тело. Один из рабочих, кузен умершего, поедет сопровождать. Все налажено.

Сперва эксгумация; затем подписывание множества бумаг и приклеивание марок; посещение военного доктора, вооруженного большим опрыскивателем с формалином; тело помещается в гроб; снова формалин, гроб запечатывается, жизнерадостный шофер водружает его на свое такси.

«Хола! – восклицает он. – У нас будет веселая поездка! Надо будет следить, чтобы наш брат не свалился по дороге!»

Все происходящее теперь настолько окружено шутками, что по настроению его можно сравнить только с ирландским бдением у гроба. Такси уезжает, причем шофер и кузен во все горло поют песни. Чувствуется, что для них обоих это замечательное событие. Они получают полное удовольствие.

Макс вздыхает с облегчением. Он приклеил последнюю марку и заплатил все, что требовалось. Все необходимые бумаги (объемистая пачка) вручены водителю такси.

«Ну вот, – говорит Макс, – с этим покончено!»

Он ошибается. Историю странствования покойного, Абдуллы Хамида, можно было бы превратить в поэтическую сагу. Был момент, когда казалось, что тело его никогда не найдет покоя.

Тело должным образом прибыло в Джераблус. Его встретили с полагающимися причитаниями и с некоторой гордостью, насколько мы поняли, так как его возвращение было столь великолепно. Состоялось большое празднество – прямо сказать, пир. Таксист, воззвав к Аллаху, продолжил свой путь в Алеппо. Когда он отбыл, обнаружилось, что все эти совершенно необходимые «бумаги» отбыли вместе с ним.

За этим следует хаос. Без необходимых бумаг покойный не может быть похоронен. Что же, тогда его надо вернуть в Камышлы? По этому вопросу возникают жаркие споры. Рассылаются сообщения – французским властям в Камышлы, нам, шоферу такси по очень ненадежному адресу в Алеппо. Все делается в неторопливой манере свойственной арабам – а Абдулла Хамид тем временем остается непогребенным.

«Сколько времени, – спрашиваю я Макса с беспокойством, – может действовать формалин?»

Новый комплект бумаг (со всеми *les timbres*⁵⁰) получен и послан в Джераблус. Приходит весть, что тело вот-вот отправят обратно в Камышлы по железной дороге. Срочные телеграммы летят туда-сюда.

Внезапно все кончается благополучно. В Джераблусе вновь появляется таксист со всем ворохом бумаг.

«Как это мы забыли!» – восклицает он. Следуют похороны – с соблюдением должного порядка и благопристойности. Наша репутация, уверяет нас Алави, не пострадала!

Французские власти по-прежнему считают, что мы сошли с ума. Наши рабочие относятся с мрачным одобрением. Михель в ярости – это полное отсутствие экономии! Чтобы дать выход своим чувствам, он ранним утром громко стучит молотком по *тутти* под окнами, пока ему очень строго не приказывают прекратить это.

Тутти – это общее название всех конструкций и всевозможных применений жестянок от бензина. Что делала бы Сирия без этих жестянок – просто и не представить! Женщины носят воду из колодца в жестянках от бензина. Жестянки режут, прибивают полосами на крыши или используют для починки домов.

Как однажды нам сказал в порыве откровенности Михель, его мечта – сделать весь дом

⁴⁹ И марки, много марок!

⁵⁰ Марками.

целиком из тутти.

«Он будет прекрасен, – говорит он мечтательно, – исключительно прекрасен!»

Глава 5 FIN DE SAISON⁵¹

Чагар Базар дает хорошие результаты, и из Лондона приезжает Б. в качестве дополнительного помощника на последний месяц.

Занятно наблюдать Б. и Мака вместе – они такая полная противоположность друг другу. Б. – определенно общественное животное, Мак – не общественное. Они вполне ладят, но смотрят друг на друга с озадаченным недоумением.

Однажды, когда мы собираемся в Камышлы, Б. неожиданно начинает проявлять беспокойство.

«Наверное, нехорошо оставлять старину Мака в одиночестве на целый день? Может, мне лучше остаться с ним?»

«Мак любит одиночество», – уверяю я.

Б. смотрит недоверчиво. Он отправляется в чертежную.

«Вот что, Мак, хотите, я останусь? Довольно скучно быть одному целый день».

Тень тревоги мелькает на лице Мака.

«О, – говорит он, – я так ждал этот день».

«Странный он парень, – говорит Б., когда мы скачем по рытвинам по дороге в Камышлы. – Вы знаете, какой вчера был закат? Прекрасный! Я был на крыше, смотрел. Обнаружил там Мака. Должен признать, я был немного восторжен, но старина Мак, он ни слова не произнес. Даже не ответил. А ведь он наверняка поднялся туда, чтобы смотреть на закат?»

«Да, он обычно поднимается туда по вечерам».

«Выглядит так странно, что при этом он ничего не говорит».

Я представляю себе Мака, замкнутого и молчаливого, на крыше и Б., с энтузиазмом жужжащего вокруг него.

Позднее, несомненно, Мак в своей скрупулезно аккуратной комнате будет сидеть на пледе и писать дневник...

«Я имею в виду, что невольно ждешь, не правда ли...» – упорно продолжает Б., но замолкает, так как Михель, круто повернув поперек дороги, с дьявольскими намерениями нажимает на газ и атакует группу арабов – это две старые женщины и мужчина с ослом.

Они с воплями разбегаются, Макс превосходит самого себя, сердито понося Михеля. Что он, черт возьми, думает? Он же мог их убить!

Это, очевидно, более или менее и было намерением Михеля.

«А какое это имело бы значение? – спрашивает он, воздевая обе руки и предоставив машине самой выбирать дорогу. – Они же магометане, не так ли?»

Выразив эти, по его мнению, в высшей степени христианские чувства, он погружается в оскорбленное молчание непонятого человека. Кажется, он говорит себе – и какие же это христиане, если они так слабы, так нерешительны в своей вере!

Макс устанавливает твердое правило, что никакие попытки убийства магометан не дозволены.

Михель грустно бормочет едва слышно:

«Было бы лучше, если бы все магометане померли!»

⁵¹ Конец сезона.

* * *

Кроме наших обычных дел в Камышлы – визитов в банк, покупок у месье Йаннакоса, визита вежливости к французам, у Б. есть еще собственное дело – а именно получить пакет, посланный вслед за ним из Англии и содержащий две пижамы.

Нами было получено официальное уведомление, что данный пакет ждет на почте. Итак, мы отправляемся на почту.

Почтмейстера не видно, но его подчиненный с неподвижным взглядом призывает его на его служебный пост. Он появляется, зевая, тепло одетый в яркую полосатую пижаму. Хотя очевидно, что его разбудили, прервав глубокий сон, тем не менее он вежлив и приветлив, пожимает всем руки, расспрашивает, как подвигаются раскопки: нашли ли мы золото? Выпьем ли мы с ним кофе? Соблюдя таким образом правила вежливости, мы переходим к вопросу о почте. Наши письма теперь приходят на почту в Амуду – не слишком удачный план, так как престарелый почтмейстер Амуды считает их такими важными и ценными, что часто запирает их в сейф для ценностей и забывает отдать нам.

Пакет для Б., однако, остался в Камышлы, и мы начинаем переговоры с целью получить его.

«Да, точно, такой пакет есть, – говорит почтмейстер, – он пришел из Лондона, Англия. Ах! Какой великий это, должно быть, город! Как бы я хотел его увидеть! Пакет адресован месье Б. А, это месье Б., ваш новый коллега? Он снова пожимает руку Б. и произносит что-то вежливое и лестное. Б. отвечает общительно и вежливо по-арабски.

После этой интерлюдии мы возвращаемся к вопросу о пакете. Да, говорит почтмейстер, он был здесь, прямо здесь, в этом офисе! Но больше его тут нет. Его забрала в свои руки таможня. Месье Б. должен понимать, что пакеты облагаются пошлиной.

Б. говорит, что в пакете его личная одежда.

Почтмейстер отвечает: «Без сомнения, без сомнения, но это – дело таможни».

«Значит, нам надо идти в таможню?»

«Да, так было бы правильно, – соглашается почтмейстер. – Но сегодня это бессмысленно. Сегодня среда, а по средам таможня закрыта».

«Значит, завтра?»

«Да, завтра таможня будет открыта».

«Мне очень жаль, – говорит Б. Макс, – но, видимо, мне придется завтра ехать снова, чтобы получить свой пакет».

Почтмейстер говорит, что, конечно, месье Б. нужно будет приехать завтра, но что даже завтра он не сможет получить свой пакет.

«Почему же нет?» – требует Б.

«Потому что после того, как формальности в таможне будут выполнены, пакет должен пройти через почту».

«Вы имеете в виду, что мне надо будет прийти сюда?»

«Совершенно верно. А это будет невозможно завтра, потому что завтра будет закрыта почта», – торжествующе говорит почтмейстер.

Мы обсуждаем этот вопрос во всех подробностях, но бюрократия торжествует во всех случаях. По-видимому, нет ни одного дня недели, когда и почта, и таможня открыты!

Мы сейчас же обращаемся к несчастному Б. и отчитываем его, интересуясь, почему это он не мог взять свои несчастные пижамы с собой, вместо того, чтобы посылать их по почте!

«Потому что, – говорит Б., защищаясь, – это очень особые пижамы».

«Так и должно быть, – говорит Макс, – учитывая, сколько хлопот они нам доставят! Этот грузовик ежедневно ходит на раскоп и обратно, а не в Камышлы как почтовая машина».

Мы пытаемся уговорить почтмейстера позволить Б. расписаться на почтовых квитанциях сейчас, но он непреклонен. Почтовые формальности всегда выполняются после таможенных. Потерпев поражение, мы грустно уходим с почты, а почтмейстер, по всей вероятности, возвращается в постель.

Подходит взволнованный Михель и говорит, что совершил очень выгодную сделку с апельсинами. Он купил две сотни апельсинов по самой экономной цене. Как всегда, его ругают.

Как он себе представляет, как мы можем съесть две сотни апельсинов прежде, чем они испортятся – то есть если они уже сейчас не испорчены?

Некоторые из них, признает Михель, действительно, пожалуй, немного подались, но они очень дешевые и скидка при покупке двух сотен очень большая. Макс соглашается посмотреть на них, а взглянув, немедленно отвергает: большая часть из них уже покрыта зеленой плесенью!

Михель бормочет грустно: «Экономия!» Это же все-таки апельсины. Он уходит и возвращается с несколькими экономическими курицами, которых он, как всегда, несет вниз головами, связанных вместе за ноги. Другие экономные и неэкономные покупки сделаны, и мы отправляемся домой.

Я спрашиваю Мака, хорошо ли он провел день, и он говорит «великолепно» с несомненным энтузиазмом.

Уставившись, не в силах этого понять, на Мака, Б. садится на стул, которого нет, и прекрасный день Мака обретает чудесное завершение. Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь так смеялся! Время от времени во время обеда он начинает смеяться снова. Если бы мы только знали, что пробуждает чувство юмора Мака, мы бы могли как-то устроить, чтобы доставлять ему массу тихой радости!

* * *

Б. не отступает от тяжелой задачи – продолжает попытки быть общительным. В те дни, когда Макс на раскопе, а мы трое в доме, Б. блуждает, как потерянная душа. Он идет в чертежную и разговаривает с Маком, но не получив отклика, грустно приходит в офис, где я деловито стучу на машинке, записывая кровавые подробности убийства.

«О, – говорит Б. – Вы заняты?»

Я отвечаю «Да» – резко.

«Пишете?» – спрашивает Б.

«Да» (еще резче).

«Я подумал, может быть, – говорит Б. с надеждой, – может быть, мне можно принести сюда этикетки и предметы. Я ведь не буду вам мешать? Правда же?»

Я должна быть твердой. Я четко объясняю, что для меня совершенно невозможно успешно продвигаться вперед с моим мертвым телом, если какое-либо живое тело двигается, дышит, а еще, по всей вероятности, и разговаривает в непосредственной близости!

Бедный Б. грустно уходит, обреченный работать в тишине и одиночестве. Я убеждена, что если Б. когда-нибудь станет писать книгу, то он будет с легкостью это делать при включенных совсем рядом приемнике и граммофоне и нескольких разговорах, идущих в той же комнате!

Но когда появляются визитеры – все равно, на раскопе или в доме, – тут Б. на своем месте.

Монахини, французские офицеры, захватившие археологи, туристы – во всех случаях Б. рад быть полезным и достаточно компетентен.

«Там машина остановилась, и какие-то люди. Мне пойти посмотреть, кто это?»

«Ох, пожалуйста, пойдите!»

И вот компания появляется под умелым руководством Б., и он во всю болтает на любом нужном языке. В этих случаях, как мы и говорим ему, Б. просто на вес золота.

«От Мака немного толку, не правда ли?» – говорит Б., с ухмылкой поглядывая на Мака.

«От Мака, – говорю я свирепо, – никакого толка. Он даже и не пытается».

Мак отвечает мягкой отсутствующей улыбкой.

* * *

У Мака, обнаруживаем мы, есть слабость. И эта слабость – лошадь. Для решения проблемы с пижамами Б. мы нашли следующий выход: Б. завозит Мака на раскоп, а сам едет на машине дальше в Камышлы. Мак хочет в середине дня съездить домой, и Алави предлагает, что он может поехать верхом. У шейха есть несколько лошадей. Лицо Мака тотчас оживляется. Его мягкая отрешенность исчезает. Ее заменяет увлеченность.

С этих пор, если только есть для этого малейший повод, Мак приезжает домой на лошади.

«Этот Хвайя Мак, – говорит Алави, – он никогда не говорит, он свистит. Когда нужно, чтобы мальчик с рейкой подвинулся влево, – он свистит, когда нужно, чтобы к нему подошел каменщик, он свистит; теперь он свистит, когда ему нужна лошадь!»

Вопрос с пижамами Б. все еще не решен. Таможня требует огромную сумму в восемь фунтов! Б. замечает, что пижамы стоили всего по два фунта каждая, и отказывается платить. Создается исключительно сложная ситуация. Что, – требует сказать таможня, – что она теперь должна делать с пакетом? Они возвращают его почтмейстеру. Он не должен отдавать его Б. и он должен обеспечить, чтобы пакет не покинул пределов страны! Мы бессмысленно тратим несколько дней и часов на поездки в Камышлы и обсуждение этого вопроса. На помощь приходят менеджер банка и офицеры из *Services Speciaux*⁵². Даже какой-то высокий чин Церкви Маронитов, гостящий у менеджера банка, принимает участие. Он выглядит очень эффектно в пурпурном одеянии, с огромным крестом и большим пучком волос! Несчастному почтмейстеру, хотя он по-прежнему в пижаме, едва ли удастся хоть сколько-нибудь поспать! Дело стремительно превращается в международный инцидент.

Внезапно все улаживается. *Douanier*⁵³ из Амуды появляется в нашем доме с пакетом. Все сложности разрешились: тридцать шилингов пошлины, «douze francs cinquante pour les timbres, et les cigarettes, n'est ce pas?»⁵⁴ (пачки сигарет суют ему в руки). «Voilà, Monsieur!»⁵⁵. Он улыбается, Б. улыбается, все улыбаются. Мы все становимся в кружок и смотрим, как Б. открывает пакет.

Он гордо поднимает содержимое пакета, объясняя, как Белый Рыцарь, что это его собственное, совершенно новое изобретение.

«Москиты, – объясняет он. – Делает совершенно ненужными москитные сетки».

Макс говорит, что никогда не видел ни одного комара в этих краях. «Но ведь здесь, конечно же, есть комары, – говорит Б. – Это всем известно. Стоячая вода!»

Я тотчас взглядываю на Мака.

«Здесь нет стоячей воды, – говорю я, – если бы была, Мак бы ее заметил!»

Б. с торжеством замечает, что есть пруд стоячей воды чуть к северу от Амуды.

Макс и я повторяем, что никогда не видели и не слышали здесь комаров. Б. не обращает внимания и продолжает распространяться о своем изобретении.

Пижама сшита из белого стирающегося шелка. Она представляет собой единое целое с капюшоном, закрывающим голову, и рукавами, оканчивающимися рукавицами без пальцев. Спереди она застегивается на молнию, так что у того, кто в нее одет, единственное, что остается открытым для атаки комаров, это глаза и нос.

«А через нос мы вдыхаем и выдыхаем, что отпугивает комаров», – с торжеством говорит Б.

Макс ледяным тоном повторяет, что здесь нет комаров.

Б. дает нам понять, что когда нас всех будет ломать и трясти малярия, мы еще пожалеем, что не приняли его идею.

Макс внезапно начинает смеяться. Мы вопросительно смотрим на него.

«Я вспомнил тот случай, когда вы сели, а стула там не было», – говорит Макс и уходит, радостно посмеиваясь.

Этой ночью мы крепко спим, когда вдруг начинается жуткая суматоха. Мы взвиваемся, подумав в первый момент, что на нас напали грабители. Мы все выбегаем в столовую. Какая-то белая фигура отчаянно мечется по комнате, взвывая и подпрыгивая.

«Боже правый, Б., что случилось?» – кричит Макс.

Какое-то время мы думаем, что Б. сошел с ума.

⁵² Специальных служб.

⁵³ Таможенник.

⁵⁴ 12 франков 50 сантимов за марки и сигареты, не так ли?

⁵⁵ Вот, месье!

Но все объясняется.

Неизвестно каким образом, но мышь ухитрилась забраться в непроницаемую для комаров пижаму! А молнию заело.

Уже светало, когда мы наконец кончаем смеяться. Одному только Б. не очень смешно.

* * *

Погода становится жарче. Появляются все новые виды цветов. Я не ботаник и не знаю их названий, и честно говоря, не хочу их знать. (Какая радость от того, что вы знаете, как предметы называются?) Но тут есть голубые и светло-пурпурные вроде маленьких люпинов, и маленькие дикие тюльпаны, и золотистые, вроде ноготков, и изящные красновато-коричневые цветочные стрелки. Каждое городище это просто буйство красок. Это действительно плодородная степь. Я захожу в комнату древностей и ненадолго уношу несколько горшков подходящей формы. Мак, собиравшийся рисовать их, ищет их напрасно. Они полны цветом.

* * *

Наш дом теперь быстро растет. Уже готова деревянная основа, и на нее крепится кирпич-сырец. Результат должен быть очень хорошим. Я поздравляю Мака, стоя рядом с ним на холме.

«Это гораздо лучше, чем моя уборная», – говорю я.

Гордый успехом архитектор соглашается. Он, однако, горько жалуется на рабочих, которые, говорит он, не имеют ни малейшего представления о точности. Я отвечаю, что уверена, что не имеют. Мак с горечью говорит, что они только смеются и думают, что это неважно. Я перевожу разговор на лошадей и Мак веселеет.

С наступлением жаркой погоды ссоры между нашими рабочими делаются тоже жарче. Макс увеличивает штраф за разбитые головы и в конце концов приходит к отчаянному решению. Каждое утро перед началом работы люди должны сдать свое оружие. Это очень непопулярное решение, но, хоть и неохотно, люди соглашаются. Под наблюдением Макса дубинки, булавы и длинные убийственного вида ножи передаются Михелю, который запирает их внутри Мэри. На закате их возвращают владельцам. Это трата времени и сил, но по крайней мере наши рабочие избегают наиболее серьезных повреждений.

Рабочий-йезиди приходит жаловаться, что он ослаб без воды. Он не может работать без питьевой воды.

«Но здесь есть вода – почему ты не пьешь?»

«Эту воду я пить не могу. Она взята из колодца, а сегодня утром сын шейха бросил в колодец листья латука».

Йезиди, по своей религии, не должны никогда ни упоминать латук, ни касаться чего бы то ни было, что с ним соприкасалось, так как они верят, что в нем жил шайтан.

Макс говорит: «Ну, я думаю, что тебе сказали неправду. Потому что как раз сегодня утром я видел сына шейха в Камышлы, и он сказал мне, что он там уже два дня. Это тебе сказали, чтобы тебя обмануть».

Собравшимся рабочим оглашается требование прекратить их действия. Никто не должен ни обманывать, ни преследовать рабочих-йезиди. «На этом раскопе все должны быть братьями».

Вперед выступает магометанин с веселыми глазами.

«Вы следуете за Христом, Хвайя, мы за Мохамедом, но и мы, и вы враги шайтана (дьявола). Поэтому наш долг преследовать тех, кто верит, что шайтан возродится вновь, и кто поклоняется ему».

«Тогда в будущем исполнение долга будет стоить тебе пять франков за раз!» – отвечает Макс.

Несколько дней после этого мы не слышим жалоб от йезиди.

Эти йезиди странные и на редкость мягкие люди, и их поклонение шайтану (сатане) носит скорее характер умилоствивания. Более того, они верят, что этот мир отдан под власть шайтана

Богом и что за эрой шайтана придет эра Иисуса, которого они считают пророком, но еще не облеченным властью. Имя шайтана никогда нельзя упоминать, а также нельзя упоминать и слова, звучащие похоже.

Их святилище, Шейх Ади, расположено в Курдских горах вблизи Мосула, и мы его посетили, когда копали недалеко оттуда. Я думаю, что нигде во всем мире не может быть места более прекрасного и более мирного. Вы поднимаетесь извилистым путем далеко в горы среди дубов и гранатовых деревьев, двигаясь вдоль горного потока. Воздух свеж, прозрачен и чист. Последние несколько миль надо преодолеть пешком или на лошади. Говорят, что человеческая природа в этих местах так чиста, что женщины-христианки могут нагими купаться в ручьях.

А затем внезапно вы выходите к белым шпилям святилища. Все тут спокойно, ласково и мирно. Есть деревья, двор, бегущая вода. Служители с добрыми лицами приносят вам угощение, и вы сидите, наслаждаясь полным покоем, и медленно пьете чай. Во внутреннем дворе вход в храм, справа от него вырезано большое изображение черного змея. Змея священна, так как йезиди верят, что Ноев Ковчег зацепился дном за Джебель Синджар и в нем образовалась дыра. Змей свернулся в кольцо и заткнул дыру, так что Ковчег смог плыть дальше.

И вот мы сняли туфли, и нас провели в храм, при этом нужно аккуратно перешагнуть через порог, так как наступать на порог запрещается. Кроме того, запрещается показывать подошвы ног, а это довольно трудный подвиг, особенно когда сидишь на земле скрестив ноги.

Внутри храма темно и прохладно и струится вода священного источника, про который говорят, что он сообщается с Меккой. В этот Храм в торжественные дни вносят Изображение Павлина. Павлин, по словам некоторых, избран представлять шайтана потому, что это слово больше всего непохоже на Запретное Имя. Во всяком случае, Ангел-Павлин религии йезиди – это именно Люцифер, Сын Утра.

Мы вышли и снова сели в прохладной тишине и покое двора. Нам обоим казалась ненавистной мысль о возвращении из этого горного убежища в сутолоку нашего мира.

Шейх Ади – это место, которое мне никогда не забыть, как не забыть и того покоя и умиротворения, которые овладели тогда моей душой...

Глава йезиди, Мир, однажды посетил наши раскопки в Ираке. Это высокий человек с печальным лицом, одетый во все черное. Он одновременно и Папа и Вождь, хотя, по общему мнению, этот конкретный Мир в полной зависимости от своей тетки, Хатун святилища Шейх Ади, и своей матери, красивой честолюбивой женщины, про которую говорят, что она держит сына на наркотиках, чтобы держать власть в своих руках.

По пути через Джебель Синджар мы нанесли визит шейху йезиди Синджара, Хамо Шеро, очень старому человеку, которому, как говорят, девяносто лет. Во время войны 1914 – 1918 годов сотни армян-беженцев бежали от турков и получили убежище в Синджаре, что спасло им жизнь.

Очередные яростные разногласия возникают из-за дня отдыха. День после выплаты денег всегда выходной. Магометане заявляют, что раз на раскопе магометан больше, чем христиан, то в качестве выходного должна быть выбрана пятница. Армяне в любом случае отказываются работать по воскресеньям и говорят, что раз раскопки ведут христиане, то выходным должно быть воскресенье.

Мы постановили, что выходным будет вторник, который, насколько нам известно, не является праздничным днем ни в одной религии.

По вечерам формены приходят к нам, пьют с нами кофе и рассказывают о возникших трудностях и проблемах.

Старый Абд эс Салям особенно красноречив в этот вечер. Его голос взлетает в долгом страстном монологе. Я не могу понять, о чем он, хотя слушаю внимательно. Однако его речь настолько драматична, что будит мое любопытство. Когда Абд эс Салям делает паузу, чтобы перевести дух, я спрашиваю Макса, о чем все это.

Макс отвечает одним коротким словом: «Запор».

Почувствовав мой интерес, Абд эс Салям обращается ко мне и продолжает изливать риторические подробности своего состояния.

Макс говорит: «Он испробовал средства Эно, Бичам, растительные слабительные и

касторовое масло. Он тебе излагает, как именно он себя чувствовал после каждого из них и как ни одно из них не дало желаемого результата».

Несомненно, есть показания для лошадиного лекарства французского доктора.

Макс дает огромную дозу. Абд эс Салям уходит, полный надежд, а мы все молимся о счастливом исходе!

Я теперь очень занята. Кроме реставрации керамики есть еще фотография – мне предоставлена «темная комната». Она несколько напоминает средневековую камеру пыток.

В ней нельзя ни стоять, ни сидеть! Я вползаю на всех четырех и проявляю пластинки, стоя на коленях с опущенной головой. Я выползаю, практически задохнувшись от жары и неспособная стоять на ногах, и получаю некоторое удовольствие, подробно излагая свои страдания, хотя слушатели не очень внимательны – их интерес полностью сосредоточен на негативах, а не на той, кто их проявил.

Иногда Макс вспоминает, что надо тепло и тактично сказать: «Я нахожу, что ты просто чудо, дорогая» – но произносит это слегка рассеянно.

* * *

Наш дом закончен. С верха городища он смотрится как нечто священное из-за его высокого купола, белизну которого оттеняет высушенная солнцем земля. Внутри он очень приятен. Купол дает ощущение простора и под ним прохладно. Две комнаты по одну его сторону это сперва комната древностей, а за ней спальня моя и Макса. По другую сторону – чертежная и за ней спальня, которую делят Мак и Б. В этом году мы здесь пробудем еще только неделю или две. Уборка урожая уже началась и люди каждый день покидают раскоп ради жатвы. Цветов больше нет, они исчезли в одну ночь, так как бедуины спустились с гор, теперь повсюду вокруг их коричневые шатры, а их скот пасется, съедая все, что может, по мере их неторопливого продвижения на юг.

Мы вернемся в будущем году – вернемся к себе домой, потому что это строение с куполом, стоящее посреди ничего, уже стало для нас нашим домом.

Шейх в своих белоснежных одеждах обходит его вокруг с довольным видом, его веселые глаза сверкают. Это станет в конце концов его наследством, и он уже чувствует, что его престиж укрепляется.

Будет хорошо снова увидеть Англию. Хорошо увидеть друзей, и зеленую траву, и высокие деревья. Но хорошо будет также вернуться сюда в следующем году.

Мак делает набросок. Это набросок городища – в высшей степени формализованный вид, но мне он очень нравится.

Не видно ни одного человеческого существа, только плавные линии и пятна теней. Я понимаю, что Мак не только архитектор. Он и художник. Я прошу его нарисовать обложку для моей новой книги.

Входит Б. и жалуется, что все стулья упаковали, сесть не на что.

«А зачем вам сидеть? – спрашивает Макс. – Столько работы еще нужно сделать».

Он выходит, а Б. говорит мне с осуждением:

«Какой энергичный человек ваш муж!»

Я сомневаюсь, что кто-нибудь этому поверил бы, если бы только видел Макса спящим летним днем в Англии...

Я начинаю думать о Девоне, о красных скалах и синем море... Как чудесно ехать домой – моя дочь, собака, девонширские сливки, яблоки, купанье. Я восторженно вздыхаю.

Глава 6

ВСЕ ПУТИ ПРИВОДЯТ К ВСТРЕЧЕ⁵⁶

Наши находки придают уверенность, и мы собираемся копать еще один сезон.

В этом году наша команда будет иной.

Мак на других раскопках в Палестине, но надеется присоединиться к нам на последние несколько недель сезона.

Поэтому у нас будет другой архитектор. Кроме того, будет еще один сотрудник – Полковник. Макс надеется совместить некоторый объем работ на телле Браке с раскопками на Чагаре, и Полковник может возглавить работы на одном раскопе, пока Макс на другом.

Макс, Полковник и наш новый архитектор едут вместе, я поеду вслед за ними недели две спустя.

Недели за две до их отъезда звонит наш архитектор и спрашивает Макса, которого нет дома. Голос у него встревоженный. Я спрашиваю, не могу ли я помочь.

Он говорит: «Ну, это просто о путешествии. Я сейчас у Кука, пытаюсь заказать место в спальном вагоне до того города, про который говорил Макс, а у Кука говорят, что такой станции нет».

Я успокаиваю его:

«Они это часто говорят. Никто никогда не ездит в такие места, как мы ездим, и естественно, они о них и не слышали».

«Кажется, они думают, что на самом деле мне нужен Мосул».

«Нет, – уверяю я его, – он не нужен».

Внезапно на меня снисходит просветление.

«Вы спрашивали Камышлы или Нисайбин?»

«Камышлы! Разве это место называется не так?»

«Это название места, а станция Нисайбин – она на турецкой стороне границы. Камышлы – это сирийский город».

«Тогда все понятно. Макс ничего больше не говорил, что мне еще следует взять?»

«Пожалуй, нет. Карандашей у вас много, да?»

«Карандашей? – в его голосе звучит удивление. – Конечно».

«Вам потребуется множество карандашей», – говорю я.

Не до конца поняв зловещий смысл этих слов, он вешает трубку.

* * *

Мое путешествие до Стамбула проходит спокойно, и я благополучно провожу все свои туфли через турецкую таможню.

В Хайдарпаша я обнаруживаю, что в купе вместе со мной едет турецкая дама крупных размеров. У нее уже шесть чемоданов, две странной формы корзины, несколько полосатых мешков и различные пакеты с провизией. Когда я добавляю свои два чемодана и шляпную картонку, места, чтобы вытянуть ноги, уже не остается!

Крупную даму провожает другая, более стройная и более жизнерадостная дама. Она обращается ко мне по-французски, и мы приветливо беседуем. Я еду в Алеппо? Ах, ее кузина не так далеко! Говорю ли я по-немецки? Ее кузина немножко говорит по-немецки.

Увы, нет, я не говорю по-немецки! И по-турецки тоже? И по-турецки тоже не говорю.

Как неудачно! Ее кузина не говорит по-французски! Как же нам тогда быть? Как же мы сможем беседовать?

Мне кажется, говорю я, беседовать мы не сможем.

«Ужасная жалость, – говорит жизнерадостная кузина. – Вам обеим было бы интересно. Но

⁵⁶ Шекспир В. Двенадцатая ночь, акт 2, сцена 3.

пока поезд не тронулся, давайте расскажем все, что можем. Вы замужем, да?» Я признаю, что я замужем. «А дети? У вас, конечно, много детей? У моей кузины только четверо, но, – прибавляет она гордо, – трое из них мальчишки!» Я чувствую, что для престижа Англии нельзя признаться, что я вполне удовлетворена одной дочерью. С бесстыдной лживостью я добавляю парочку сыновей.

«Прекрасно! – говорит, сияя, кузина. – Ну а теперь о выкидышах. Сколько у вас было выкидышей? У моей кузины было пять – два на трех месяцах, два на пяти и один преждевременно родившийся мертвый ребенок на семи месяцах». Я как раз медлю, обдумывая, не приврать ли выкидыш для усиления дружественных чувств, когда, к счастью, звучит свисток и жизнерадостная кузина выскакивает из купе и бежит по коридору. «Вам придется рассказать друг другу все подробности с помощью знаков!» – кричит она.

Перспектива пугающая, но мы вполне обходимся кивками, пригласительными жестами и улыбками. Моя спутница предлагает мне щедрую долю от своих огромных запасов очень острой еды, я приношу ей яблоко из вагона-ресторана в качестве вежливого отказа.

После того как корзины с едой распакованы, места для ног остается еще меньше, а запах еды и мускуса почти невыносим!

Когда наступает ночь, моя спутница проверяет, плотно ли закрыто окно. Я забираюсь на верхнюю полку и жду, пока негромкое и ритмичное посапывание не начинает раздаваться с нижней полки.

Очень осторожно я соскальзываю вниз и незаметно чуть-чуть приоткрываю окно. И возвращаюсь к себе наверх непойманная.

Утром, когда обнаруживается, что окно открыто, мы исполняем целую пантомиму, изображая изумление. С помощью множества жестов турецкая дама старается убедить меня, что это не ее вина. Она думала, что закрыла окно. Я жестами убеждаю ее, что несколько не виню ее. Это, подразумеваю я, просто одна из тех вещей, которые случаются сами по себе.

Мы доезжаем до станции турецкой дамы, и она прощается со мной с величайшей вежливостью. Мы улыбаемся, киваем, кланяемся и выражаем сожаление, что языковой барьер не позволил нам хорошенько обсудить важнейшие факты наших жизней.

Во время ленча я сижу напротив милой пожилой американской дамы. Она размышляет, глядя в окно на женщин, работающих на полях.

«Бедняжки, – вздыхает она. – Не знаю, понимают ли они, что они свободны!»

«Свободны?» – я несколько растеряна.

«Ну конечно же, они больше не носят покрывало. Мустафа Кемаль со всем этим покончил. Они теперь свободны».

Я задумчиво смотрю на работающих женщин. Мне не кажется, что для них этот вопрос имеет хоть какое-то значение. Их день это нескончаемая цепь работ, и я очень сомневаюсь, приходилось ли им когда-нибудь наслаждаться такой роскошью, как покрывало, скрывающее лицо. Никого из жен наших местных рабочих я не видела под покрывалом.

Американская дама подзывает служителя и просит подать стакан горячей воды. «Je vais prendre, – говорит она, – des remedes»⁵⁷.

Человек смотрит не понимая. Может быть, она хочет кофе, говорит он, или чая? С большим трудом заставляем его понять, что требуется именно просто горячая вода.

«Вы примете со мной за компанию соли?» – говорит моя новая знакомая по-дружески, как человек, предлагающий вместе выпить коктейль. Я благодарю, но отвечаю, что не люблю соли. «Но они вам полезны», – настаивает она. Мне стоит большого труда отказаться от того, чтобы мой организм хорошенько прочистили.

Я возвращаюсь в свое купе, вспоминая Абд эс Саляма и думая, как там у него в этом году дела с запором.

⁵⁷ Мне нужно принять лекарство

* * *

Я делаю остановку в Алеппо, так как Макс хотел, чтобы я там кое-что взяла. Поскольку у меня есть целый день до следующего поезда в Нисайбин, я соглашаюсь присоединиться к компании, которая собирается ехать на машине в Калат Семан.

Оказывается, что компания состоит из горного инженера и очень старого и почти совсем глухого священника. Священник по какой-то причине забил себе в голову, что горный инженер, которого я в жизни своей раньше никогда не видела, мой муж.

«Ваш муж очень хорошо говорит по-арабски, дорогая», – замечает он, благодушно похлопывая меня по руке, когда мы возвращаемся из нашей экспедиции.

Я кричу несколько невразумительно:

«Да, но он не...»

«Нет, конечно же, – не соглашается священник, – он очень хорошо изучил арабский».

«Он не мой муж», – воплю я.

«Ваша жена, как я понял, совсем не говорит по-арабски», – говорит священник, обращаясь к инженеру, который становится кирпично-красным.

«Она не...» – начинает он громко.

«Да, – говорит священник, – я понял, что в арабском она слаба». Он улыбается: «Вам надо научить ее». Мы кричим в унисон: «Мы не женаты!»

Выражение лица священника меняется. Он смотрит сурово и с осуждением.

«Но почему нет?» – требует он.

Горный инженер беспомощно говорит мне: «Я сдаюсь».

Мы оба смеемся, и лицо священника смягчается.

«Понимаю, – говорит он, – вы просто со мной пошутили».

Машина останавливается у отеля, он осторожно выбирается наружу, разматывая длинный шарф со своих белых усов. Он поворачивается к нам и благожелательно улыбается.

«Благослови вас обоих Бог, – говорит он, – надеюсь, вы будете долго и счастливо жить вместе!»

* * *

Триумфальный въезд в Нисайбин! Как всегда, поезд останавливается так, что надо прыгать с высоты пяти футов со ступеньки на землю, усыпанную острыми, перекатывающимися камнями. Любезный товарищ по путешествию соскакивает и убирает камни, что позволяет мне спрыгнуть, не подвернув щиколотку. Вдали я вижу приближающихся Макса и Михеля, нашего шофера. Я помню три заклинания Михеля: *Fogsa* – применение грубой силы, обычно с плачевными результатами; *sawî proba* и *esopotia*, общий принцип экономии, который уже приводил к тому, что мы застревали в пустыне без бензина.

Прежде чем мы успеваем встретиться, турок в форме сурово говорит мне «Паспорт», хватая его и вскакивает обратно в поезд.

Мы здороваемся. Я пожимаю жесткую руку Михеля, который говорит «Bon jour⁵⁸. Как поживаете?» и добавляет по-арабски: «Хвала Богу» за мой благополучный приезд. Разные подручные хватают чемоданы, которые проводник *Wagon Lit* выкидывает из окон. Я упоминаю о паспорте. Он и турок в форме бесследно исчезли.

Мрачная Мэри – наш грузовик, верно ждет. Михель открывает заднюю дверцу, и моему взору предстает привычное зрелище. Несколько куриц, неудобно связанных вместе, жестянки с бензином и кучи мешковины, которые при рассмотрении оказываются человеческими существами. Мой багаж помещается поверх куриц, а человеческие существа и Михель отправляются на поиски моего паспорта. Беспокоясь, что Михель может применить *Fogsa* и создать международные осложнения, Макс идет за ним. Минут через двадцать они с триумфом возвращаются.

Мы трогаемся в путь – скрип, толчок, громохание – из выбоины в выбоину. Мы выезжаем

⁵⁸ Добрый день.

из Турции в Сирию. Через пять минут мы уже в этом растущем городке Камышлы.

Тут нас ждет множество дел, прежде чем мы сможем отправиться домой. Сперва мы идем в «Хэродс», а именно в заведение месье Йаннакоса. Тут меня приветствуют, предлагают кресло за кассой и для меня варят кофе. Михель завершает покупку лошади, которую будут запрягать в телегу, чтобы возить воду от реки Джаг-джаг на наши раскопки на телле Браке.

Михель, по его словам, нашел замечательную лошадь – не лошадь, а верх экономии. «Насколько эта лошадь – экономия? – спрашивает Макс с подозрением. – Это хорошая лошадь? Большая лошадь? Выносливая лошадь?» «Лучше, – говорит он, – хорошая лошадь, которая стоит немного дороже, чем плохая лошадь по дешевой цене».

* * *

Одна из куч тряпок выбирается из грузовика и превращается в разбойного вида личность, которая должна стать нашим водовозом. Этот человек, по его словам, понимает в лошадях. Он должен пойти с Михелем и дать отзыв о лошади. Тем временем мы покупаем фрукты в консервных банках, бутылки сомнительного вина, макароны, банки сливового и яблочного джема и другие деликатесы у месье Йаннакоса. Затем идем на почту, где находим нашего старого друга, небритого почтмейстера в грязной пижаме. Не похоже, чтобы пижаму сменили или выстирали с прошлого года. Мы получаем наши кипы газет, одно-два письма, отказываемся еще от трех писем, адресованных европейским почерком мистеру Томпсону, которые почтмейстер заботливо навязывает нам, и идем дальше в банк.

Банк построен из камня – большой, прохладный, пустой, полный покоя. Посередине стоит скамья, на которой сидят два солдата, старик с крашенной хной бородой, одетый в лохмотья живописной расцветки, и мальчишка в рваной европейской одежде. Все они сидят, мирно уставившись в пространство и время от времени сплевывая. В углу таинственная постель с замызганными одеялами. Нас с удовольствием принимает клерк за стойкой. Макс предъявляет чек, по которому надо получить деньги, и нас проводят в офис *m-e le directeur*⁵⁹. *M-e le Directeur* – большой, кофейного цвета и разговорчивый. Он принимает нас самым приветливым образом. Посылают за кофе. Он заменил прошлогоднего *directeur* и этим слегка опечален. Он приехал из Александретты, где, по его словам, есть хоть какая-то жизнь! А здесь (его руки взлетают) «On ne peut meme pas faire un Bridge!» «No, – добавляет он с растущим чувством обиды, – pas meme un tout petit Bridge». (Заметим – какая разница между *un Bridge* и *un tout petit Bridge*?⁶⁰ Предполагается, что и для того, и для другого нужно четыре партнера?)

Полчаса проходит в беседе о политической ситуации и об удобствах (или их отсутствии) в Камышлы. «Mais tout de meme on fait de belle constructions»⁶¹, – признает он. Он живет, оказывается, в одном из этих новых строений. Нет ни электрического света, ни канализации, никаких удобств цивилизации, но дом, по крайней мере, это *construction* – «Une construction en pierre, vous comprenez»⁶². Мадам увидит его по дороге на Чагар Базар.

Я обещаю обратить на него внимание.

Мы обсуждаем местных шейхов. Они все одинаковы, говорит он. «Des proprietaires – mais qui n'ont pas le sou!»⁶³ Они всегда в долгах.

Время от времени посреди беседы входит кассир с пятью или шестью бумагами, которые Макс подписывает, выплачивая также небольшие суммы, порядка шестидесяти сантимов, *pour*

⁵⁹ М-е директор.

⁶⁰ Даже не найти партнеров для бриджа! Нет ...даже для совсем маленького бриджа. (...бриджем и совсем маленьким бриджем?).

⁶¹ Но все же строят прекрасные здания.

⁶² Здания из камня, понимаете.

⁶³ Собственники – но у которых нет ни су!

*les timbres*⁶⁴.

Приносят кофе, и после сорока минут маленький кассир появляется с последними тремя документами и заключительным требованием «Et deux francs quarante-cinq centimes pour les timbres, s'il vous plait⁶⁵», и нам дают понять, что последние церемонии завершены и что деньги теперь могут быть выданы. «C'est a dire, si nous avons de l'argent ici!⁶⁶»

Макс холодно замечает, что о своем намерении получить по чеку он предупредил за неделю. Кассир пожимает плечами, улыбается. «А, ладно, посмотрим!» К счастью, все в порядке, деньги выдают, *les timbres*⁶⁷ приклеены, мы можем идти. Те же самые люди сидят на скамье, по-прежнему уставившись в пространство и сплевывая.

Мы возвращаемся в Хэродс. Курд-водовоз ждет нас. Его отзыв о лошади Михеля: «Ну, лошадью это назвать нельзя! Это совсем не лошадь. Это старая женщина, именно так, старая женщина!» Вот она, экономия Михеля. Макс идет инспектировать лошадь, а я возвращаюсь в кресло за кассой.

М-е Йаннакос-младший, слегка запинаясь, развлекает меня беседой о событиях в большом мире. «Votre roi, – говорит он. – Votre roi – vous avez un nouveau roi!»⁶⁸. Я соглашаюсь, что у нас новый король. М-е Йаннакос прилагает усилия, пытаюсь выразить мысли, для которых у него не хватает слов. «Le Roi d'Angleterre! – говорит он. – Plus grand roi dans tout monde – aller – comme sa». Он делает выразительный жест. «Pour une femme!»⁶⁹. Это выше его понимания. «Pour une femme!»⁷⁰. Нет, в это невозможно поверить. Может ли быть, что в Англии придают такое огромное значение женщинам? «Le plus grand roi au monde»⁷¹, – повторяет он с благоговением.

Макс, курд и Михель возвращаются. Михель, сперва несколько подавленный тем, что большинство голосов оказалось против его лошади, снова обретает апломб. Теперь они собираются начать переговоры о покупке мула. Михель бормочет, что мул будет стоить очень дорого. Курд говорит, что мул вообще ценится. Курд и Михель отправляются на поиски человека, у которого муж троюродной сестры знает человека, у которого есть мул, которого он готов продать.

Неожиданное явление нашего домашнего слуги, идиота Мансура. Он приветствует меня сияющей улыбкой и горячо трясет мою руку. Это ему потребовался целый сезон, чтобы научиться накрывать на стол – и даже теперь у него осталась тенденция внезапно разразиться выбросом вилок к чайному столу. Уборка постелей напрягает его умственные способности до последнего предела. Его движения медленны, старательны, и все, что он делает, носит характер фокуса, которому удалось обучить собаку.

Не согласимся ли мы пойти в дом его матери (которая, кстати, нам стирает) и посмотреть коллекцию древностей?

Мы идем. Комната старательно выметена и украшена. В третий раз за последние два часа я пью кофе. Выносят древности – римские стеклянные бутылочки, фрагменты глазури и керамики, какие-то монеты и много еще просто ерунды. Макс делит это все на две группы – одну отвергает, за другую предлагает свою цену. Входит женщина, она явно заинтересованное лицо. Можно считать спорным вопрос о том, что будет раньше – она решит, продавать ли древности, или разрешится двойней. По ее виду, младенцев может оказаться и пятеро. Она выслушивает перевод Мансура и качает головой.

Мы уходим и возвращаемся к грузовику. Переговоры о покупке мула уже начаты, и

⁶⁴ За марки.

⁶⁵ И 2 франка 45 сантимов за марки, пожалуйста.

⁶⁶ То есть, если у нас здесь есть деньги!

⁶⁷ Марки.

⁶⁸ Ваш король... Ваш король – у вас новый король.

⁶⁹ Король Англии... Самый великий король мира – поступить – вот так. ...Ради женщины!

⁷⁰ Ради женщины!

⁷¹ Самый великий король мира.

теперь мы идем смотреть бочки для воды, которые предстоит возить в той телеге, в которую должен быть впряжен мул. Михель снова навлек на себя неприятности. Он заказал одну бочку таких огромных размеров, что она не поместилась бы в телеге и, вероятно, стоила бы жизни любой лошади или мулу. «Но, – скулит Михель, – сделать одну большую бочку это экономия по сравнению с двумя маленькими, а воды в нее помещается больше!» Михель обозван проклятым дурнем, ему приказано в будущем делать то, что ему сказано. Он с надеждой бормочет «Sawī proba?»), но даже эту надежду у него отнимают.

Вслед за этим мы встречаем шейха – нашего собственного шейха. Он больше, чем когда-либо раньше, похож на Генриха VIII в своей крашенной хной бороде. На нем, как всегда, белые одежды и изумрудно-зеленая ткань, обмотанная вокруг головы. Он в исключительно жизнерадостном настроении, так как он вскоре собирается посетить Багдад, хотя, конечно, потребуются много недель, чтобы оформить его паспорт. «Брат, – говорит он Макс, – все, чем я владею, – твое. Ради тебя я не стал сеять семена в землю, чтобы вся земля могла быть в твоём распоряжении». Макс отвечает: «Как счастлив я, что твое благородство обернулось в твою же пользу. Посевы в этом году не удались. Те, кто посеял семена, потеряют деньги. Могу поздравить тебя с таким мудрым предвидением».

Соблюдая таким образом правила чести, они расстаются в наилучших отношениях.

Мы забираемся в Мрачную Мэри. Михель взваливает запас картошки и апельсинов поверх моей шляпной картонки, совершенно продавив ее, курицы квохчут, несколько арабов и курдов просят подвезти, двоих мы берем. Они втискиваются между курицами, картошкой и багажом, и мы трогаемся в сторону Чагар Базара.

Глава 7 ЖИЗНЬ НА ЧАГАР БАЗАРЕ

Меня охватывает огромное волнение, когда я наконец вижу Наш Дом. Вот он стоит, с этим куполом, похожий на некое святилище, воздвигнутое в честь какого-то уважаемого святого!

Шейх, говорит Макс, ужасно гордится им. Время от времени он и его друзья объезжают его кругом, с восхищением осматривая. Макс подозревает, что он уже занимает деньги под этот дом, под ложным предлогом, что он принадлежит ему, а нам только сдан в аренду.

Мэри останавливается с обычным для Михеля яростным применением тормозов (*Forca*), и все выбегают из дома приветствовать нас. Тут и знакомые лица, и новые.

Димитрий, повар, тот же самый. В его длинном добром лице есть определенно что-то материнское. Он одет в длинные штаны из муслина в цветочек и сияет от радости. Он хватая мою руку, прижимает ее к своему лбу, затем с гордостью показывает деревянный ящик, в котором четыре новорожденных щенка. Это, говорит он, наши будущие сторожевые псы. Али, слуга, тоже был у нас в прошлом году. Теперь он чувствует некоторое превосходство, так как нанят второй, младший кухонный слуга по имени Ферхид. О Ферхиде едва ли можно что-то сказать, кроме того, что он выглядит чем-то встревоженным. Но это, сообщает мне Макс, хроническое состояние Ферхида.

Кроме того, у нас еще новый слуга в доме – Субри. Субри высокого роста и свирепого вида и выглядит сообразительным. Он улыбается, показывая зубы, белые и золотые вперемежку.

Полковник и Бампис приготовили для нас чай. Полковник все делает с военной точностью. Он уже ввел новый обычай в момент определения бакшиша выстраивать людей наподобие воинского подразделения. Они находят, что это очень забавно. Он массу времени проводит за наведением порядка. Те дни, когда Макс уезжает в Камышлы, дают ему самые большие возможности. Дом, гордо заявляет он, теперь в полном порядке, блестит, как новая булабочка!

Все, что имеет свое место, теперь на месте, а для многих вещей, у которых места не было, теперь место найдено! И это настолько справедливо, что возникают всевозможные неудобства!

Бампс – это наш новый архитектор. Прозвище возникло благодаря невинному замечанию, сделанному им, когда они с Полковником ехали сюда. Рано на заре, когда поезд подходил к Нисайбину, Бампс поднял шторку и стал с интересом осматривать тот край, где ему предстояло провести следующие несколько месяцев жизни.

«Какое странное место, – заметил он, – все в буграх!»

«Бугры, действительно уж! – воскликнул Полковник. – Неужели вы, непочтительная личность, не понимаете, что каждый из этих бугров – это погребенный город, история которого уходит на тысячи лет в глубь веков?»

И с этого момента Бампс (Бугры) становится именем нашего нового коллеги!

Есть и еще новые для меня приобретения.

Во-первых, подержанный «Ситроен», который Полковник окрестил Пуалу⁷².

Пуалу оказывается джентльменом крайне темпераментным. По какой-то неясной причине он всегда выбирает Полковника для своих проделок, то упрямо отказываясь трогаться с места, то устраивая поломку в самом неудобном месте.

Однажды мне вдруг становится ясно, в чем разгадка этой тайны, и я объясняю Полковнику, что он сам виноват.

«Что вы имеете в виду – как это, сам виноват?»

«Вам не следовало давать ему имя Пуалу. В конце концов, если наш грузовик начал свою карьеру как Королева Мэри, то уж самое меньшее, что вы могли сделать, это окрестить «Ситроен» Императрицей Жозефиной. И тогда бы у вас не было бы неприятностей».

Полковник, как сторонник строгой дисциплины, говорит, что теперь все равно уже поздно. Пуалу – это Пуалу и должен вести себя прилично. Я искоса взглядываю на Пуалу, который явно смотрит на Полковника нахально. Я убеждена, что Пуалу замышляет самое тяжкое из воинских преступлений – мятеж.

Затем приветствовать меня прибегают формены. Йахья больше чем когда-либо похож на большую счастливую собаку. Алави, как всегда, очень красив. Старый Абд эс Салям по-прежнему разговорчив.

Я спрашиваю Макса, как обстоят дела с запором у Абд эс Саляма, и Макс отвечает, что почти все вечера были посвящены подробнейшему обсуждению этого вопроса!

Затем мы идем в комнату древностей. Только что закончившиеся первые десять дней работы дали прекрасные результаты – находку почти сотни табличек с надписями, и все ликуют. Через неделю мы начнем раскопки на телле Браке параллельно с Чагаром.

Вернувшись в дом на Чагаре, я чувствую себе так, как будто и не уезжала, хотя благодаря страсти Полковника к порядку дом выглядит существенно более аккуратным, чем я его когда-либо видела. Что заставляет меня вспомнить печальную историю сыра камамбер.

Шесть штук сыров камамбер купил в Алеппо Макс, убежденный, что с камамбером можно обращаться, как с голландским сыром, и хранить его, пока он не понадобится. Один сыр съели до моего приезда, а Полковник, наводя порядок, наткнулся на остальные пять и аккуратно сложил их стопкой в глубине шкафа в гостиной. Там их быстро заложили чертежной бумагой, бумагой для пишущей машинки, сигаретами, рахат-лукумом и т. п., и там они и прозябали в темноте, забытые, никем не видимые, но следует оговориться, не необогаемые.

Недели две спустя мы все принялись и осторожно выдвигали предположения.

«Если бы я не знал, что канализации у нас нет, – говорит Макс, – а до ближайшей газовой трубы около двух сотен миль...»

«Так что приходится предположить, что этодохлаямышь».

«Уж по крайней мере,дохлаякрыса!»

Жизнь в доме делается невыносимой, проводятся упорные поиски гипотетической разлагающейся крысы. Тогда, и только тогда, обнаруживается клейкая вонючая масса, которая некогда была пятью сырами камамбер и которая, миновав стадию *coulant*, теперь пребывает в

⁷² Прозвище рядовых французской армии.

стадии *coulant*⁷³ в n-й степени.

Укоризненные взгляды обращаются к Полковнику, а жуткие останки вручаются Мансуре для торжественного погребения подальше от дома. Макс с чувством объясняет Полковнику, что это только подтверждает то, что он всегда знал, – что идея наведения порядка – это большая ошибка! Полковник объясняет, что идея прибрать сыры была правильной, а виновата рассеянность археологов, которые не в силах помнить, что в доме есть сыр камамбер. Я объясняю, что настоящая ошибка была в покупке зрелого камамбера *en bloc*⁷⁴ в надежде на то, что его можно хранить весь сезон. Бампс спрашивает, а зачем вообще покупать камамбер? Он его никогда не любил. Мансур уносит жуткие останки и послушно захоранивает их, но он, как всегда, в недоумении. По-видимому, Хвайя любят это, раз они платят за это хорошие деньги? Тогда зачем уничтожать это, когда его свойства стали гораздо более очевидными, чем вначале? Определенно, все это принадлежит к числу странных привычек его нанимателей!

Проблема слуг на Хабуре сильно отличается от проблемы слуг в Англии. Можно сказать, что здесь слуги сталкиваются с проблемой нанимателей! Наши капризы, предрассудки, что нам нравится, а что не нравится, совершенно фантастичны и не следуют, на взгляд местных жителей, никакой логике!

Например, различные куски ткани, слегка отличающиеся по качеству и с каймой различных цветов, выдаются слугам и предлагается использовать их для различных целей. Зачем такие сложности?

Почему, когда Мансур пользуется чайной скатертью с голубой каймой, чтобы обтереть грязь с радиатора машины, из дома вылетает рассвирепевшая Хатун в полном возмущении? Скатерть стерла грязь очень хорошо. Опять же, за что это незаслуженное осуждение, когда она, заглянув на кухню, обнаруживает, что вымытую после завтрака посуду вытирают простыней?

«Но ведь, – протестует Мансур, пытаясь оправдаться, – это же не чистой простыней мы пользуемся. Это же грязная!»

Совершенно непонятно почему, но это оказывается еще хуже.

Подобным же образом, изобретенные цивилизацией столовые приборы – это постоянная головная боль для несчастного слуги.

Я не раз наблюдала через открытую дверь, как Мансур напрягает все нервы, чтобы приступить к задаче накрывания на стол.

Сперва он укладывает скатерть – очень серьезно, пробуя положить ее в обоих направлениях, отходя от стола, чтобы издали оценить, какой эффект более хорош с художественной точки зрения.

С неизбежностью он решает в пользу варианта, когда скатерть лежит поперек стола, так что с обеих сторон она изящно спадает на пол, а на концах стола остаются один-два дюйма голых досок. Он удовлетворенно кивает, затем морщины собираются на его лбу и он заглядывает в несколько попорченную молью корзинку для посуды, купленную по дешевке в Бейруте, в которой хранятся разномастные ножи, ложки, вилки.

Вот это настоящая проблема. Старательно, со всеми признаками умственного напряжения, он кладет по вилке к каждой чашке с блюдцем и по ножу по левую сторону от каждой тарелки. Он качает головой и вздыхает. Что-то как будто подсказывает ему, что это неверно. Что-то также говорит ему, что никогда, даже к концу сезона, не сможет он освоить принцип, лежащий в основе различных комбинаций этих трех предметов – ножа, вилки и ложки. Даже к чаю, этому простейшему приему пищи, положенная им единственная вилка не встречает одобрения. По какой-то непостижимой причине мы требуем, когда и резать-то особенно нечего, ножи! В этом просто нет смысла.

С глубоким вздохом Мансур продолжает это сложнейшее дело. Сегодня он, во всяком случае, намерен угодить. Он смотрит еще раз. Он добавляет по паре вилок справа от каждой тарелки, и через прибор добавляет ложку или нож. Тяжело дыша, он расставляет по местам

⁷³ Текучий.

⁷⁴ Оптом.

тарелки, наклоняется и яростно дует на них, чтобы сдуть пыль, если она там вдруг прилипла. Слегка неверной походкой из-за тяжелого умственного напряжения он уходит из комнаты, чтобы сообщить повару, что все готово и что повар может теперь вынуть омлет из духовки, где его держат вот уже двадцать минут, чтобы он стал вкусным и жестким, как подошва.

Затем за нами посылают Ферхиду. Он появляется с встревоженным видом, как будто готовый сообщить о полной катастрофе, так что это большое облегчение, когда оказывается, что все, что он хотел сказать, это – обед готов.

Сегодня у нас на обед все те блюда, которые Димитрий считает высшим классом. Мы начинаем с закусок: яйца вкрутую, залитые жирным майонезом, сардины, холодная стручковая фасоль и анчоусы. Затем следует специальность Димитрия – баранья лопатка, фаршированная рисом, изюмом и специями. Это очень таинственная вещь. Сперва нужно разрезать длинный шов, сделанный хлопчатой нитью. После этого начинка становится доступной, но само мясо ускользает от вас, пока, почти уже заканчивая есть это блюдо, неожиданно повернув сустав, вы не обнаруживаете собственно баранину! После этого мы едим груши из консервной банки, так как единственное сладкое блюдо, которое знает Димитрий, ему делать запрещено, поскольку мы его не любим – это карамельный сладкий соус. Затем Полковник гордо объявляет, что научил Димитрия делать гренки. Разносят тарелки. На них маленькие полоски арабского хлеба, утопленные в горячем жиру, со смутным привкусом сыра. Мы говорим Полковнику, что мы о его гренках невысокого мнения!

На стол затем ставят рахат-лукум и чудесные засахаренные фрукты из Дамаска, и в этот момент с вечерним визитом появляется шейх. Наше решение копать на Чагаре изменило его положение – из человека в состоянии безнадежного банкротства он превратился в того, на кого в любой момент может пролиться золотой дождь. По словам форменов, на этом основании он приобрел новую и красивую жену-йезиди и в результате увеличившегося кредита невероятно увеличил свои долги! Он определенно в хорошем настроении. Как всегда, он вооружен до зубов. Небрежно отложив ружье и пихнув его в угол, он начинает распространяться о достоинствах автоматического пистолета, который он только что приобрел.

«Посмотрите, – говорит он, направляя его прямо на Полковника, – механизм вот такой – прекрасный и простой. Вы кладете палец на курок – вот так – и пуля за пулей вылетают».

С агонией в голосе Полковник спрашивает, заряжен ли пистолет.

Конечно, заряжен, удивленно отвечает шейх. Какой смысл в пистолете, если он не заряжен?

Полковник, обладающий присущей военным здоровой нелюбовью к направленному на него заряженному оружию, быстро пересаживается на другое место, а Макс отвлекает шейха от его новой игрушки, предложив ему рахат-лукум. Шейх от души угощается, с удовольствием обсасывает пальцы и улыбается всем нам вокруг.

«А, – говорит он, заметив, что я занята кроссвордом в «Таймс», – так твоя Хатун умеет читать? А писать она тоже умеет?»

Макс говорит, что это так.

«Очень ученая Хатун, – говорит шейх довольно. – А она дает женщинам лекарства? Если да, мои жены как-нибудь вечером придут и расскажут ей обо всем, что у них болит».

Макс отвечает, что мы будем рады, если жены шейха придут, но что, к сожалению, его Хатун не очень понимает по-арабски.

«Ну, с этим мы справимся – справимся», – жизнерадостно говорит шейх.

Макс спрашивает шейха о его поездке в Багдад. «Для нее еще не все готово, – говорит шейх. – Есть трудности, формальности».

У нас у всех большое подозрение, что это трудности финансовые. По слухам, шейх уже истратил все полученные от нас деньги, как и те, что он получил как свою долю от рабочих из своей деревни.

«Во времена Эль Барона...» – начинает он.

Но прежде чем он успевает упомянуть аванс золотом, Макс проводит отвлекающий маневр, спрашивая его, где официальная расписка на те шестьдесят сирийских фунтов, которые шейх уже получил. «Ее потребует правительство».

Шейх быстро отказывается от попытки что-нибудь занять и объясняет, что снаружи его

ждет дорогой друг и родственник, у которого болит глаз. Не согласимся ли мы выйти, посмотреть и дать совет?

Мы выходим в ночь и смотрим глаз с помощью фонарика. Случай, определенно, нам не по силам, там просто кровавое месиво. Макс говорит, что глаз нужно показать врачу. Как можно скорее, добавляет он.

Шейх кивает головой. Его друг едет в Алеппо. Не напишем ли мы письмо доктору Алтуняну в Алеппо? Макс соглашается, и тут же начинает писать, затем поднимает взгляд и спрашивает: «Этот человек ваш родственник, вы сказали?»

«Да».

«А как его зовут?» – спрашивает Макс, продолжая писать.

«Как зовут? – шейх слегка смущен. – Я не знаю. Надо спросить его».

Шейх снова выходит в ночь и возвращается с сообщением, что его родственника зовут Махмуд Хассан.

«Махмуд Хассан», – говорит Макс, записывая это.

«Или вам нужно, – спрашивает шейх, – его имя по паспорту? По паспорту он Дауд Сулиман».

Макс смотрит озадаченно и спрашивает, как же на самом деле зовут этого человека.

«Назовите его, как хотите», – великодушно предлагает шейх.

Письмо вручается, шейх надевает вновь свое воинское снаряжение, приветливо благословляет нас и удаляется в ночь вместе со своим таинственным спутником.

Полковник и Бампс начинают спор о короле Эдуарде VIII и миссис Симпсон. За этим следует обсуждение вопроса о браке вообще, что как-то естественно переходит в обсуждение вопроса о самоубийстве!

Тут я их покидаю и иду спать.

* * *

В это утро дует сильный ветер. Он все усиливается, пока к полудню не превращается практически в пыльную бурю. Бампс отправляется на раскоп в топи, и у него возникает масса хлопот с ним на ревущем ветру, в конце концов свисающая со шлема ткань оказывается обмотанной у него вокруг горла. Михель, всегда готовый помочь, кидается на помощь. «*Forca*», – говорит он, сильно потянув за завязку.

Лицо у Бампса делается лиловым, так как его медленно душат.

«*Beaucoup*⁷⁵ *forca*», – говорит Михель жизнерадостно, потянув посильнее, и Бампс чернеет. Его едва успевают спасти!

Яростная ссора возникает после работы между обладающим горячим нравом Алави и Серкисом, нашим плотником. Возникает она, как всегда, из ничего, но поднимается до высот, грозящих смертоубийством.

Макс невольно вынужден в очередной раз произнести то, что он называет «Наставлением для младших школьников». С каждым днем, заявляет он, он все более соответствует квалификации главы подготовительной школы – с такой легкостью с его уст слетают тошнотворно-нравоучительные речи!

Данное поучение очень впечатляюще.

«Неужели вы воображаете, – заявляет он, – что я и Хвайя Полковник, и Хвайя с Рейкой всегда и во всем единодушны? Что нам никогда не хочется спорить? Но разве мы повышаем голос, орем, хватаемся за ножи? Нет! Все споры мы оставляем на потом, когда мы вернемся в Лондон! Здесь для нас Работа прежде всего! Всегда Работа! Мы контролируем свои чувства!»

На Алави и Серкиса это производит глубокое впечатление. Ссора прекращается, и просто одно удовольствие наблюдать их трогательную вежливость, когда они пропускают друг друга, выходя в дверь!

⁷⁵ Много.

* * *

Совершена покупка велосипеда – очень дешевого японского велосипеда. Его гордым владельцем станет Али, на нем он должен будет ездить дважды в неделю в Камышлы за почтой.

Он отправляется, исполненный важности и счастья, на заре и возвращается приблизительно ко времени чая.

Я с сомнением говорю Макс, что это слишком далеко. До Камышлы сорок километров. Я прикидываю в уме расстояния «двадцать пять миль и двадцать четыре мили обратно» и добавляю с тревогой: «Мальчик не может столько ездить. Это для него слишком много».

Макс говорит (с моей точки зрения, бесчувственно): «О, я так не думаю».

«Он же, наверное, совершенно измучен», – бормочу я. Я уйду на поиски перетрудившегося Али. Никаких признаков Али нет.

Димитрий наконец понимает, о чем я говорю.

«Али? Али вернулся из Камышлы полчаса назад. Где он теперь? Поехал на велосипеде в деревню Гермайр, в восьми километрах отсюда, у него там друг».

Мое беспокойство об Али быстро гаснет, особенно когда он помогает подавать обед с сияющим лицом и без малейших признаков усталости.

Макс ухмыляется и произносит таинственную фразу: «Вспомни Свисс Мисс».

Я начинаю думать о Свисс Мисс и ее времени.

Свисс Мисс была одним из пяти щенков-дворняжек на нашем первом раскопе в Арпачийа, около Мосула. Они с радостью (или из вежливости) отзывались на имена Вули Бой, Буджи, Вайт Фэнг, Том Бой и Свисс Мисс. Буджи погиб молодым из-за излишка *klechah* – это вид очень тяжелого сдобного кекса, который христианские секты едят на Пасху. Наши формены-христиане принесли нам его, что вызвало некоторую неловкость. После того как мы сами пострадали от него и нанесли существенный вред пищеварению одной неопытной девушки, которая неосторожно поела его к чаю, мы незаметно скормили остальное Буджи. Буджи, не веря своему счастью, выполз на солнце, проглотил это богатое угощение и тут же умер! Это была смерть в состоянии экстаза – чему можно только позавидовать! Из оставшихся собак Свисс Мисс была главной, так как была Любимицей Хозяина. Она обычно подходила к Макс, на закате, когда работы кончались, и он деловито выбирал из ее шкуры клещей. Затем собаки выстраивались у кухни, во главе со Свисс Мисс, и когда их выкликали по именам, подходили одна за другой и получали свой обед.

Потом, в каком-то приключении, Свисс Мисс сломала лапу и появилась хромая и очень больная. Она, однако, не умерла. Когда подошло время нашего отъезда, судьба Свисс Мисс меня стала очень мучить. Притом что она такая хромая, как она сможет выжить, когда мы уедем? Единственное, доказывала я, что мы можем сделать, это усыпить ее. Макс, однако, и слышать не хотел об этом. Он оптимистично уверял меня, что со Свисс Мисс все будет в порядке. Остальные – да, может быть, говорила я, они как-нибудь проживут, но Свисс Мисс – она калека.

Спор продолжался, страсти с обеих сторон разгорались. В конце концов Макс победил, и мы уехали, сунув деньги в руку старику-садовнику и прося его «присмотреть за собаками, особенно за Свисс Мисс», но не слишком надеясь, что он это выполнит. Страхи за судьбу Свисс Мисс время от времени терзали меня на протяжении последующих двух лет, и я всегда винила себя, что не проявила твердости. Когда мы в следующий раз проезжали через Мосул, мы зашли в наш бывший дом, посмотреть. Он был пуст – никаких признаков жизни вокруг. Я негромко сказала Макс: «Интересно, что стало со Свисс Мисс?»

И тут я услышала рычание. На ступеньках сидела собака – очень нелепого вида (даже щенком Свисс Мисс не была красавицей). Она поднялась, и я увидела, что она хромает. Мы позвали: «Свисс Мисс» и она слегка завиляла хвостом, хотя и продолжала негромко рычать. И тут из кустов выбежал щенок и побежал к матери. Свисс Мисс несомненно нашла красивого мужа, так как этот щенок был прелестнейшей собачкой. Мамаша с ребенком нас спокойно разглядывала, но она нас не узнавала.

«Вот видишь, – торжествуя сказал Макс. – Я же говорил тебе, что она не пропадет. Смотри – она вполне упитанная. У Свисс Мисс есть мозги, поэтому она, конечно же, выжила».

Подумай только, сколько бы она упустила, если бы мы тогда ее усыпили».

С тех пор, когда я начинаю излишне тревожиться, слова «Свисс Мисс» используются, чтобы снять мои возражения.

Мула в конце концов не купили. Вместо него лошадь – настоящая лошадь, не старая женщина, а великолепная лошадь, принц среди лошадей – была приобретена. А вместе с лошадью, как видно, нераздельно с ней связанный, появился Сиркассиян.

«Какой человек! – говорит Михель, при этом его голос переходит в тонкий вой от восхищения. – Сиркассияны знают о лошадях все. Они живут ради лошадей. А как он заботлив, как предусмотрителен к своей лошади. Он непрерывно заботится об ее удобствах. А как он вежлив! Какие у него хорошие манеры – по отношению ко мне!»

На Макса это все производит мало впечатления, он только замечает, что время покажет, годится ли этот человек. Его нам представляют. У него веселый вид и высокие сапоги, и мне он напоминает что-то из русского балета.

* * *

Сегодня у нас в гостях французский коллега из Мари⁷⁶. С ним его архитектор. Как многие французские архитекторы, он похож скорее на какого-то святого, из не очень известных. У него жидкая непримечательная бородка. Он не говорит ничего, кроме «Merci, madame»⁷⁷, вежливо отказываясь, когда ему что-нибудь предлагаешь. Месье Парро объясняет, что он страдает желудком.

После приятного визита они собираются уезжать. Мы восхищаемся их машиной. Месье Парро грустно отвечает: «Oui, c'est une bonne machine, mais elle va trop vite. Beaucoup trop vite». Он добавляет: «L'annee derniere elle a tue deux de mes architactes!»⁷⁸

Затем они садятся, причем похожий на святого архитектор садится за руль, и они внезапно убывают в вихре пыли на скорости шестьдесят миль в час – по ямам, через колдобины, петляя сквозь курдскую деревню. Представляется вполне возможным, что еще один архитектор, не устранившись судьбы своего предшественника, падет жертвой упорного стремления этой машины к быстрой езде. Определенно, во всем надо винить автомобиль! Никак не человека, чья нога нажимает на акселератор.

* * *

Французская армия в эти дни проводит маневры. Полковник, в котором проснулся профессиональный интерес военного, очень ими взволнован. Однако все его попытки завязать знакомство встречают исключительно холодный прием со стороны французских офицеров, к которым он обращается. Они относятся к нему с подозрением.

Я говорю ему, что они принимают его за шпиона.

«За шпиона? Меня? – вопрошает Полковник, глубоко оскорбленный – Как они могут такое подумать?»

«Но очевидно, что они подумали именно это».

«Я задавал им всего лишь несколько простых вопросов, Это то, что интересно с технической точки зрения. Но они отвечают так неопределенно».

Для бедного Полковника, жаждавшего поговорить с коллегами по профессии, большим разочарованием оказывается их решительный отпор.

Наших рабочих маневры волнуют совсем по другой причине. Один серьезный бородатый человек подходит к Максусу. «Хвайя, аскеры не станут вмешиваться в мое дело?»

⁷⁶ Мари (тельль Харири) – древний город на территории Сирии, где много лет ведутся раскопки.

⁷⁷ Спасибо, мадам.

⁷⁸ Да, это хорошая машина, но она ходит слишком быстро. Чересчур быстро. ...В прошлом году она погубила двоих моих архитекторов!

«Нет, конечно, они совсем не будут вмешиваться в раскопки».

«Я имею в виду не работу, Хвайя, а мое собственное дело».

Макс спрашивает, что это за дело, и тот с гордостью отвечает, что это контрабанда сигарет!

Контрабанда сигарет через границу Ирака представляется почти точной наукой. Машина таможенников приезжает в деревню в один день, а на следующий день – контрабандисты... Макс спрашивает, неужели таможенники никогда не возвращаются и не посещают деревню еще раз. Человек смотрит на него осуждающе и говорит, что, конечно же, нет. Если бы они вернулись, все было бы плохо. А так рабочие счастливо курят сигареты, которые обходятся им в два пенса за сотню!

Макс расспрашивает некоторых из рабочих, сколько же точно уходит у них на жизнь. Большинство из них приносит с собой мешок муки, если они приходят из дальней деревни. Этого им хватает дней на десять. Кто-то в деревне печет им хлеб, так как, по-видимому, печь самим – это ниже их достоинства. Иногда они едят луковицы, изредка рис и, вероятно, еще кислое молоко. Посчитав все цены, мы обнаруживаем, что каждый из рабочих тратит на жизнь примерно два пенса в неделю!

Теперь подходят еще двое рабочих – они турки – и тоже с беспокойством спрашивают об аскерах.

«Они нам не сделают неприятности, Хвайя?»

По-видимому, туркам не следует находиться по эту сторону границы. Один из рабочих с киркой, однако, их успокаивает. «Все будет в порядке, – говорит он, – вы носите кэфи».

Кепку на голове в этих краях носить не принято, презрительные вопли раздаются со стороны носящих кэфи арабов и курдов – они кричат «Турки! Турки!» и указывают пальцем на несчастного человека, который, выполняя приказ Мустафы Кемалья, носит европейский головной убор. «Нет покоя голове, которая носит кепку⁷⁹» в этих краях.

Сегодня вечером, когда мы кончаем обедать, входит озабоченный Ферхид и тоном глубокого отчаяния объявляет, что шейх привел своих жен, чтобы спросить совета у Хатун.

Я немного нервничаю. По-видимому, у меня создалась репутация человека, умудренного в медицине. Это, без сомнения, незаслуженно. Хотя курдские женщины без всяких предрассудков излагают подробности своих недугов Макс для передачи мне, более скромные арабские женщины согласны обращаться ко мне, только когда я одна. Последующая сцена в основном представляет из себя пантомиму. Головная боль легко определяется, и аспирин принимается с благоговейным уважением. Больные и воспаленные глаза видны, но вот объяснить, как пользоваться борной кислотой – труднее.

«Maî harî», – говорю я (горячая вода).

«Maî harî», – повторяют они.

Затем я провожу демонстрацию со щепоткой борной кислоты – «Mithl hadha».

Заключительная пантомима промывания глаз.

На это пациентка отвечает пантомимой, изображающей большой глоток. Я качаю головой. Лекарство наружное, для глаз. Пациентка слегка разочарована. Однако на следующий день мы слышим от формена, что жене Абу Сулеймана очень помогло лекарство Хатун. Она им промыла глаза, а затем выпила все, до последней капли!

Самый распространенный жест – выразительное потирание живота. Это имеет два возможных значения: а) острое расстройство пищеварения; б) жалоба на бесплодие.

Питьевая сода дает хорошие результаты в первом случае и завоевала неожиданную репутацию во втором.

«Белый порошок, который твоя Хатун дала в прошлом сезоне, сотворил чудо! У меня теперь двое крепких сыновей-близнецов!»

Невзирая на воспоминания об этих прошлых триумфах, я все-таки побаиваюсь предстоящего мне испытания. Макс с обычным оптимизмом меня подбадривает. Шейх ему сказал, что у его жены болят глаза. Наверняка это будет простейший случай, когда нужна

⁷⁹ Корону. Шекспир В. Король Генрих IV. Ч. II, акт 3, сцена 1.

борная кислота.

Жены шейха, в отличие от женщин из деревне, были, конечно, под покрывалами. Поэтому в пустую кладовую, где я должна осматривать пациентку, приносят лампу.

Полковник и Бампс делают ряд нахальных замечаний и изо всех сил стараются запугать меня, когда я направляюсь в этот кабинет врача.

Снаружи в темноте стоит человек восемнадцать. Шейх приветствует Макса радостным ревом и машет рукой в сторону высокой фигуры под покрывалом.

Я произношу общепринятые приветствия и направляюсь в сторону кладовой. Не одна, а пять женщин следуют за мной. Все они возбуждены, смеются и разговаривают.

Дверь за нами закрывается. Макс и Шейх остаются снаружи, чтобы переводить то, что потребуется.

Я немного ошарашена, увидев столько женщин. Все они жены? Им всем нужна медицинская помощь?

Покрывала сбрасываются. Одна из женщин, молодая и высокая, очень красива. Я думаю, что это новая жена-йезиди, приобретенная на аванс арендной платы за землю. Главная жена много старше; на вид ей лет сорок пять, но возможно, что ей и тридцать. На всех женщинах драгоценности, и все они принадлежат к курдскому типу – веселые и красивые.

Женщина средних лет показывает на свои глаза и прижимает руки к лицу. Увы, это не тот случай, когда помогает борная кислота! Она страдает, я бы сказала, от какого-то инфекционного заболевания крови.

Я повышаю голос и обращаюсь к Макс. Я говорю, что это заболевание крови и что ей нужно ехать к врачу или в больницу в Дейр-эз-Зор или Алеппо, где бы ей сделали нужные инъекции.

Макс передает это шейху, который, кажется, поражен моим диагнозом. Затем Макс произносит:

«Он просто потрясен твоей мудростью. Это именно то, что ему уже сказал доктор в Багдаде. Он тоже сказал, что ей нужны «des piqures»⁸⁰. Теперь, когда ты сказала то же самое, шейх собирается серьезно это обдумать. Как-нибудь он обязательно возьмет свою жену в Алеппо».

Я говорю, что хорошо бы он свез ее поскорее.

Этим летом, говорит шейх, или во всяком случае осенью. Все будет, как укажет Аллах.

Младшие жены, или кто они такие, теперь рассматривают мою одежду с полным восторгом и жизнерадостным весельем. Я даю пациентке аспирин, чтобы облегчить боль, и советую применять теплую воду и т. д. Ее, однако, гораздо больше интересует моя внешность, чем ее собственное здоровье. Я угощаю их рахат-лукумом и мы все смеемся, улыбаемся и трогаем одежду друг друга.

Наконец женщины с сожалением вновь накидывают свои покрывала и прощаются. Я возвращаюсь в состоянии нервного шока в гостиную.

Я спрашиваю Макса, думает ли он, что шейх свезет ее куда-нибудь в больницу, а Макс отвечает, что, вероятно, нет.

Сегодня Михель везет в Камышлы белье в стирку, и кроме того, он должен сделать целый ряд покупок. Михель не умеет ни читать, ни писать, но он никогда ничего не забывает и способен помнить точную цену каждой покупки.

Он скрупулезно честен и это перевешивает его многочисленные раздражающие свойства. Я сама перечислила бы их в следующем порядке:

1. Его высокий скулящий голос.
2. Его тенденция отбивать тутти под окнами.
3. Его настойчивые попытки убийства мусульман на дороге.
4. Его способность спорить.

⁸⁰ Уколы.

* * *

Сегодня много фотографии, и я начинаю работать в моей «темной комнате». Она по сравнению с «камерой пыток» в Амуде явное достижение. В ней я могу стоять во весь рост, и в ней есть стол и стул.

Но она – недавнее добавление, ее пристроили за несколько дней до моего приезда, глиняные кирпичи еще влажные. По ее стенам растут странные грибы, и человек, заточенный в ней в жаркий день, выходит из нее полузадохнувшимся!

Макс дал плитку шоколада мальчишке, который сидит снаружи и моет керамику, и сегодня вечером этот мальчишка пристаёт к нему: «Скажи мне, Хвайя, умоляю тебя, как название той сладости? Она столь восхитительна, что теперь мне не хочется никаких сладостей с базара. Я должен купить эту новую сладость, даже если она стоит целый меджиди!»

Я говорю Максусу, что он должен чувствовать себя так, как будто создал наркомана. Определенно, шоколад дает привыкание.

Макс отвечает, что в данном случае совсем не то, что с тем стариком, которому он предложил кусок шоколада в прошлом году. Тот старик вежливо поблагодарил и спрятал шоколад в складках своей одежды. Всегда готовый вмешаться Михель спросил его, неужели он не собирается это есть. «Это вкусно», – сказал Михель. Старик ответил просто: «Это новое. Может быть, опасное!»

Сегодня у нас свободный день, и мы едем на Брак, чтобы там заняться приготовлениями. Само городище на расстоянии около мили от Джаг-джага, и первый вопрос, который надо решить, – это проблема воды. У нас работал местный специалист по рытью колодцев, но вода около городища оказалась слишком соленой для питья. Значит, ее придется возить из реки – отсюда Сиркассиян, телега, бочки для воды (и лошадь, которая не старая женщина). Нам, кроме того, понадобится сторож, который жил бы на раскопе.

Для нас самих мы арендуем дом в армянской деревне у реки. Большая часть домов там покинута. Когда поселок только начинался, в него было вложено много денег, но, насколько можно судить, первоочередные вещи не были сделаны самыми первыми. Дома (хотя на взгляд западного человека они, вероятно, и кажутся жалкими конурами из кирпича-сырца) были построены с излишним размахом – больше и более замысловатые, чем необходимо, в то время как водяное колесо, от которого полностью зависели и орошение, и весь успех поселения, было сделано кое-как, так как построить его как следует денег уже не хватало. Поселок начал свое существование как нечто вроде коммуны. Инструменты, животные, плуги и т. д. были получены с условием, что они будут оплачены из доходов сообщества. На самом же деле произошло, однако, следующее – один за другим люди уставали от жизни в диком месте, начинали мечтать о возвращении в город и уезжали, прихватив свои инструменты и орудия. Результат: все это приходилось постоянно заменять, и те люди, что оставались и работали, оказывались, к своему полному изумлению, все больше и больше в долгу. В конце концов перестало работать водяное колесо, и поселок деградировал, превратившись просто в деревню, причем деревню недовольную. Зброшенный дом, который мы арендуем, производит внушительное впечатление. У него есть огораживающая двор стена и даже двухэтажная «башня» с одной стороны двора. По другой стороне двора ряд комнат, обращенных к башне, каждая из которых имеет выход во двор. Серкис, плотник, сейчас занят починкой деревянных частей дверей и окон, так что часть комнат будет пригодной для обитания в лагерных условиях.

Михель послан привезти нового сторожа для раскопа из деревни в двух милях отсюда, вместе с его шатром.

Серкис сообщает, что комната в башне в лучшем состоянии, чем все остальные. Мы поднимаемся по ступенькам, проходим по небольшой плоской крыше и входим в две комнаты. Мы решаем, что в дальней комнате поставим две походные кровати, а первая сойдет для еды и т. д. На окнах есть деревянные доски на петлях, которые можно закрывать, а Серкис вставит стекла.

Возвращается Михель и сообщает, что у сторожа, за которым его посылали, три жены, восемь детей, множество мешков муки и риса и довольно много скота. Все это невозможно привезти на грузовике. Как ему быть?

Он отбывает снова с тремя сирийскими фунтами и инструкцией привезти всех, кого он

может, а избыток пусть оплатит свой переезд на ослах.

Внезапно появляется Сиркассян, правящий водовозной телегой. Он поет и размахивает большим кнутом. Телега выкрашена ярко-голубой и желтой краской, бочки для воды синие, на Сиркассяне высокие сапоги и яркие одежды. Все вместе еще больше напоминает русский балет. Сиркассян слезает, щелкает кнутом и продолжает петь, покачиваясь. Он явно очень пьян!

Еще один из лебедей Михеля!

Сиркассян уволен, на его место назначен некто Абдулл Хассан, серьезный меланхолический человек, который говорит, что понимает в лошадях.

Мы отправляемся домой, и в двух милях от Чагара у нас кончается бензин. Макс в ярости обращается к Михелю и ругает его.

Михель воздевает руки к небу и испускает вопль оскорбленной невинности.

Он действовал исключительно в наших интересах. Он хотел использовать бензин до последней капли.

«Дурень! Разве я тебе не велел наливать бензин в запасную банку и брать ее с собой?»

«Запасная банка не поместилась бы, а кроме того, ее могли украсть».

«А почему же ты не наполнил бензином бак?»

«Я хотел посмотреть, сколько машина может пройти на том, что у нас было».

«Идиот!»

Михель говорит примирительно «*Sawî proba*», чем доводит Макса до воя ярости. Мы все чувствуем искушение применить *Forca* к Михелю, а он продолжает изображать добродетель – невинный человек, несправедливо обвиняемый!

Макс сдерживается, но говорит, что теперь понимает, почему бывает армянская резня!

Мы наконец добираемся домой, где нас приветствует Ферхид, заявляя, что он бы хотел «уйти в отставку», так как он и Али не перестают ссориться!

Глава 8 ЧАГАР И БРАК

Есть цена, которую приходится платить за высокое положение. Из наших двух домашних слуг Субри, неоспоримо, лучший. Он сообразителен, быстр, восприимчив и всегда весел. Его общий свирепый вид и огромный нож, старательно заточенный, который на ночь он кладет под подушку, – это просто мелочи! Так же как и тот факт, что каждый раз, что он просит отпустить его, оказывается, что ему надо навестить кого-то из родственников, заточенных в тюрьму в Дамаске или еще где-то за убийство. Эти убийства, серьезно объясняет Субри, все были необходимы. Речь шла о чести или о престиже семьи. И это подтверждается тем, говорит он, что никто из них не был осужден на долгий срок.

Субри, таким образом, намного более желанный слуга; но Мансур, по праву более долгой службы, главный слуга. Мансур, хотя и оправдывает утверждение Макса, что он слишком глуп, чтобы быть нечестным, тем не менее, говоря прямо, он – как боль в шее!

И Мансур, так как он старший слуга, обслуживает нас с Максом, в то время как Полковник и Бампс, будучи, предположительно, ниже рангом, пользуются услугами умного, веселого Субри.

Иногда, рано утром, меня охватывает чувство ненависти к Мансуру! Он входит в комнату, постучав раз шесть, так как сомневается, были ли многократные возгласы «Входи!» действительно обращены к нему. Войдя, он останавливается и, тяжело дыша, неуверенно балансирует двумя чашками крепкого чая.

Медленно, шаркая ногами и громко хрипло дыша, он пересекает комнату и ставит одну из чашек на стул у моей кровати, пролив при этом большую часть чая на блюдечко. Ему сопутствует сильный аромат в лучшем случае лука, в худшем – чеснока. Ни тот ни другой не

доставляют удовольствия в пять утра.

Пролитый чай приводит Мансура в отчаяние. Он тупо смотрит на чашку и блюдце, качая головой и в сомнении трогая их двумя пальцами.

Яростным, полусонным голосом я говорю: «Оставь так!»

Мансур вздрагивает, тяжело дышит и, шаркая, направляется через комнату к Максу, где все повторяется снова.

Затем он устремляет свое внимание на умывальник. Он берет эмалированный таз, осторожно несет к двери и выливает снаружи. Он возвращается с ним, наливает приблизительно на дюйм воды и начинает старательно возить по нему одним пальцем. Этот процесс занимает порядка десяти минут. Затем он вздыхает, выходит и возвращается с горячей водой в жестянке от керосина, ставит ее и медленно уходит, шаркая ногами, при этом он закрывает дверь так, что она тотчас открывается снова!

Затем я выпиваю холодный чай, встаю, сама мою таз, выплескиваю воду, хорошенько закрываю дверь и начинаю день.

После завтрака Мансур приступает к уборке спальни. Первое его мероприятие после того, что он расплескал достаточно воды вокруг умывальника, это вытереть пыль, старательно и методично. Это дело он выполняет совсем неплохо, но занимает оно у него уйму времени.

Удовлетворенный первым этапом работы по дому, Мансур выходит, берет метлу местного образца, возвращается с ней и начинает яростно мести пол. Подняв жуткую пыль, так что воздух становится непригодным для дыхания, Мансур стелит постели – или таким образом, что ваши ноги немедленно оказываются голыми, как только вы ложитесь в постель, или же – по его второму методу, так, что одеяло и простыня до половины их длины подоткнуты под матрас, а их верхний край достигает только до вашей талии. Я не говорю уж про такие менее важные особенности стиля, как переслаивание простынь и одеял через одно или одевание обеих наволочек на одну подушку. Эти полеты фантазии проявляются только в те дни, когда стелется чистое белье.

Наконец, кивнув головой в знак одобрения, Мансур пошатываясь выходит из комнаты, измученный нервным напряжением и тяжелой работой. Он к себе и своим обязанностям относится очень серьезно и исключительно добросовестен. Это его отношение произвело глубокое впечатление на остальной штат, и Димитрий, повар, совершенно серьезно говорит Максу: «Субри очень усерден и старателен, но, конечно же, ему не хватает знания и опыта Мансура, который обучен всем порядкам, Хвайя!» Не желая подрывать дисциплину, Макс вынужден издавать звуки, означающие согласие, но мы оба с завистью наблюдаем, как Субри весело встряхивает и складывает одежду Полковника.

Однажды я вмешалась, попытавшись внушить Мансуру свои представления о правилах работы по дому, но это было ошибкой. Я только запутала его и пробудила его природное арабское упрямство.

«Эти идеи Хатун не практичны, – грустно говорит он Максу. – Она требует, чтобы я клал листья чая на пол. Но листья чая кладут в чайник, чтобы пить. А как я могу вытирать пыль в комнате после того, как я подмел? Я убираю пыль со столов и она падает на пол, а затем я ее подметаю с пола. Это только разумно».

Мансур очень тверд в убеждении о том, что именно разумно. Просьба Полковника подать джем, чтобы добавить его в лебен (кислое молоко), вызывает немедленный отпор Мансура: «Нет, в этом нет необходимости!»

В Мансуре сохраняются некоторые следы военной традиции. Если его зовут, он немедленно откликается «Present⁸¹». И он объявляет и ленч, и обед простой формулировкой: «La Soupe!⁸²».

Но вот час подготовки ванн, непосредственно перед обедом – это то время, когда Мансур чувствует себя уверенно. Здесь Мансур командует, и ему не приходится ничего делать самому.

81 Здесь!

82 Суп!

Под его руководящим взглядом Ферхид и Али приносят с кухни большие жестянки от керосина, полные кипятка, и еще жестянки с холодной водой (в основном с глиной) и выставляют ванны – это большие круглые медные предметы, похожие на огромные тазы для варенья. Позднее Ферхид и Али, опять же под наблюдением Мансура, вытаскивают эти медные тазы и выливают их, обычно сразу же за входной дверью, так что, если неосторожно выйти после обеда, то легко поскользнуться на жидкой глине и свалиться во всю длину.

Али с тех пор, как он был возведен в ранг почтового мальчишка и стал обладателем велосипеда, чувствует себя выше примитивной ежедневной работы руками. На долю встревоженного Ферхида выпадает бесконечное ошипывание птиц и ритуальное мытье посуды, которое происходит с использованием огромного количества мыла, но почти без воды.

В тех редких случаях, когда я захожу в кухню, чтобы «показать» Димитрию приготовление какого-нибудь европейского блюда, тотчас настойчиво начинают внедряться самые высокие стандарты гигиены и вообще чистоты.

Стоит мне только взять вполне чистую на вид миску, как у меня ее сейчас же отбирают и вручают Ферхиду: «Ферхид, вымой это, чтобы Хатун могла пользоваться».

Ферхид хватается за миску, старательно намыливает ее внутри желтым мылом, быстро протирает мыльную поверхность и возвращает миску мне. У меня возникают внутренние опасения, что суфле, сильно приправленное мылом, не получится действительно вкусным, но я подавляю их и заставляю себя продолжать.

Все это вместе – сильное испытание для моих нервов. Начать с того, что температура в кухне обычно около 99° F, а для того чтобы удерживать ее хотя бы на этом уровне, отверстие, пропускающее свет, сделано очень маленьким, так что создается общий эффект духоты и полумрака. К этому добавляется дезорганизирующий эффект полного доверия и почтительности, выражаемых всеми окружающими меня лицами. А этих лиц очень много, так как кроме Димитрия, его раба Ферхида и высокомерного Али наблюдать за происходящим приходят Субри, Мансур, Серкис-плотник, водовоз и любой случайный рабочий, который в этот день работает в доме. Кухня маленькая, толпа большая. Они окружают меня, восхищенными и почтительными глазами наблюдая за каждым моим движением. Я начинаю нервничать и чувствую, что наверняка у меня ничего не получится. Я роняю на пол яйцо и разбиваю. Доверие ко мне настолько велико, что не меньше минуты все думают, что это тоже часть ритуала!

Я продолжаю, мне все жарче и жарче, и я все более и более неуверенна. Скородки непохожи ни на какие из тех, с которыми мне приходилось иметь дело; у взбивалки для яиц внезапно отцепляющаяся ручка; все, чем мне приходится пользоваться, странной формы или размера... Я беру себя в руки и в отчаянии решаю, что все равно, что бы ни случилось, я сделаю вид, что именно это я и намеревалась сделать!

В действительности результаты флуктуируют. Лимонный крем получается очень удачно; песочное печенье настолько несъедобно, что мы тайно захораниваем его; ванильное суфле, к удивлению, получается хорошо; а вот цыпленок по-мэрилендски получился (как я поняла позднее, из-за исключительной свежести и неправдоподобного возраста птицы) таким жестким, что в него просто не вонзить зубы!

Могу сказать, однако, что теперь я знаю, чему стоит обучать, а с чем лучше и не связываться. Ни одно блюдо, которое надо есть как только оно готово, не следует пытаться делать на Востоке. Омлеты, суфле, картофельные чипсы с неизбежностью будут приготовлены, по крайней мере, за час и поставлены в духовку дозревать, и никакие протесты не помогут. С другой стороны, любое блюдо, каким бы сложным оно ни было, если оно требует длительного приготовления заранее и если его можно долго держать уже готовым, получится удачно. Суфле и омлеты с сожалением вычеркиваются из списка блюд Димитрия. С другой стороны, ни один шеф-повар не смог бы так регулярно, день за днем, готовить более совершенный майонез.

Еще одно можно упомянуть, говоря о кулинарии. Это блюдо, фамильярно известное нам как «бифтек». Снова и снова, когда объявляется этот деликатес, в нас оживает надежда, надежда, обреченная смениться разочарованием каждый раз, когда перед нами ставят блюдо со скрюченными кусочками упругого, как резина, мяса.

«Оно не похоже, – говорит грустно Полковник, – даже на вкус на говядину».

И в этом, конечно, и есть истинное объяснение – у нас никогда говядины не бывает.

Торговля мясом представлена тут очень простой процедурой. Время от времени Михель отправляется на грузовике в ближайшую деревню или племя. Он возвращается, распахивает заднюю дверку Мэри, и оттуда вываливаются восемь овец!

Этих овец расходуют по одной, по мере необходимости. Ради меня издан строжайший указ, что их не следует убивать непосредственно под окнами гостиной! Я опять-таки против того, чтобы видеть, как Ферхид с длинным острым ножом в руках приближается к курицам.

На эту излишнюю щепетильность Хатун наши слуги смотрят снисходительно, как на еще одну западную странность.

Однажды, когда мы копали около Мосула, наш старый формен подошел к Максусу в большом волнении.

«Ты должен завтра свезти Хатун в Мосул. Это большое событие. Там будет повешение – повесят женщину! Твоей Хатун будет очень интересно. Она ни в коем случае не должна пропустить это!»

Моя незаинтересованность в этом зрелище (а по правде говоря, отвращение) ему совершенно непонятна.

«Но ведь это женщина, – настаивает он. – У нас очень редко вешают женщин. Это курдская женщина, которая отравила трех мужей. Уж конечно, конечно же, Хатун не захочет пропустить такое!»

Своим твердым отказом присутствовать я сильно уронила себя в его глазах. Он с грустью покинул нас, чтобы насладиться повешением самому.

Даже по другим поводам неожиданная щепетильность находит на людей. Мы были совершенно равнодушны к судьбе куриц и индюков (противные болбочащие создания), но однажды мы купили прекрасного жирного гуся. К сожалению, это оказался компанейский гусь. Он явно жил в своей деревне как один из членов семьи. В первый же вечер он предпринял решительную попытку выкупаться в ванне вместе с Максусом. Он вечно распахивал двери и с надеждой совал в комнату клюв с видом: «Мне одному скучно». Проходили дни, и мы впали в отчаяние. Никто не мог решиться приказать убить гуся.

В конце концов повар взял это на себя. Гусь был должным образом сервирован, нафаршированный по местной традиции. Он выглядел и пахнул просто восхитительно. Увы, никому из нас кусок не лез в горло. Это был самый печальный наш обед.

Бампс однажды опозорился тут, когда Димитрий гордо сервировал целого ягненка – с головой, ножками и всем прочим. Бампс только глянул и вылетел вон из комнаты.

Но вернемся к проблеме «бифтека».

После того как овца убита и расчленена, ее подают в следующем порядке: лопатка или какая-то такая часть, фаршированная специями и рисом и вся зашитая (великое блюдо Димитрия); затем ножки; затем блюдо того, что в прошлую войну называлось «съедобные внутренности»; затем что-то вроде тушеного мяса с рисом; и наконец, последние бесславные части овцы, отвергнутые как недостойные быть включенными в лучшие блюда, упорно и долго прожаренные, так что они сильно уменьшились в размере и по консистенции стали совершенно как подметка – блюдо, известное как «бифтек»!

* * *

Работа на раскопе шла хорошо – вся нижняя половина оказалась доисторической. В одной части городища мы копали «глубокий разрез» – от верха до материка. Это дало нам пятнадцать слоев последовательных поселений. Из них десять нижних были доисторическими. После 1500 г. до н. э. городище было покинуто, предположительно, из-за начавшейся эрозии, и последующие слои не были четкими. Как всегда, попадаются римские и исламские погребения, но они, несомненно, интрузивные. Мы всегда для рабочих называем их римскими, чтобы не пробуждать мусульманскую обидчивость, но сами рабочие – народ непочтительный. «Это мы твоего деда выкапываем, Абдул!» «Нет, это твой, Дауд!» Они смеются и шутят совершенно свободно!

Мы нашли много интересных резных амулетов в виде животных, все хорошо известного типа, но вот теперь внезапно начали появляться совершенно необычные фигурки. Маленький

черный медведь, голова льва и, наконец, странная примитивная человеческая фигурка. У Макса уже были подозрения, но эта человеческая фигурка – это уже слишком. Кто-то у нас изготавливает подделки.

«И делает он это очень ловко, между прочим, – говорит Макс, с одобрением глядя на медведя, которого он вертит в руке. – Очень хорошая работа».

Начинается детективная работа. Эти предметы обнаруживаются в одном углу раскопа, и обычно их находит кто-нибудь из двух братьев. Эти рабочие приходят из деревни в десяти километрах от раскопок. Однажды в совершенно другой части раскопа обнаруживается подозрительного вида «ложка» из битума. Она «найдена» человеком из той же деревни. Как обычно, назначен бакшиш и не сказано ни слова.

Но в день выплаты денег виновных ждет великий позор! Макс предъявляет эти экспонаты, произносит страстную осуждающую речь, отвергает их как обман и публично уничтожает (хотя медведя он сохранил как редкость). Рабочие, которые их принесли, уволены и вполне миролюбиво удаляются, хотя и громко заявляют о своей невинности.

На следующий день рабочие на раскопе посмеиваются.

«Хвайя знает, – говорят они. – Он очень хорошо знает древности. Его глаза не проведешь».

Макс опечален, потому что ему очень хотелось бы узнать, как именно были изготовлены подделки. Их прекрасное исполнение вызывает его одобрение.

Теперь можно представить себе Чагар, каким он должен был быть от пяти до трех тысячелетий тому назад. В доисторические времена он, должно быть, стоял на оживленном караванном пути, связывавшем Харран и тель Халаф и дальше проходившем через Джебель Синджар в Ирак и к Тигру и, соответственно, в древнюю Ниневию. Он был частью сети, связывавшей большие торговые центры.

Иногда ощущаешь проявление чего-то личного – клеймо мастера, поставленное на дне горшка горшечником, *cache*⁸³ в стене, где был спрятан небольшой горшок, полный золотых серег, возможно, приданое дочери этого дома. Затем проявление личного, относящееся ко времени, более близкому к нашему, – металлический жетон с именем Ханса Краувинкеля из Нюремберга, выбитый приблизительно в 1600 году н. э. и положенный в исламское захоронение, что доказывает, что в то время существовали контакты между этими малоизвестными краями и Европой.

Во времена, грубо говоря, пожалуй, около пяти тысяч лет назад существовали очень красивые горшки с резным орнаментом – на мой взгляд, предметы настоящей красоты, – все сделанные без помощи гончарного круга.

Есть также Мадонны того времени – фигурки в тюрбанах с большими грудями, гротескные и примитивные, но несомненно символизирующие помощь и утешение.

Еще исключительно интересно развитие орнамента «букрания» на керамике, который появляется сперва просто как изображение головы быка, а постепенно делается все менее натуралистическим и более формальным, пока это превращение не заходит так далеко, что вы бы никогда не догадались, что это тот же орнамент, если бы не видели промежуточных стадий. (Должна сказать, что я с тревогой обнаружила в точности тот же простой орнамент на шелковом платье с рисунком, которое я иногда надеваю! А, неважно, «букрания» звучит гораздо приятнее, чем бегущие ромбики.)

* * *

Наступает день, когда первая лопата должна вонзиться в тель Брак. Это очень торжественный момент.

Совместными усилиями Серкис и Али привели в порядок одну или две комнаты. Водовоз, прекрасная лошадь, которая не старая женщина, телега, бочки – все в полной готовности.

Полковник и Бампс отбывают на Брак накануне вечером с тем, чтобы ночевать там, и едва

⁸³ Тайник.

рассветет, быть уже на городище.

Макс и я приезжаем около восьми часов. Увы, Полковник провел очень беспокойную ночь, борясь с летучими мышами! Оказалось, что комната в башне буквально кишит летучими мышами – созданиями, к которым Полковник относится с особым отвращением.

Бампс рассказывает, что ночью каждый раз, как он просыпался, Полковник плавно двигался по комнате, нанося внезапные фехтовальные удары большим полотенцем по летучим мышам.

Некоторое время мы наблюдаем за происходящим на раскопе.

Мрачный водовоз подходит ко мне и изливает длинную жалобу на какое-то, по всей вероятности, тяжелое горе. Когда подходит Макс, я прошу его выяснить, о чем все это было.

Оказывается, что у водовоза есть жена и десять детей где-то около Джераблуса, и сердце его разрывается в разлуке с ними. Нельзя ли ему получить деньги авансом и послать за семьей?

Я умоляю дать согласие, Макс слегка сомневается. От женщины в доме, говорит он, обязательно будут неприятности.

По пути обратно на Чагар мы встречаем большие группы наших рабочих, идущих напрямик по степи на новые раскопки.

«El hamdu lillah! – восклицают они. – Там для нас завтра будет работа?»

«Да, работа там будет».

Они восхваляют бога и топают дальше.

* * *

Мы провели два спокойных дня дома, и теперь наша очередь принимать дежурство на Браке. Ничего особенно значительного там пока не обнаружено, но можно надеяться на успех, а дома и т. д. принадлежат интересующему нас периоду.

Сегодня дует сильный ветер с юга – самый неприятный из ветров. От него делаешься раздражительной и нервной. Мы отправляемся в путь, приготовившись к худшему, захватив резиновые сапоги, макинтоши и даже зонтики. Уверения Серкиса, что крышу он починил, мы не принимаем чересчур серьезно. Сегодня будет, как сказал бы Михель, случай Sawi rgoa.

На Брак надо ехать просто по степи, без всякой дороги. Уже на полпути мы догоняем двоих наших рабочих, которые бредут по направлению «работы». Так как место у нас есть, Макс останавливает Мэри и предлагает их подвезти, что вызывает бурную радость. Следом за ними с обрывком веревки на шее идет собака.

Люди залезают в машину, и Михель собирается ехать дальше. Макс спрашивает, а как насчет собаки? Мы согласны взять их собаку тоже. Это не их собака, говорят они. Она просто вдруг появилась из пустыни.

Мы смотрим на собаку более внимательно. Хотя ни к какой известной породе она и не принадлежит, но это несомненно европейская помесь!

Фигурой она напоминает скай-терьера, окрасом дэнди-динмонта, и в ней есть, определенно, небольшая примесь керн-терьера. Она невероятно длинная, с блестящими янтарными глазами и довольно вульгарным светло-коричневым носом. Она не выглядит ни несчастной, ни изнывающей от жалости к самой себе, ни боязливой, что совершенно непохоже на обычную собаку на Востоке. Она удобно уселась, приветливо наблюдая за нами и слегка помахивая хвостом.

Макс решает, что мы возьмем ее с собой, и приказывает Михелю взять ее и посадить в машину.

Михель мнетя. «Она меня укусит», – говорит он неуверенно.

«Да, да, – говорят два араба, – она обязательно отведаст твоего мяса. Лучше оставить ее здесь, Хвайя».

«Возьми ее и посади в машину, чертов дурень», – говорит Макс Михелю.

Михель собирается с силами и идет к собаке, она приветливо поворачивает к нему морду.

Михель быстро отступает. Я теряю терпение, выскакиваю, беру собаку и вместе с ней возвращаюсь в Мэри. У нее сквозь шкуру проступают ребра. Мы едем на Брак, где вновь прибывшая передается в руки Ферхиду с инструкцией хорошенько накормить ее. Мы также

обсуждаем имя и останавливаемся на Мисс Остапенко (так как я как раз читаю *Tobit Translated*). Однако, главным образом по вине Бампса, Мисс Остапенко никогда не звалась иначе чем Хайю. Хайю оказалась собакой с удивительным характером. Жадная к жизни, она абсолютно неустрашима и не проявляет страха ни перед чем и ни перед кем. Она всегда добродушна и добронравна и исполнена абсолютной решимости во всех случаях делать только то, что она сама хочет. Она, несомненно, обладает теми девятью жизнями, которые обычно считаются привилегией кошек. Если ее запереть внутри, она ухитрится как-то выбраться наружу. Если запереть ее снаружи, она ухитрится влезть внутрь – один раз ей для этого пришлось прогрызть дыру в два фута в стене из кирпича-сырца. Она присутствует при всех приемах пищи и столь настойчива, что устоять перед ней невозможно. Она не просит, она требует.

Я убеждена, что кто-то увел ее от дома, привязал ей камень на шею и пытался утопить, но Хайю, твердо намеренная наслаждаться жизнью, перегрызла веревку, доплыла до берега и жизнерадостно двинулась по пустыне, присоединившись к тем двум людям благодаря своему безошибочному инстинкту. В подтверждение этой моей теории, Хайю, если ее позвать, готова идти с нами куда угодно, но только не к берегу Джаг-джага. Тут она решительно останавливается поперек дороги, более или менее качает головой и возвращается к дому. «Нет, спасибо, – говорит она, – я не люблю, когда меня топят! Утомительно!»

* * *

Мы рады слышать, что Полковник вторую ночь провел лучше. Серкис изгнал большую часть летучих мышей при починке крыши, а кроме того, Полковник соорудил некое достойное Робинзона-пустынника устройство, в которое входит большая миска с водой, куда в конце концов летучие мыши падают и тонут. Механизм, как его нам объяснил Полковник, очень сложен, и его приготовление несколько урезает часы, отведенные для сна.

Мы поднимаемся на городище и едим ленч в защищенном от ветра месте. Даже тут большая доля песка и пыли поглощается с каждым куском. У всех вполне довольный вид, и даже в меланхолическом водовозе чувствуется определенная гордость, когда он ездит к Джаг-джагу и обратно, привозя людям воду. Он привозит ее к подножию холма, а оттуда вверх ее в специальных кувшинах для воды доставляют ослы. Во всем этом есть что-то библейское и очаровывающее.

Когда наступает *Fidos*, мы прощаемся, Полковник и Бампс на Мэри уезжают на Чагар, а мы принимаем наше двухдневное дежурство на Браке.

Комната в башне смотрится вполне привлекательно. На полу есть циновки и парочка ковриков. У нас есть таз и кувшин, стол, два стула, две походных кровати, полотенца, простыни, одеяла и даже книги. Окна не слишком надежно закрываются, и мы отправляемся в постель после довольно странного ужина, поданного мрачным Ферхидом и состряпанного Али. Это в основном очень жидкий шпинат с маленькими островками, которые, как мы сейчас же заподозрили, оказываются опять-таки «бифтеком»!

* * *

Мы проводим спокойную ночь. Только одна летучая мышь материализуется, и Макс выманивает ее наружу с помощью фонарика. Мы решаем сказать Полковнику, что его истории о сотнях летучих мышей – это громадное преувеличение и, вероятно, оно обусловлено выпивкой. В четыре пятнадцать Макса будят, принеся ему чай, и он отправляется на городище. Я засыпаю снова. В шесть чай приносят мне. Макс возвращается в восемь завтракать. Еда сервирована с блеском – вареные яйца, чай, арабский хлеб, две баночки джема и жестянка с порошком для приготовления сладкого соуса. Через несколько минут вносят второе блюдо – яичницу-болтунью.

Макс бормочет «Trop de zele»⁸⁴ и, опасаясь грозящего нам появления омлета, посылает сказать невидимому Али, что того, что нам уже подали, вполне достаточно. Ферхид вздыхает и удаляется с этим сообщением. Когда он возвращается, его лоб изборожден морщинами сомнения и тревоги. Мы боимся большой катастрофы, но нет, он только спрашивает: «Хотите ли вы, чтобы с ленчем вам послали апельсины?»

Полковник и Бампс приезжают в полдень, Бампс мучается со своим топи из-за завывающего ветра. Михель появляется, чтобы помочь, применив Фогса, но, помня о прошлом случае, Бампс с ловкостью увертывается от него.

Наш обычный ленч это холодное мясо и салат, но честолобивая душа Али рвется к лучшему, и мы едим ломтики жареных баклажанов, чуть теплые и полусырые, холодную жирную жареную картошку, маленькие диски «бифтека», сильно прожаренные, и блюдо салата, приготовленного и заправленного много часов назад, так что все вместе это оргия холодного зеленого жира!

Макс говорит, что хотя ему и будет жаль пресекать благие намерения Али, но ему придется унять его фантазию.

Мы обнаруживаем, что Абд эс Саям пользуется временем ленча, чтобы подвергнуть людей длинному тошнотворно-нравоучительному наставлению.

«Видите, как вам повезло! – кричит он, размахивая руками. – Разве не все для вас сделано? Разве для вас не позаботились обо всем? Вам разрешено приносить свою еду сюда и есть во дворе дома! Огромная плата дается вам – да, эти деньги вам платят все равно – находите вы что-то или нет! Какая щедрость, какое благородство! И это еще не все! Кроме этой большой платы еще вам дают деньги за все, что вы находите! Подобно отцу следит за вами Хвайя, он даже оберегает вас, чтобы вы не наносили телесных повреждений друг другу! Если вы больны лихорадкой, он дает вам лекарство! Если ваш желудок не действует, он дает вам слабительное замечательной силы! Сколь счастлива, сколь удачна ваша судьба! А еще одна щедрость! Разве он оставляет вас работать жаждущими? Разве заставляет самих добывать воду для питья? Нет, воистину нет! Хотя он и не обязан, по доброй воле, от великой щедрости, он доставляет воду на холм, издалека, от самого Джаг-джага! Воду, привезенную с большими расходами в телеге, которую везет лошадь! Подумайте о расходах, о затратах! Как удивительно счастлива ваша судьба – вы наняты таким человеком!»

Мы тихонько уходим, и Макс задумчиво говорит, что удивляется, почему кто-нибудь из рабочих не убьет Абд эс Саяма. Он бы, говорит он, убил, будь он на их месте. Бампс говорит, что, напротив, рабочие прямо заглывают это. Это правда. Кивки, одобрительные звуки, один из них поворачивается к другому:

«Это справедливо, то, что он говорит. Нам привозят воду. Да, это действительно щедрость. Он прав. Нам повезло. Он мудрый человек, этот Абд эс Саям».

Бампс говорит, что это выше его понимания. Но я не соглашаюсь. Я помню, с какой жадностью заглываешь самые нравоучительные сказки в детстве! У арабов есть что-то от такого же прямодушного наивного подхода к жизни. Наставительного Абд эс Саяма предпочитают более современному и менее склонному к ханжеству Алави. Более того, Абд эс Саям великолепный танцор, и по вечерам во дворе дома у телля Брака рабочие, ведомые Абд эс Саямом, исполняют длинные замысловатые коленца танца, вернее сказать, рисунок танца – иногда до глубокой ночи. Как они могут это делать, а в пять утра быть опять на раскопе – это тайна. Но ведь такая же тайна и то, как люди из деревень, удаленных на три, пять и десять километров, могут с точностью до минуты ежедневно появляться к восходу солнца! У них нет ни ручных, ни каких-либо других часов, и им надо выходить до восхода за время от двадцати минут до более чем часа, но они всегда приходят вовремя. Они не опаздывают и не приходят раньше. Опять же, удивляешься глядя на них, когда после окончания работы (за полчаса до заката) они бросают корзины, смеются, скидывают кирки на плечи и убегают – да, весело убегают к своему дому на расстоянии десяти километров! За день у них было всего два перерыва – полчаса на завтрак и час на ленч, и по нашим стандартам, они всегда полуголодные.

⁸⁴ Излишнее усердие.

Нужно признать, что они работают в манере, которую можно назвать неторопливой, лишь с редкими вспышками судорожного копания или беготни, когда на них находит волна веселья, но все это тяжелый физический труд. Пожалуй, работающему киркой легче всех, потому что, разрыхлив поверхность участка, он садится и с удовольствием курит сигарету, пока другой рабочий лопатой наполняет корзины. У корзинщиков нет отдыха, кроме того, который они урывают для себя сами. А это они делают очень ловко, двигаясь к отвалам как в замедленной съемке или очень долго просматривая содержимое корзин.

Вообще говоря, они очень здоровый народ. Довольно у многих воспалены глаза, и их очень беспокоит запор! В наши дни, мне кажется, среди них довольно сильно распространен туберкулез, который принесла им западная цивилизация. Но их способность справляться с недугами и травмами изумительна. Один из рабочих разбивает другому голову, получается жуткого вида рана. Он просит нас обработать и перевязать ее, но находит смешным наш совет прекратить работу и идти домой. «Что, из-за этого! Да голова почти и не болит!» А через два-три дня все зарастает, несмотря на отнюдь не гигиеническую обработку, которой человек сам подвергает рану, как только попадает домой.

Одного из наших рабочих, у которого был большой и болезненный нарыв на ноге, Макс отослал домой, так как у него, определенно, был жар.

«Тебе все равно заплатят, так же как если бы ты был тут».

Человек что-то пробурчал и ушел. Но в тот же день, ближе к вечеру Макс неожиданно увидел, что он работает. «Что ты тут делаешь? Я отослал тебя домой».

«Я ушел домой, Хвайя (восемь километров). Но когда я туда пришел, мне стало скучно. Поговорить не с кем! Одни женщины. Вот я и пришел обратно. И смотри, это было полезно, нарыв лопнул!»

* * *

Сегодня мы возвращаемся на Чагар, а другие двое приезжают на Брак. Чувствуешь, какая огромная роскошь вернуться в свой собственный дом. Вернувшись, мы обнаруживаем, что Полковник был занят тем, что повсюду развешивал объявления, в основном оскорбительного характера. Кроме того, он наводил порядок с таким рвением, что мы абсолютно не в силах найти что-нибудь из того, что нам нужно. Мы обдумываем мщение. В конце концов, мы вырезаем фотографии миссис Симпсон из старых газет и прицепляем их на стенку в комнате Полковника!

Нужно сделать много фотографий и проявить их, а так как день жаркий, то из своей темной комнаты я вылезаю, чувствуя себе совершенно такой же, как грибы на ее стенах. Наш штат занят тем, что снабжает меня более или менее чистой водой. Сперва удаляют процеживанием самую крупную грязь, под конец воду процеживают через вату в разные ведра. К тому времени, что вода используется при проявлении негативов, только случайные песчинки и пылинки попадают в нее из воздуха, и результаты вполне удовлетворительны.

Один из рабочих подходит к Максиму и просит отпуск на пять дней.

«Зачем?»

«Мне нужно в тюрьму!»

* * *

Сегодняшний день отмечен спасательными работами. Ночью шел дождь, и утром земля все еще сырая. Около двенадцати часов появляется дикого вида всадник, он скачет так яростно и отчаянно, как будто несет добрые вести из Ахена в Гент. На самом деле он приносит плохие вести. Полковник и Бампс выехали к нам и застряли на полдороге. Всадника тотчас посылаем обратно с двумя лопатами, а сами собираем спасательную партию на Пуалу. Отправляется пять человек во главе с Серкисом. Они берут лопаты и доски и очень весело с пением отправляются!

Макс орет им вслед, чтобы они сами не завязли.

На самом деле именно это с ними и происходит, но, к счастью, всего в нескольких сотнях ярдов от терпящей бедствие Мэри. Задняя ось Мэри погребена в глине, а ее команда измучена,

так как вот уже целых пять часов пытается вытащить Мэри, а кроме того, доведена почти до безумия советами и командами Михеля, с самыми лучшими намерениями изрекаемыми им его обычным скулящим фальцетом и состоящими в основном из «Fogsa!», причем он сам в это время ломает третий домкрат подряд! С помощью грубой силы (были выбраны самые крепкие) и под более действенным руководством Серкиса Мэри соглашается выбраться из грязи, что и делает очень внезапно, облепив грязью всех с головы до ног и оставив за собой зияющую яму, которую Полковник окрестил «Могилей Мэри».

Во время нашего последнего дежурства на Браке выпадает много дождя, и починенная Серкисом крыша не совсем выдерживает эту нагрузку. Более того, доски на окнах распахиваются, и порывы дождя и ветра врываются в комнату. К счастью, самый сильный дождь выпадает в наш «свободный день», так что работы от этого не задерживаются, но вот предполагавшаяся экскурсия на вулкан Кокаб откладывается.

* * *

Между прочим, из-за этого свободного дня у нас чуть не произошел мятеж, так как десять дней работы кончались в субботу, а Абд эс Салям, которому было сказано объявить людям, что на следующий день работы не будет, на редкость даже для него неудачно проблеял: «Завтра воскресенье – поэтому работы не будет!».

Сейчас же началось возмущение! Как! Неужели все они, благородные мусульмане, должны быть подвергнуты оскорблению и принесены в жертву жалкой кучке из двадцати армян-христиан? Свирепый джентльмен по имени Аббас Ид пытается организовать стачку. Затем Макс произносит речь, заявляя, что если ему захочется иметь выходной в воскресенье, понедельник, вторник, среду, пятницу или субботу, то в этот день выходной и будет. Что касается Аббас Ида, то пусть он никогда больше не показывает своего лица на городище. Армянам, которые торжествующе посмеиваются, нарываясь на то, чтобы их всех поубивали, приказано попридержаться языки, после чего начинается выплата заработанных денег.

Макс скрывается внутри Мэри, Михель, тяжело ступая, выходит из дома с мешками денег (теперь это уже не меджиди, слава богу! – они объявлены незаконными, и сирийская валюта теперь de rigueur⁸⁵), эти мешки он скидывает в грузовик. Лицо Макса появляется в окне со стороны сиденья водителя (выглядит он, как кассир на железнодорожной станции). Михель ставит стул внутри грузовика и принимает на себя контроль за наличностью, складывая монеты стопками и глубоко вздыхая при мысли о том, сколько денег уходит в руки мусульман!

Макс открывает огромную бухгалтерскую книгу, и развлечение начинается. Команда за командой выстраиваются, как на параде, когда названы их имена, подходят и получают то, что им положено. Накануне до глубокой ночи мы были заняты сложнейшими арифметическими расчетами, проверяя бакшиш каждого за каждый день и прибавляя его к той сумме, которая положена каждому за проработанные дни.

Пристрастность Судьбы особенно заметна в день выплаты. Одни получают большую доплату, другие почти ничего. Звучит много шуток и острот, и все, даже обойденные Фортуной, веселы. Высокая, красивая курдская женщина подбегает к мужу, который пересчитывает то, что получил.

«Что ты получил? Покажи мне!» – без всякого зазрения совести она хватает все и уносит.

Утонченного вида арабы деликатно отворачиваются, шокированные таким неженственным (и немужественным) поведением!

Курдская женщина вновь появляется из своей глиняной хижины и в полный голос поносит мужа за то, как он отвязывает осла. Курд, большой красивый мужчина, грустно вздыхает. Кто бы захотел быть курдским мужем?

Есть поговорка, что если вас в пустыне ограбит араб, он вас изобьет, но жизнь оставит, а если ограбит курд, то он убьет просто ради удовольствия!

Может быть, то, что дома он заклеван женой, и стимулирует его свирепость вне дома!

⁸⁵ Обязательна.

Наконец, через два часа, плату получили все. Небольшое недоразумение между Даудом Сулейманом и Даудом Сулейманом Мохаммедом улажено к общему удовольствию. Абдулла возвращается улыбаясь, чтобы объяснить, что десять франков пятьдесят сантимов даны ему по ошибке. Маленький Махмуд пронзительно спорит из-за сорока пяти сантимов – «две бусины, венчик горшка и кусочек обсидиана, Хвайя, а день был – прошлый четверг!» Все требования, встречные требования и т. д. рассмотрены и улажены. Собирается информация о том, кто будет работать дальше, а кто уходит. Почти все уходят. «Но после следующего периода – кто знает, Хвайя?»

«Да, – говорит Макс, – когда ваши деньги будут истрачены!»

«Именно так, как ты говоришь, Хвайя».

Произносятся дружеские приветствия и прощания. В эту ночь во дворе поют и танцуют.

* * *

Снова на Чагаре, и день чудесный и жаркий. Полковник шипит и плюется от ярости по поводу поведения Пуалу, который в последнее время на Браке подводил его каждый божий день. Каждый раз приходил Ферхид, уверял, что с машиной все в порядке, ничего не случилось, и когда он демонстрировал справедливость своих слов, машина немедленно заводилась. Полковник воспринимает это как дополнительное оскорбление.

Подходит Михель и своим тонким голосом объясняет, что просто нужно прочистить карбюратор – это очень просто, он покажет Полковнику. Вслед за этим Михель переходит к своему любимому фокусу – отсасывает бензин в рот, полощет им горло и под конец глотает. Полковник наблюдает с выражением холодного отвращения. Михель кивает головой, радостно улыбается, говорит Полковнику, убеждая: «Sawî rgoба», и начинает закуривать сигарету. Мы замираем, затаив дыхание, ожидая, что глотка Михеля полыхнет пламенем, но ничего не случается.

Происходят различные небольшие осложнения. Четверых приходится уволить за постоянные драки. Алави и Йахйа поссорились и не разговаривают друг с другом. Украден один из ковриков из нашего дома. Шейх очень возмущен и проводит судебное разбирательство по этому поводу. Это мы имеем удовольствие наблюдать издали – кружок одетых в белое бородатых мужчин, сидящих на равнине, склонившись головами друг к другу. «Они это так делают, – объясняет Мансур, – чтобы никто не мог подслушать те тайны, о которых они говорят».

Последующие действия очень характерны для Востока. Шейх приходит к нам и уверяет нас, что злоумышленники теперь ему известны, что он со всем разберется, а ковер нам вернут.

На самом же деле происходит следующее: шейх избивает шестерых из своих главных врагов и, возможно, шантажирует еще нескольких. Ковер не материализуется, но шейх в прекрасном настроении и, кажется, у него снова есть деньги.

Абд эс Салям тайно приходит к Макс: «Я вам скажу, кто украл ковер. Это шурин шейха, шейх йезиди. Он очень плохой человек, но его сестра красива».

В глазах Абд эс Саляма ясно читается надежда получить небольшое удовольствие от преследования йезиди, но Макс заявляет, что ковер нужно просто списать как пропажу и ничего больше не предпринимать. «В будущем, – говорит Макс, сурово глядя на Мансура и Субри, – нужно быть внимательнее, а ковры нельзя оставлять лежать на солнце у дома».

Следующий печальный инцидент – появляются таможенники и ловят двоих наших рабочих на том, что они курят контрабандные иракские сигареты. Это чистое невезение для этих двоих, так как на самом деле двести восемьдесят человек (по нашей нынешней платежной ведомости) все курят контрабандные иракские сигареты! Официальное лицо из таможни просит интервью у Макса. «Это серьезное преступление, – говорит он. – Из любезности к вам, Хвайя, мы не стали арестовывать этих людей у вас на раскопе. Это могло бы повредить вашей чести».

«Я благодарю вас за любезность и деликатность», – отвечает Макс.

«Мы предлагаем, однако, чтобы вы уволили бы их без платы, Хвайя».

«Это едва ли возможно. Не мне следует заставлять людей выполнять законы этой страны. Я иностранец. Эти люди обязались работать у меня, а я обязался им платить. Я не могу

удержать положенную им плату».

Наконец дело улажено (с согласия виновных) – два штрафа будут вычтены из оплаты этих людей и переданы таможенному офицеру.

«Inshallah!» – говорят рабочие и пожимают плечами, возвращаясь к работе. Мягкосердечный Макс несколько чересчур щедр с бакшишами на этой неделе в отношении этих двоих провинившихся, и в день оплаты они довольны. Они не подозревают Макса в благотворительности, а приписывают свое везение бесконечному состраданию Аллаха.

Мы совершаем еще одну поездку в Камышлы. К этому времени она уже вызывает не меньше волнения, чем визит в Париж или Лондон. Распорядок в основном все тот же – «Хэродс», унылая беседа с месье Йаннакосом, долгая процедура в банке, но на этот раз ее оживляет присутствие высшего чина Церкви Маронитов, в полном блеске пурпурных одежд, усыпанного драгоценными камнями креста и роскошных волос. Макс толкает меня, чтобы я предложила «Монсенюру» свое кресло, что я и делаю, неохотно и чувствуя себе яростным протестантом. (Обратите внимание – стала бы я, в сходных обстоятельствах, предлагать Архиепископу Йоркскому единственное кресло, если бы я в нем сидела? Я думаю, что даже если бы я и предложила, он бы отказался!) Этот Архимандрит, или Великий Муфтий, или кто он там еще, не возражает и со вздохом удовлетворения опускается в него, благожелательно глядя на меня.

Михель, как едва ли нужно повторять, испытывает наше терпение до последнего предела. Он совершает нелепые покупки крайне экономного характера. Кроме того, он вместе с Мансуром идет договариваться о покупке второй лошади, и Мансур, воспылав страстью к лошадям, въезжает на вышеупомянутой лошади прямо в местную парикмахерскую, где в это время стригут Макса!

«Вон отсюда, ты, дурень!» – орет Макс.

«Это прекрасная лошадь, – кричит Мансур, – и спокойная!»

В этот момент лошадь встает на дыбы, и под угрозой двух огромных передних копыт все в парикмахерской кидаются в укрытия.

Когда Мансур и лошадь выдворены, Макс возвращается, чтобы закончить стрижку, и откладывает все, что он хочет сказать Мансуре, до другого случая.

По приглашению французского *Commandant* мы идем в бараки, где нас ждет чудесный ленч и избранное общество. Приглашаем кое-кого из французских офицеров навестить нас и возвращаемся в «Хэродс», посмотреть, какую еще экономию учинил Михель. Похоже, что собирается дождь, и мы решаем двигаться домой немедленно.

Лошадь куплена, и Мансур умоляет разрешить ему ехать домой верхом на ней.

Макс говорит, что тогда он не доберется до дома никогда.

Я отвечаю, что это великолепная идея, и, пожалуйста, разреши Мансуре ехать домой верхом.

«У тебя же будет все так болеть, что ты не сможешь шевелиться», – говорит Макс.

Мансур говорит, что у него ничего никогда не болит от езды на лошади.

Мы договариваемся, что Мансур вернется на лошади на следующий день. Почта на день опаздывает, и он сможет захватить ее.

Идет дождь, когда мы едем обратно (как всегда в сопровождении неудобно связанных куриц и обтрепанного вида человеческих существ). Нас заносит самым фантастическим образом, но мы успеваем добраться до дома до того, как дорога становится непроезжей.

Полковник только что вернулся с Брака, у него опять была масса проблем с летучими мышами. Ему вполне удавалось заманивать их в таз с водой с помощью электрического фонарика, но так как он был занят этим всю ночь, то поспать ему не удалось. Мы холодно заявляем, что мы ни разу не видели никаких летучих мышей!

* * *

Среди наших рабочих есть один, который умеет читать и писать! Его зовут Юсуф Хассан и он один из самых больших лентяев на раскопе. Мне ни разу не удалось прийти на городище и застать Юсуфа Хассана действительно работающим. Всегда он или только что кончил копать

свой участок, или как раз собирается начать, или остановился закурить сигарету. Он, в общем, гордится своей грамотностью и однажды развлекается и развлекает друзей тем, что пишет на пустой пачке от сигарет: «Салех Бирро утонул в Джаг-джаге». Все получают массу удовольствия от этого образца эрудиции и остроумия!

Эту пустую пачку вместе с пустым мешком от хлеба случайно запикивают в мешок от муки, а этот мешок в свое время возвращается туда, откуда взялся – в деревню Ханзир. Здесь кто-то замечает надпись. Ее несут к ученому человеку; он читает ее. Тотчас же эта весть посылается в деревню Гермайир, родину Салеха Бирро. Результат: в следующую среду на телле Браке появляется огромная траурная кавалькада – мужчины, рыдающие женщины, воющие дети.

«Увы! Увы! – кричат они. – Салех Бирро, наш дорогой, утонул в Джаг-джаге! Мы пришли за его телом!»

Первое, что они тут видят, это Салех Бирро, который весело копает порученную ему яму, сплевывая в нее. Недоумение, объяснения, и тотчас, обезумев от ярости, Салех Бирро пытается своей киркой вышибить мозги Юсуфу Хассану. С каждой стороны подключается по другу, подходит Полковник, приказывает им прекратить (тщетная надежда) и пытается понять, в чем дело.

Затем Макс проводит судебное разбирательство и выносит приговор.

Салех Бирро уволен на один день: а) за драку, б) за то, что не прекратил ее, когда ему велели. Юсуфу Хассану приказано пойти пешком в Гермайир (сорок километров) и там все объяснить и извиниться за свою на редкость неудачную идею. Кроме того, он оштрафован в размере двухдневной платы.

А истинная мораль состоит в том, говорит позже Макс в своем собственном избранном кругу, какая исключительно опасная вещь умение читать и писать!

* * *

Мансур, после того как из-за погоды он был вынужден три дня оставаться в Камышлы, внезапно появляется верхом, скорее мертвый, чем живой. Мало того что он не держится на ногах, у него еще дополнительное горе: в Камышлы он купил большую и чудесную рыбу, а за время вынужденного ожидания она у него испортилась. По какой-то непонятной причине он ее привез с собой! Ее торопливо закапывают, а Мансур, стелая, удаляется в постель, и три дня его не видно. А мы тем временем с огромным удовольствием пользуемся услугами разумного Субри!

Наконец происходит экскурсия на Кокаб. Ферхид, с еще более со-средоточенным видом, чем обычно, вызывается быть гидом, так как он «знает местность». Мы переправляемся через Джаг-джаг по очень ненадежного вида мосту и отдаемся под предводительство печального Ферхида.

Если не считать того, что Ферхид чуть не умер по дороге от беспокойства, то все проходит очень неплохо. Кокаб все время виден, что очень облегчает дело, но каменистая почва, через которую лежит наш путь, просто ужасна, особенно когда мы приближаемся к этому потухшему вулкану.

Перед началом поездки отношения в нашем доме были очень напряженными: яростная ссора из-за небольшого куса мыла взбудоражила весь штат. Формены холодно заявляют, что они предпочитают не ехать в эту экспедицию, но Полковник заставляет их поехать. Они влезают в Мэри с противоположных сторон и садятся спиной друг к другу! Серкис в дальнем углу нахохлился как курица и ни с кем не говорит. Очень трудно точно разобраться, кто именно с кем поссорился. Однако к тому времени, как восхождение на Кокаб закончено, все уже забыто. Мы ожидали, что до самого верха будет не очень крутая тропа по усыпанной цветами местности. На самом же деле, когда мы добираемся до места, оказывается, что подъем идет вверх, как стена дома, а под ногами скользкая черная зола. Михель и Ферхид твердо отказываются даже начать подъем, но остальные предпринимают попытку. Я скоро сдаюсь и, удобно устроившись, наблюдаю это зрелище, как остальные скользят, задыхаются и ползут вверх. Абд эс Салям в основном, двигается на четвереньках!

Есть еще и малый кратер, и на его краю мы устраиваем ленч. Вокруг множество цветов, и это мгновение прекрасно. Со всех сторон нас окружает великолепный вид, недалеко виднеются горы Джебель Синджар. Полный покой восхитителен. Огромная волна счастья охватывает меня, и я понимаю, как я люблю эти края и как полна и сколько удовлетворения приносит эта жизнь...

Глава 9 ПРИЕЗД МАКА

Сезон подходит к концу. Приближается время, когда Мак должен присоединиться к нам, и мы с нетерпением ждем встречи с ним. Бампс задает множество вопросов о Маке и выражает недоверие к некоторым моим заявлениям. Нужна еще одна подушка, и мы покупаем ее в Камышлы, самую лучшую, которую удастся найти, но она бесспорно твердая, как свинец.

«Бедняга не сможет спать на этом», – говорит Бампс.

Я его уверяю, что Маку все равно, на чем он спит.

«Блохи и клопы его не кусают; кажется, что при нем никогда нет ни багажа, ни личных вещей». Я добавляю, вспоминая: «Только плед и дневник».

Бампс смотрит на меня с полным недоверием.

* * *

Наступает день приезда Мака. Он совпадает с нашим выходным, и мы задумываем сложную экспедицию. Полковник отправляется в Камышлы в пять тридцать утра на Пуалу и совместит встречу Мака и стрижку. (Ее приходится повторять часто, так как Полковник настаивает на короткой военной стрижке!)

Мы завтракаем в семь и в восемь выезжаем в Амуду, где у нас *randezvous*⁸⁶ с остальными. Затем все вместе мы едем в Рас-эль-Айн, с целью обследовать некоторые городища в этих местах. (Наши выходные никогда не обходятся без профессионального интереса!) Субри и добрый Димитрий тоже участвуют в экспедиции. Они шикарно одеты – на них сверкающие ботинки, гамбургские шляпы и слишком тесные для них костюмы пурпурного цвета. Михель, уже имеющий печальный опыт, одет в свою рабочую одежду, но в честь выходного дня на нем белые гетры.

Амуда такая же грязная, как всегда, пожалуй, наблюдается даже больше разлагающихся трупов овец, чем, по моим воспоминаниям, было раньше. Мак и Полковник еще не появились, и я осмеливаюсь высказывать предположение, что Пуалу, как обычно, подвел Полковника.

Однако вскоре они приезжают, и после приветствий, сделав несколько покупок (в основном это хлеб; хлеб в Амуде очень хороший), мы собираемся двинуться в путь, но тут выясняется, что Пуалу надоело вести себя прилично и у него спустило колесо. Михель и Субри быстро это исправляют, а вокруг нас собирается толпа, подступающая все ближе и ближе, как это принято у жителей Амуды.

Мы наконецдвигаемся, но приблизительно через час Пуалу повторяет свое безобразие – еще одно колесо спустило. Снова починка, и тут оказывается, что ни один из предметов для ухода за Пуалу не в порядке. Его домкрат с дефектом, его насос – полное фиаско. Субри и Михель творят чудеса, держа куски трубок зубами и ногтями.

Потеряв теперь уже час драгоценного времени, мы сновадвигаемся в путь. Следующее – мы подъезжаем к вади, который, вопреки ожиданиям, полон воды – необычно рано для этого

⁸⁶ Встреча.

времени года. Мы останавливаемся, и следует дискуссия на тему, сможем ли мы с ходу пройти через него.

Михель, Субри и Димитрий считают, что, конечно, сможем, если на то будет воля и милость Божья. Учитывая, что если воли Божьей не будет и Всемогущий не будет склонен приподнять шасси Пуалу с помощью чуда, то тогда мы застрянем и, возможно, не сможем выбраться, мы решаем в пользу благоразумия.

Местная деревня так разочарована нашим решением, что мы начинаем подозревать, что они зарабатывают на жизнь, вытаскивая ушедшие под воду машины. Михель заходит в воду, чтобы определить глубину, и мы зачарованы зрелищем его нижнего белья. Станный белый хлопчатобумажный предмет туалета, подвязанный на щиколотках тесемками, предстает нашему взору – нечто, напоминающее панталоны викторианской мисс!

Мы решаем есть ленч тут, около вади. После ленча Макс и я бродим босиком по воде – чудесно, пока вдруг мимо не проскальзывает змея, совершенно отбив у нас охоту бродить по воде.

Подходит старик и садится рядом с нами. Наступает обычное долгое молчание после обмена приветствиями.

Затем он вежливо спрашивает, французы ли мы. Немцы? Англичане?

Англичане!

Он кивает головой. «Это англичанам теперь принадлежит эта страна? Я не могу вспомнить. Я знаю, что теперь уже больше не туркам».

«Да, – говорим мы, – турок здесь уже нет со времени войны».

«Войны?» – говорит старик, удивляясь.

«Войны, которая была двадцать лет назад».

Он вспоминает. «Я не помню войны... А, да, приблизительно в то время, о котором вы сказали, по железной дороге ездило туда-сюда много аскеров. Это значит, была война? А мы и не поняли, что это война. Она нас здесь не коснулась».

Потом, после еще одного долгого молчания, он поднимается, вежливо прощается и уходит.

Мы возвращаемся с заездом на телль Баиндар, вокруг которого расположились, кажется, тысячи черных шатров. Это бедуины,двигающиеся к югу на пастбища по мере приближения весны. В вади Вадж есть вода, и вся сцена полна жизни. Пройдет, быть может, две недели, и снова здесь все будет пусто и тихо.

На склонах телля Баиндара я подбираю одну находку. На первый взгляд это маленькая ракушка, но, рассмотрев ее внимательно, я вижу, что на самом деле она сделана из глины, и на ней есть следы краски. Это интригует меня, и я тщетно пытаюсь придумать, кто ее сделал и зачем. Была ли она украшением здания, или ящичка для косметики, или блюда? Это морская ракушка. Кто думал о море и знал море здесь, так далеко в глубине материка, все эти тысячи лет тому назад? Что за гордость воображения и мастерство понадобились, чтобы создать ее? Я предлагаю Маку подумать вместе со мной, но он осторожно говорит, что у нас нет никаких данных; но любезно добавляет, что поищет для меня параллели и посмотрит, не находили ли что-либо подобное в других местах. Я и не ожидаю, что Макс начнет придумывать – это не соответствует его складу ума, и он совершенно не заинтересован. Бампс гораздо более любезен и с готовностью соглашается обыгрывать вместе со мной этот вопрос. «Вариации на тему находки керамической ракушки» продолжают довольно долго, но кончается это тем, что мы все объединяемся и дружно кидаемся на Полковника, который нам всем назло заинтересовался Римом (жуткое нарушение приличий на таких раскопках, как наши). Я смягчаюсь настолько, что соглашаюсь особенно постараться, когда буду фотографировать римскую брошь-фибулу, имеющуюся среди наших (презираемых) находок, и даже отвести для нее одной отдельную фотопластинку.

Мы все в самом веселом настроении приезжаем домой, и шейх кидается приветствовать Мака. «Ха, Хвайя инженер!» – Он обнимает его и горячо целует в обе щеки.

Полковник посмеивается, а Макс предупреждает:

«В будущем году с вами обойдутся так же».

«Чтобы я позволил целовать себя этому противному старику?»

Мы все держим пари по этому поводу, а Полковник сохраняет суровость и достоинство. Мака, сообщает он нам, приветствовали как брата и подвергли сердечнейшим объятиям. «Но со мной этого не случится», – заявляет Полковник твердо.

Формены восторженно приветствуют Мака. Они изливают чувства по-арабски, Мак, как всегда, отвечает по-английски.

«Ах, этот Хвайя Мак, – вздыхает Алави. – Все еще ему придется свистеть, чтобы получить то, что ему нужно!»

Почти сразу же материализуется обильный обед, а после него мы, усталые и уютно устроившиеся, с особыми лакомствами, поданными в честь выходного и приезда Мака (рахат-лукум, консервированные баклажаны, плитки шоколада и сигары), сидим и разговариваем, причем на этот раз не об археологии.

Мы доходим до вопроса о религии вообще – очень болезненного вопроса в этой конкретной части мира, так как Сирия полна яростных фанатичных сект всех возможных направлений, причем все они готовы перерезать друг другу горло ради святого дела! Отсюда мы переходим к обсуждению Притчи о Добром Самаритянине. Все истории из Библии и Нового Завета обретают здесь особую реальность и интерес. Они написаны тем языком и проникнуты той идеологией, которые мы ежедневно слышим повсюду вокруг себя, и меня часто поражает, как иногда смещается основной смысл истории по сравнению с тем, как мы привыкли ее воспринимать. Небольшой пример: внезапно я осознала, что в истории про Иезавель в пуританских протестантских кругах основной упор делается на то, что она подкрасила себе лицо и украсила волосы, когда имеется в виду, что именно олицетворяет Иезавель. А здесь это не подкрашенное лицо и украшенные волосы – потому что все добродетельные женщины раскрашивают (или татуируют) лица и применяют хну для окраски волос – это тот факт, что Иезавель выглянула из окна – вот это, определенно, нескромный поступок!

Новый Завет становится очень близким, когда я прошу Макса пересказать мне суть его долгих разговоров с шейхом, потому что их разговоры состоят почти полностью из иносказаний – чтобы высказать свои желания и просьбы, вы рассказываете историю, соответствующую данному случаю, собеседник отвечает другой историей, которая содержит возражения, и так далее. Ничто никогда не облекается в простые слова.

Притча о Добром Самаритянине здесь обладает реальностью, которой у нее не может быть в атмосфере многолюдных улиц, полиции, машин «Скорой помощи», больниц и социальной помощи. Если бы человек упал у обочины широкой дороги через пустыню между Хассеке и Дейр-эз-Зором, то эта история вполне могла бы происходить в наши дни, и она показывает, какой огромной добродетелью является сострадание в глазах людей пустыни.

Многие ли из нас, внезапно спрашивает Макс, действительно помогли бы человеку в беде в таких условиях, когда нет ни свидетелей, ни влияния общественного мнения, и никто не узнает и не осудит за то, что помощь не была оказана?

«Все, конечно же, помогли бы», – твердо говорит Полковник.

«Нет, но помогли бы они? – настаивает Макс. – Человек лежит, умирает. Помните, смерть здесь не так уж важна. Вы торопитесь. У вас дело. Вам не хочется задерживаться и брать на себя хлопоты. Этот человек для вас ничего не значит. И никто никогда не узнает, если вы просто поспешите дальше, сказав себе, что в конце концов это не ваше дело, да и кто-нибудь еще сейчас подойдет, и т. д. и т. д.»

Мы все сидим и думаем, и мы все, мне кажется, немного сбиты с толку. Так ли уж мы уверены в самом деле в нашей глубокой гуманности?

После долгой паузы Бампс медленно произносит: «Я думаю, я бы помог... Да, я думаю, помог бы. Может быть, я бы сперва уехал, но потом, наверное, устыдился бы и вернулся».

Полковник соглашается:

«Именно так; чувствовал бы себя неприятно».

Макс говорит, что он думает, что он бы помог тоже, но он в себе далеко не так уверен, как ему хотелось бы, и я соглашаюсь с ним.

Некоторое время мы все сидим молча, а затем я замечаю, что, как всегда, Мак не принял участия в обсуждении.

«Что бы вы сделали, Мак?»

Мак слегка вздрагивает, выходя из приятной отрешенности.

«Я? – голос у него слегка удивленный. – О, я бы поехал дальше. Я бы не остановился».

«Вы бы не остановились, точно?!

Мы все с интересом смотрим на Мака; он качает головой.

«Здесь так много людей умирает. Чувствуешь, что немного раньше или немного позже, это уже не разница. Я, во всяком случае, не рассчитывал бы, что кто-нибудь станет останавливаться из-за меня».

Да, это правда. Мак на это не рассчитывал бы.

А он продолжает мягким тоном:

«Я думаю, гораздо лучше продолжать заниматься своим делом, не отвлекаясь постоянно из-за посторонних людей и событий».

Мы смотрим с еще большим интересом. Неожиданно мне приходит мысль:

«Но если бы, Мак, – говорю я, – если бы это была лошадь?»

«О, лошадь! – говорит Мак, внезапно становясь вполне человеческим и живым существом, и совсем не отстраненным. – Это было бы совсем другое дело! Конечно же, я бы сделал для лошади все, что я бы мог».

Мы все хохочем, а он выглядит удивленным.

* * *

Сегодня, определенно, был День Запора.

Здоровье Абд эс Саляма несколько дней оставалось жгучей темой. Все виды слабительных были испробованы на нем. В результате теперь он «очень ослаб», по его словам. «Я бы хотел поехать в Камышлы, Хвайя, чтобы меня кольнули иглой, чтобы восстановить силы».

Еще более опасно состояние некоего Салеха Хассана, чьи внутренности упорно не поддаются никакому лечению, начиная с осторожного применения «Эно» и кончая полбутылкой касторки.

Макс прибегает к лошадиному лекарству доктора из Камышлы. Больному дается огромная доза, а затем Макс говорит ему, что если его желудок «подействует до заката», он получит большой бакшиш.

Его друзья и родные тотчас сплотились вокруг него. Всю вторую половину дня они заняты тем, что водят его вновь и вновь вокруг городища, подбадривая и понуждая криками, беспокойно поглядывая в то же время на клонящееся к закату солнце.

Надежды на успех остается мало, но через четверть часа после *Fidos* мы слышим радостные возгласы и крики. Новость распространяется как пожар на ветру! Шлюзы раскрылись! Окруженного полной энтузиазма толпой бледного страдальца торжественно ведут к дому получить обещанную награду!

* * *

Субри, все больше забирая власть, твердо взял в свои руки наше хозяйство на Браке, при этом он считает, что оно далеко не так величественно, как ему следует быть! Он, как и все остальные, очень озабочен нашей «репутацией». Он убедил Михеля пренебречь экономией и купить мисочки для супа на базаре в Камышлы. Они и огромная суповая миска появляются каждый вечер и занимают слишком много места на единственном маленьком столе, так что все остальное приходится устанавливать в положении неустойчивого равновесия на кровати! Идея Ферхида, что любое блюдо можно положить себе на тарелку и есть с помощью одного только ножа, также отмечена, и появляется странный ассортимент столовых принадлежностей. Субри, кроме того, купает Хайю, вычесывает узлы из ее шерсти с помощью гребенки (неохотно купленной Михелем) и даже завязывает ей на шею бант из дешевого розового шелка. Хайю преданна ему!

Приезжает жена водовоза и трое из его десяти детей. («Это твоя вина», – с укором говорит мне Макс.) Это склонная ныть и довольно неприятная женщина, а дети на редкость

малопривлекательны. Их носы, прямо сказать, в отвратительном состоянии. Почему это именно у человеческих детенышей носы всегда текут, если оставить их в естественном состоянии? Котята, щенки, ослыта вроде бы никогда не страдают этим недугом!

Благодарные родители наказывают своим детям целовать рукава их благодетелей при любой возможности, и они считают своей обязанностью это выполнять, невзирая на все наши старания избежать этой церемонии! После этого их носы выглядят гораздо лучше, а я вижу, что Макс разглядывает свой рукав с определенным недоверием!

В последние дни мы раздали много аспирина против головной боли. Стоит жара и ходят грозовые тучи. Люди прибегают к помощи и восточной, и западной науки. Проглотив наш аспирин, они спешат к шейху, который любезно кладет им на лоб докрасна раскаленные металлические диски, «чтобы изгнать злого духа». Я не знаю, кому приписывается честь исцеления!

Сегодня утром в нашей спальне обнаружена змея, ее нашел Мансур, придя исполнять свою «службу». Она лежит в корзинке под умывальником. Большое волнение. Все сбегаются, чтобы участвовать в ее убивании. Последующие три ночи я настороженно прислушиваюсь к шорохам, прежде чем заснуть. Потом забываю.

Однажды утром за завтраком, взглянув на Бампса, я спрашиваю Мака, не нужна ли ему более мягкая подушка.

«Не думаю, – говорит Мак несколько удивленно, – а что, с моей что-нибудь не так?»

Я бросаю торжествующий взгляд на Бампса, он ухмыляется.

«Я вам не поверил, – признается он позднее. – Я думал, вы просто рассказываете сказки про Мака, но он просто невероятен. Ничего из того, что у него есть или что он одевает, похоже, никогда не пачкается, не рвется, не делается неопрятным. И как вы говорите, у него в комнате нет ничего, кроме пледа и дневника, даже книжки. Я не знаю, как ему это удастся».

Я оглядываю принадлежащую Бампсу половину комнаты, в которой он живет вместе с Полковником. Она усыпана признаками его экспансивной и бьющей через край натуры. Только отчаянные усилия со стороны Полковника не позволяют им захлестнуть его половину.

Михель внезапно начинает бить по Мэри огромным молотком под самым окном, и Бампс вылетает как ракета, чтобы велеть ему прекратить!

Сейчас, когда настала жара, Макс и Бампс являют разительный контраст в одежде. Бампс снял с себя все, что мог снять. Макс, следуя обычаю арабов, одел все, что можно. Он тепло одет в толстое твидовое пальто с поднятым воротником, и кажется, совершенно не чувствует солнца.

Мак, как мы замечаем, даже не обгорел на солнце!

* * *

Жгучий момент «Раздела» теперь подступает очень близко. К окончанию сезона директор *Services des Antiquites*⁸⁷ приезжает сам или присылает представителя для раздела находок этого сезона.

В Ираке предметы рассматривались по одному, и это занимало несколько дней. Однако в Сирии система много проще. Макс предоставлено право разделить все найденное на две части по своему усмотрению. Затем приезжает представитель Сирии, рассматривает эти две коллекции и выбирает, которую из них он оставляет для Сирии. Другая затем упаковывается для отправки в Британский Музей. Любые особо интересные предметы или что-то уникальное, оказавшееся в сирийской половине, обычно предоставляется ими на время, чтобы можно было это изучить, экспонировать, сфотографировать и т. д. в Лондоне.

Главная агония – это создать эти две коллекции. Вы с неизбежностью должны лишиться некоторых вещей, которые вам отчаянно хочется сохранить. Хорошо, тогда вам надо сбалансировать их на другой половине. Макс призывает нас всех на помощь, когда он по очереди делит каждый тип объектов. Два набора каменных и бронзовых орудий, два набора амулетов и т. д. Керамика, бусы, костяные предметы, обсидиан. Затем, по одному, каждого из

⁸⁷ Служба древностей.

нас зовут в комнату.

«Ну, которую из двух половин ты бы взяла? А или Б?» Пауза, пока я разглядываю обе половины. «Я бы взяла Б».

«Взяла бы Б? Хорошо. Пришли Бампса».

«Бампс, А или Б?»

«Б».

«Полковник?»

«А, несомненно».

«Мак?»

«Я думаю, Б».

«Хм, – говорит Макс. – Очевидно, Б слишком сильно».

Он перекладывает прелестный каменный амулет в виде головы лошади из Б в А, положив вместо него довольно бесформенную овцу, и делает еще несколько перемещений.

Мы входим снова. На этот раз мы все выбираем А.

Макс рвет на себе волосы.

Под конец мы теряем всякое представление и о ценности, и о внешнем виде.

В то же время все пребывают в состоянии лихорадочной активности. Бампс и Мак рисуют, как одержимые, и носятся на городище, составляя планы зданий. Полковник не спит до глубокой ночи, классифицируя и снабжая этикетками то, что их еще не имеет. Я прихожу и помогаю ему, и мы яростно расходимся во мнениях о номенклатуре.

«Голова лошади – стеатит, 3 см».

Я: «Это баран».

«Нет, нет, посмотрите на узду».

«Это рог».

«Эй, Мак, что это?»

Мак: «Это газель».

Полковник: «Бампс – как бы вы это назвали?»

Я: «Баран».

Бампс: «Похоже на верблюда».

Макс: «Там не было верблюдов. Верблюды гораздо более современные животные».

Полковник: «Ну а как вы скажете, что это?»

Макс: «Стилизованная букрания!»

И так это продолжается, тут и разные загадочные маленькие амулеты, изображающие почки, и различные непонятные и двусмысленные амулеты, которым осторожно дается удобное название «объект культа».

Я проявляю и печатаю и стараюсь, чтобы вода была прохладной. Большую часть этой работы я делаю рано утром, около шести утра. В середине дня теперь очень жарко.

Рабочие расползаются с каждым днем.

«Уже сейчас уборка урожая, Хвайя. Нам надо идти».

Цветы давно пропали, их съел пасущийся скот. Все теперь одинакового тусклого желтого цвета на городище. Вокруг него на равнине пшеница и ячмень. В этом году хороший урожай.

* * *

Наконец наступает роковой день. Месье Дюнан и его жена приезжают сегодня вечером. Они наши старые друзья, мы их навещали в Библе, когда были в Бейруте.

Наступает вечер; великолепный (или то, что мы считаем великолепным) обед готов. Хайю выкупана. Макс в последний раз, с агонией, оглядывает две доли, разложенные для обозрения на длинных столах. «Я думаю, так все сбалансированно. Если мы теряем этот прелестный амулет в виде головы лошади и эту необычную цилиндрическую печатку (чертовски интересную!), ну, тогда мы получим лучшую Богиню-Мать с Чагара и амулет в виде двойной секиры и этот очень изящный горшок с резным орнаментом... Да, но, конечно, в другой половине тот ранний расписной горшок. Ох, черт, теперь уж пусть так остается! Которую вы бы выбрали?»

Просто из человечности мы отказываемся играть в эту игру дальше. Мы говорим, что просто не в силах решить. Макс грустно бормочет, что Дюнан очень тонкий судья. «Он выберет лучшую половину, это уж точно».

Мы решительно уводим его.

Часы идут. Наступает ночь. Никаких признаков Дюнанов.

«Интересно, что могло произойти, – размышляет Макс. – Конечно, они, как все тут, ездят со скоростью миль девяносто в час. Надеюсь, несчастного случая не было».

Десять часов, одиннадцать часов. Никаких Дюнанов.

Макс начинает сомневаться, не могли ли они поехать на Брак вместо Чагара.

«Но нет же, конечно. Они знают, что мы живем тут».

В полночь мы сдаемся и идем спать. Люди стараются не ездить после наступления темноты в этих краях.

Через два часа становится слышен шум мотора. Слуги выбегают и в волнении зовут нас. Мы выбираемся из постелей, натягиваем что-то на себя и выходим в гостиную.

Это Дюнаны, и они действительно уехали по ошибке в Брак. Выезжая из Хоссеке, они спросили, куда ехать на «раскопки древностей», и человек, который сам работал только на Браке, направил их туда. Они сбились с дороги и довольно долго искали Брак. Когда они добрались туда, с ними отправился проводник, чтобы показать дорогу через пустыню на Чагар.

Они проехали весь день, но вполне жизнерадостны и не раздражены.

«Вам нужно поесть», – говорит Макс.

Мадам Дюнан вежливо говорит, что в этом нет нужды. Рюмка вина и бисквит – это вполне достаточно.

В этот момент входит Мансур, за ним Субри, и появляется весь обед из четырех блюд! Как здешние слуги это ухитряются сделать, я понять не могу. Это какое-то чудо. Мы обнаруживаем, что Дюнаны ничего не ели и на самом деле очень голодны. Мы едим и пьем до глубокой ночи, а Мансур и Субри наблюдают, сияя улыбками.

Когда мы идем спать, Макс мечтательно говорит, что он бы хотел взять Субри и Мансура в Англию. «От них столько пользы». Я говорю, что я бы тоже хотела взять Субри.

В следующей за этим паузе я ясно представляю себе вторжение в нормальный английский дом Субри – с его большим ножом, измазанным маслом пуловером, небритым подбородком и громким смехом. А фантастические применения, которые он находит для салфеток для протиранья рюмок!

Слуги на Востоке чем-то похожи на Джиннов. Они появляются из ниоткуда и уже ждут вас, когда вы приезжаете.

Мы никогда не предупреждали о своем приезде, но можно быть уверенным, что когда мы приедем, Димитрий уже будет там. Он приехал с самого побережья, чтобы ждать нас.

«Как ты узнал, что мы едем?»

«Известно, что в этом году снова должны быть раскопки».

Он мягко добавляет: «Это очень удачно. Мне теперь надо содержать семьи двух моих братьев; в одной семье восемь детей, в другой десять. Они едят много. Хорошо, что я могу заработать деньги. «Видишь, – сказал я жене брата. – Бог милостив. Мы не будем голодать в этом году – мы спасены. Хвайя приезжают копать!»»

Димитрий, мягко ступая, уходит, представив на обозрение свои муслиновые в цветочек брюки. Рядом с его ласковым задумчивым лицом материнская сущность Чагарской Мадонны совершенно блекнет. Он любит щенков, котят, детей. Он единственный из слуг никогда не ссорится. Он даже не имеет ножа – кроме как для целей кулинарии.

Все кончено! Раздел состоялся. Месье и мадам Дюнан рассмотрели, потрогали, обдумали. Мы стояли и смотрели с обычной агонией. Месье Дюнану понадобился час, чтобы принять решение. Затем он взмахнул руками быстрым галльским жестом.

«*Eh bien*⁸⁸, я возьму эту долю».

Следуя человеческой природе, какую бы долю он ни выбрал, мы тотчас жалеем, что он не

⁸⁸ Ладно.

выбрал другую.

Однако теперь, когда закончилась неопределенность, атмосфера разряжается. Мы веселы, и все превращается в празднование. Мы проходим по раскопу, рассматриваем планы и рисунки архитекторов, едем на Брак, обсуждаем работу, которую нужно сделать в будущем сезоне, и т. д. Макс и месье Дюнан спорят о точных датах и последовательностях. Мадам Дюнан развлекает нас всех сухими остроумными замечаниями.

Мы говорим по-французски, хотя я думаю, что она очень хорошо говорит по-английски. Ее очень забавляет Мак и то, что он упрямо ограничивает беседу словами «Oui» и «Non»⁸⁹.

«Ah, votre petit architecte, il ne sait pas parler? Il a tout de meme l'air intelligent!»⁹⁰

Мы повторяем это Маку, его это не волнует.

На следующий день Дюнаны собираются уезжать. Не то чтобы было много приготовлений; они отказываются взять с собой еду или питье.

«Но уж воду вы наверняка возьмете!» – восклицает Макс, воспитанный на принципе никогда не путешествовать в этих краях без воды.

Они беззаботно качают головами.

«А если у вас будет поломка?»

Месье Дюнан смеется и качает головой.

«О, этого не случится!»

Он включает скорость, и машина убывает в обычном французском стиле езды по пустыне. Шестьдесят миль в час!

Мы больше не удивляемся высокому проценту смертей среди перевернувшихся археологов в этих краях!

А теперь снова упаковка – дни и дни упаковки! Ящик за ящиком заполняется, закрывается, надписывается по трафарету.

Затем идут приготовления к нашему собственному отъезду. Мы поедем от Хассеке по редко используемой дороге через совершенно дикую местность к городу Ракка на Евфрате и там переправимся через Евфрат. «И мы сможем, – говорит Макс, – взглянуть на Белих!»

Он произносит слово Белих так, как раньше имел обыкновение произносить Джаг-джаг, и я начинаю понимать, что он строит планы немного поразвлечься в районе Белиха, прежде чем он окончательно прекратит раскопки в Сирии.

«Белих?» – говорю я невинно.

«Сногшибательные огромные телли вдоль него всего», – говорит Макс с почтением.

Глава 10 ПУТЬ НА РАККУ

Вот мы отправляемся! Мы уже в пути!

Дом уже заколочен, и Серкис забивает последние гвозди в планки поперек дверей и окон. Шейх стоит рядом, раздуваясь от важности. Все будет в порядке до нашего возвращения! Самый надежный человек в деревне будет нашим сторожем! Он будет сторожить его, говорит шейх, день и ночь!

«Не бойся, брат, – кричит он, – даже если мне придется платить ему из своего кармана, он будет сторожить дом».

Макс улыбается, прекрасно понимая, что щедрое вознаграждение, о котором уже договорились со сторожем, скорее всего, в основном пойдет в карман шейху как его доля.

⁸⁹ Да и нет.

⁹⁰ Ах, этот ваш милый архитектор, он не умеет говорить? Но все же вид у него смысленный!

«Мы знаем, что под твоим присмотром все действительно будет в сохранности, – отвечает он. – То, что внутри дома, едва ли испортится, а что касается внешнего вида, каким удовольствием будет для нас передать его тебе в хорошем состоянии, когда настанет этот день».

«Да будет этот день еще не скоро! – говорит шейх. – Потому что, когда он настанет, вы не вернетесь больше, и мне будет грустно. Вы, наверное, будете копать еще только один сезон?» – добавляет он с надеждой.

«Один или два – кто знает? Это зависит от работы».

«Достойно сожаления, что вы не нашли золота, – только камни и горшки», – говорит шейх.

«Эти вещи не меньше интересны для нас».

«И все-таки золото – это всегда золото, – глаза шейха алчно вспыхивают, – во времена Эль Барона...»

Макс ловко прерывает:

«А когда мы вернемся в будущем году, какой подарок привезти лично тебе из города Лондона?»

«Ничего – совсем ничего. Мне ничего не надо. Часы из золота приятно иметь».

«Я буду помнить».

«Пусть не будет разговора о подарках между братьями! Мое единственное желание – служить тебе и Правительству. Если мой карман при этом опустеет – что ж, потерять деньги таким путем почетно».

«Наши сердца не будут знать покоя, если мы не будем уверены, что выгода, а не потери будут для тебя результатом нашей работы здесь».

В этот момент к нам подходит Михель, который до этого всех понукал и выкрикивал приказы, и сообщает, что все в порядке и мы можем ехать.

Макс проверяет бензин и масло, убеждается, что Михель взял запасные банки, которые ему было велено взять, и что никакой внезапный порыв экономии не восторжествовал. Провизия, запас воды, наш багаж, багаж слуг – да, все здесь. Мэри нагружена и на крыше, и внутри так, что почти разбухла, и приткнувшись среди всего этого сидят Мансур, Али и Димитрий. Субри и Ферхид возвращаются в Камышлы, где их дом, а формены едут поездом в Джераблус.

«Прощай, брат», – восклицает шейх, внезапно хватая Полковника в объятия и целует в обе щеки.

Огромная радость всей экспедиции.

Полковник становится цвета сливы.

Шейх повторяет такое же приветствие с Максом и горячо трясет за руки «инженеров».

Макс, Полковник, Мак и я забираемся в Пуалу. Бампс едет с Михелем на Мэри, чтобы пресекать любые «хорошие идеи», которые могут прийти в голову Михелю *en route*⁹¹. Макс снова повторяет Михелю свои инструкции. Он должен следовать за нами, но не на расстоянии всего трех футов. Если Михель попытается давить группы ослов и старых женщин на дороге, половину жалованья у него вычтут.

Михель шепотом бормочет «магометане», но козыряет и отвечает по-французски «Тres bien»⁹².

«Хорошо, едем. Мы все тут?»

У Димитрия с собой два щенка. Хайю сопровождает Субри. «К будущему году она у меня будет в прекрасном состоянии», – кричит Субри.

«Где Мансур? – орет Макс. – Где этот проклятый дурень? Мы уедем без него, если он не придет. Мансур!»

⁹¹ По дороге.

⁹² Очень хорошо.

* * *

«Здесь!» – кричит запыхавшийся Мансур, появляясь. Он волочит две огромные и ужасно вонючие овечьи шкуры.

«Ты не можешь это взять с собой! Фу!»

«В Дамаске они будут стоить деньги!» «Какая вонь!»

«Солнце их высушит, если их разложить на крыше Мэри, и они не будут вонять».

«Они отвратительны. Оставь их».

«Он прав. Они стоят денег», – говорит Михель.

Он забирается на верх грузовика, и шкуры кое как прикрепляются с помощью веревочек.

«Так как грузовик едет за нами, мы запаха не почувствуем», – говорит Макс, смиряясь, – и, во всяком случае, они свалятся до того, как мы приедем в Ракку. Один из узлов Мансур завязывал сам!»

«Ха-ха! – смеется Субри, закинув голову и сверкая белыми и золотыми зубами. – Может, Мансур хочет отправиться в путешествие на лошади?»

Мансур опускает голову. Слуги так и не перестали дразнить его по поводу его поездки верхом из Камышлы.

«Двое золотых часов, – задумчиво говорит шейх, – хорошо иметь. Одни можно одолжить другу».

Макс торопливо дает сигнал к отправлению.

Мы медленно проезжаем через кучку домов и выбираемся на дорогу Камышлы – Хассеке. Толпы мальчишек кричат и машут.

Когда мы проезжаем через следующую деревню, Ханзир, мужчины выбегают из домов и машут и кричат. Это наши рабочие.

«Возвращайтесь в будущем году», – орут они.

«Inshallah!» – орет в ответ Макс.

Мы едем по дороге на Хассеке и оборачиваемся, чтобы бросить последний взгляд на Чагар Базар.

В Хассеке мы останавливаемся, покупаем хлеб и фрукты, идем и прощаемся с французскими офицерами. Молодой офицер, только что вернувшийся из Дейр-ез-Зора, интересуется нашим путешествием.

«Значит, вы едете в Ракку? Я вам расскажу. Когда подъедете к указателю, не следуйте ему. Вместо этого сверните на дорогу правее, а затем на ту, что отходит влево. Так вы попадете на прямую дорогу, с которой не собьешься. А другой путь очень запутанный».

Капитан, тоже слушающий разговор, вмешивается, говоря, что он очень советует нам ехать на север на Рас-эль-Айн, затем на телль Абьяд и дальше по оживленной дороге от телля Абьяда на Ракку. Тогда никаких ошибок не будет.

«Но это намного дальше, огромный крюк».

«В конечном счете может оказаться ближе».

Мы благодарим его, но упорствуем в своем первоначальном намерении.

Михель сделал необходимые покупки, и мыдвигаемся в путь, направляясь на мост через Хабур.

Доехав до места, где встречаются дороги и есть один-два указателя, мы следуем совету молодого офицера. На одном указателе телль Абьяд, на другом Ракка, а между ними дорога без указателя. Должно быть, это она.

Через некоторое время дорога делится на три.

«Левая, наверное, – говорит Макс, – или он имел в виду среднюю?»

Мы сворачиваем на левую, а спустя некоторое время она делится на четыре.

В этой местности полно больших камней и низкорослого кустарника. Ехать приходится только по дороге.

Макс снова сворачивает на левую дорогу. «Нам надо было свернуть на самую правую», – говорит Михель.

Никто не обращает внимания на Михеля, так как из-за него мы оказывались на неверной дороге бесчисленное число раз.

Я набрасываю покров тайны на последующие пять часов. Мы заблудились – заблудились в тех краях, где нет ни деревень, ни посевов, ни пастбищ бедуинов – ничего.

Дороги делаются все менее наезженными, пока не становятся едва различимыми. Макс старается придерживаться тех, которые ведут приблизительно в нужном направлении – а именно чуть к западу от юго-запада, но дороги в высшей степени зловредны. Они поворачивают и выются и, как правило, ведут на север.

Мы ненадолго останавливаемся, чтобы съесть ланч и выпить приго-товленный Михелем чай. Жара удушающая, дорога очень скверная. От толчков, жары и ослепительного света у меня делается мучительная головная боль. Мы все слегка встревожены.

«Ну, – говорит Макс, – во всяком случае, у нас много воды. Что этот проклятый дурень делает?»

Мы оборачиваемся. Мансур, наш идиот, радостно льет нашу драгоценную воду, поливая себе на руки и лицо!

Я пропускаю высказывания Макса. Мансур выглядит удивленным и немного опечаленным. Он вздыхает. Как трудно, кажется, думает он, угодить этим людям. Самые простейшие поступки раздражают их.

Мы снова пускаемся в путь. Дороги поворачивают и выются еще хуже прежнего. Иногда они просто исчезают.

Тревожно хмурясь, Макс бормочет, что мы забираем слишком сильно на север.

Теперь, когда дороги делятся, они поворачивают на север и северо-восток. Может, мы вообще повернем обратно?

Дело идет к вечеру. Внезапно местность вокруг меняется к лучшему, исчезают кустарники, совсем не так много камней.

«Мы должны куда-нибудь добраться, – говорит Макс, – думаю, теперь мы сможем ехать напрямик без дороги».

«В каком направлении вы решили ехать?» – спрашивает Полковник.

Макс отвечает, что на запад в сторону Белиха. Если мы выедем на берег Белиха, мы найдем основную дорогу телль Абьяд – Ракка и сможем дальше ехать по ней.

Мы едем дальше. У Мэри прокол в шине и мы теряем драгоценное время. Солнце садится.

Внезапно перед нами предстает радующее глаз зрелище – впереди бредут люди. Макс издает радостный вопль. Он останавливается около них, произносит приветствия, задает вопросы.

Белих? Белих прямо впереди. Через десять минут на такой машине, как наша, мы будем там. Ракка? Мы ближе к теллю Абьяду, чем к Ракке.

Пять минут спустя мы видим зеленую полосу впереди – это растительность вдоль реки. Громадный телль возвышается над ней.

Макс в восторге восклицает: «Белих – посмотри на него! Телли всюду!»

Телли действительно производят впечатление – большие, устрашающие и очень прочные на вид.

«Сногшибательные огромные телли», – говорит Макс.

У меня голова и глаза дошли уже до почти невыносимой стадии боли, поэтому я из вредности говорю: «Min Ziman er Rum».

«Ты более или менее права, – говорит Макс. – В этом трудность. Эта прочность означает римскую каменную кладку – цепь фортов. То, что нам нужно, там в глубине, я уверен, но слишком долго и слишком дорого добираться до него туда вглубь».

Я чувствую, что археология меня абсолютно не интересует. Мне нужно место, где можно лечь, много аспирина и чашка чая.

Мы выезжаем на широкую дорогу, ведущую на север и на юг, и поворачиваем на юг на Ракку.

Мы сильно сбились с дороги, и проходит еще полтора часа, прежде чем мы видим раскинувшийся впереди город. Уже темно. Мы въезжаем на окраину. Это чисто восточный

город – никаких европейских зданий. Мы спрашиваем, где *Services Speciaux*⁹³. Офицер очень любезен, но его беспокоит наш комфорт. Здесь нет никакого подходящего жилья для путешественников. Может быть, мы поедem на север в тельль Абьяд? Через два часа, если мы поедem быстро, мы были бы вполне удобно устроены.

Но никто из нас, а меньше всех страдающая я, не может вынести и мысли о еще двух часах толчков и болтанки. Любезный офицер говорит, что есть две комнаты – очень жалкие, правда, ничего европейского, но если у нас с собой постели и слуги?

Мы приезжаем к дому в полной темноте. Мансур и Али бегают с фонариками и зажигают примус, расстилают одеяла и мешают друг другу. Я с тоской думаю о быстром и ловком Субри. Мансур неправдоподобно медлителен и неловок. Тут приходит Михель и критикует то, что делает Мансур. Мансур останавливается, и они спорят. Я извергаю на них весь арабский, который я знаю. Мансур выглядит напуганным и снова начинает действовать.

Приносят свернутые постельные принадлежности и одеяла, и я опускаюсь на них. Внезапно рядом со мной оказывается Макс с чашкой чая, о которой я так мечтала. Он приветливо спрашивает, не плохо ли мне. Я говорю да, хватаю чай и проглатываю четыре таблетки аспирина. Чай кажется мне просто нектаром. Никогда, никогда, никогда ничто не доставляло мне такого удовольствия! Я откидываюсь назад, глаза мои закрываются.

«Мадам Жако», – бормочу я.

«А? – у Макса вид испуганный. Он наклоняется. – Что ты сказала?»

«Мадам Жако», – повторяю я.

Ассоциация правильная, я знаю, что я имею в виду, но конкретная фраза ускользает от меня. У Макса на лице появляется выражение, как у больничной сестры, – ни в коем случае не противоречить пациенту!

«Мадам Жако сейчас тут нет», – говорит он успокаивающим тоном.

Я бросаю на него раздраженный взгляд. Мои глаза тихо закрываются. Кругом еще идет суматоха. Готовят ужин. Кому это надо? Я собираюсь спать – спать...

Как раз когда я почти заснула, фраза всплывает в моем сознании. Конечно же! «Completely knock out!»⁹⁴, – говорю я с удовлетворением.

«Что?» – говорит Макс.

«Мадам Жако», – говорю я и засыпаю.

* * *

Самое лучшее в том, что засыпаешь страшно усталая и измученная головной болью, это тот чудесный сюрприз, когда на следующее утро просыпаешься здоровая и полная энергии.

Я чувствую себя полной сил и отчаянно голодной.

«Ты знаешь, Агата, – говорит Макс – Я думаю, что прошлой ночью у тебя был жар. Ты бредила. Ты все время говорила о Мадам Жако».

Я бросаю на него презрительный взгляд и отвечаю, как только мне удастся, поскольку рот у меня набит прожаренным до жесткости яйцом.

«Глупости! – говорю я наконец. – Если бы только взял на себя труд слушать, ты бы точно знал, что я имела в виду! Но у тебя, наверное, все мысли были заняты этими теллями на Белихе...»

«Ты знаешь, было бы интересно, – сразу же проявляет энтузиазм Макс, – хотя бы проложить одну или две пробные траншеи на каком-нибудь из этих теллей...»

Входит Мансур, сияя улыбкой во всю свою глупую, честную физиономию, и спрашивает, как сегодня чувствует себя Хатун.

Я говорю, что я здорова. Мансур, кажется, расстроен из-за того, что я так крепко спала, когда ужин был готов, что никто не захотел меня будить. Не съем ли я еще одно яйцо теперь?

⁹³ Специальная служба.

⁹⁴ Совершенно разбита.

«Да», – говорю я, съев уже четыре. И если на этот раз Мансур будет жарить его минут пять, это будет вполне достаточно!

Около одиннадцати мы отправляемся к Евфрату. Река здесь очень широкая, местность вокруг светлая, плоская и сияющая, а в воздухе дымка. Все вместе это нечто вроде симфонии в цвете, который Макс, описывая керамику, назвал бы «розовато-коричнево-желтый».

Переправа через Евфрат в Ракке – это очень примитивный паром. Мы присоединяемся к другим машинам и удобно устраиваемся ждать парома – час или два.

Какие-то женщины спускаются за водой с жестянками от керосина. Другие стирают белье. Это выглядит как орнамент на фризе – высокие, одетые в черное фигуры, нижняя часть лица закрыта, головы они держат очень прямо, с больших жестянок сыплются капли воды. Женщины двигаются вниз и вверх, медленно, без спешки.

Я с завистью думаю, как должно быть хорошо, когда твое лицо скрыто под покрывалом. Наверное, чувствуешь себя в уединении, в тайне... Только глаза смотрят на мир – ты видишь его, а он тебя нет...

Я вынимаю зеркальце из сумочки и открываю пудреницу. «Да, – думаю я, – как хорошо было бы скрыть под покрывалом твое лицо!»

Приближающаяся цивилизация начинает оживать во мне. Я начинаю думать о разных вещах... Шампунь, роскошный фен... Маникюр... Фарфоровая ванна с кранами. Соли для ванны. Электрический свет... Еще туфли!

«Что с тобой? – говорит Макс. – Я два раза спросил, обратила ли ты внимание на второй телль, который мы вчера вечером проезжали по дороге от телля Абьяда».

«Не обратила».

«Ты не обратила внимания?»

«Нет. Вчера вечером я ни на что не обращала внимания».

«Он не был таким цельным, как остальные. На его восточной стороне заметна эрозия. Я думаю, может быть...»

Я говорю ясно и твердо: «Я устала от теллей».

«Что?» – Макс смотрит на меня с таким же ужасом, какой мог бы почувствовать средневековый инквизитор, услышав особенно откровенный образчик святотатства.

Он говорит: «Ты не можешь устать от них!»

«Я думала о других вещах», – я высыпаю на него весь список, начиная с электрического света, и Макс проводит рукой по затылку и говорит, что он бы не имел ничего против того, чтобы его наконец хорошо постригли.

Мы все соглашаемся, что очень жаль, что невозможно сразу переместиться с Чагара, скажем, в «Савой»! А так, острое удовольствие от контраста всегда теряется. Мы проходим через стадию не очень хорошей еды и частичного комфорта так, что удовольствие от включения электрического света или от открывания крана притупляется.

Наконец паром приходит. Мэри осторожно загоняют вверх по наклонным доскам. За ней следует Пуалу.

И вот мы на широком Евфрате. Ракка удаляется. Она выглядит прекрасной с ее глиняными кирпичами и восточными формами.

«Розовато-коричнево-желтый», – тихо говорю я.

«Тот полосатый горшок ты имеешь в виду?»

«Нет, – говорю я, – Ракка».

И я повторяю это имя негромко, как прощай, перед тем как я вернусь в тот мир, где правит выключатель электрического света...

Ракка...

Глава 11 ПРОЩАЙ, БРАК

Новые лица и знакомые лица!

Это наш последний сезон в Сирии. Мы копаем теперь на телле Браке, закончив наконец на Чагаре.

Наш дом, дом Мака, был передан (с огромной церемонией) шейху. Шейх уже занял деньги под этот дом, по крайней мере, три раза. Тем не менее в нем отчетливо проявляется гордость владельца. Владеть этим домом, чувствуем мы, это хорошо для его «репутации».

«Хотя, возможно, дом ему сломает шею», – говорит Макс задумчиво. Он долго и выразительно объяснял шейху, что крышу дома надо каждый год осматривать и вовремя чинить.

«Естественно, естественно, – говорит шейх, – *Inshallah*, все будет в порядке!»

«Многовато тут *Inshallah*, – говорит Макс. – Сплошь *Inshallah*, и никаких починок! Будет именно так!»

Дом, большие золотые часы и лошадь переданы шейху как подарки, сверх арендной платы и компенсации за посевы.

Удовлетворен шейх или разочарован, мы не совсем уверены. Он весь сплошные улыбки и экстравагантные заявления о дружбе, но в то же время он сделал серьезную попытку получить дополнительную компенсацию за «порчу сада».

«А что такое этот сад?» – спросил изумленный французский офицер.

И правда, что это? Когда его попросили привести хоть какое-то подтверждение того, что у него когда-либо был сад или хотя бы что он знает, что такое сад, шейх вынужден был пойти на попятный. «Я собирался сделать сад, – говорит он сурово, – но из-за раскопок мои намерения сорвались».

Этот «Сад шейха» на некоторое время становится предметом шуток среди нас.

В этом году с нами на Браке неизменный Михель, веселый Субри, Хайю с выводком из четырех нелепых щенков; Димитрий, нежно пекущийся о щенках, и Али. Мансур, № 1, старший слуга, слуга, знающий европейские порядки службы, поступил, *El hamdu lillah*, на службу в полицию! Он однажды приезжает навестить нас в полном блеске формы и улыбаясь от уха до уха.

Гилфорд этой весной ездил с нами в качестве архитектора, и теперь снова с нами. Он завоевал мое громадное уважение тем, что оказался способен подрезать копыта лошади.

У Гилфорда длинное, светлое серьезное лицо, и сперва, в начале первого сезона, он очень внимательно относился к стерильной обработке местных порезов и ран и наложению повязок. Однако увидев, что происходит с повязками, как только человек попадает домой, и пронаблюдав, как некий Юсуф Абдулла снял аккуратнейшую повязку и улегся под самым грязным углом раскопа так, что песок струйкой сыпался в рану, Гилфорд теперь просто щедро смазывает раны раствором марганцовки (которая здесь в почете из-за ее насыщенного цвета) и ограничивается тем, что подчеркивает, что нужно применять только наружно, а что можно без опасения пить.

Сын местного шейха, обучавший машину в той же манере, в которой объезжают молодую лошадь, и опрокинувшийся в вади, приходит лечиться к Гилфорду с огромной дырой в голове. В ужасе Гилфорд более или менее заливает ее йодом, и молодой человек топчется вокруг, пошатываясь от боли.

«Ах! – выдыхает он, когда ему удастся заговорить. – Вот это прямо огонь! Это чудесно. В будущем я всегда буду приходить к тебе – никогда к врачу. Да – огонь, огонь, правда!»

Гилфорд убеждает Макса сказать ему, чтобы он шел к врачу, так как рана на самом деле серьезная.

«Что – это? – заявляет презрительно сын шейха. – Просто головная боль, вот и все! Что, однако, интересно, – добавляет он задумчиво, – если я сморкаюсь – вот так, – то слюна выходит из раны!»

Гилфорд зеленеет, а сын шейха уходит посмеиваясь.

Он возвращается через четыре дня для дальнейшего лечения. Рана заживает с невероятной быстротой. Он глубоко разочарован, что больше не применяется йод, а только очищающий раствор.

«Он совсем не жжет», – говорит он недовольно.

К Гилфорду приходит женщина с ребенком с раздутым животом, и в чем бы ни состоял истинный недуг, она в восторге от результатов, которые дали легкие лекарства, полученные ею. Она возвращается, чтобы благословить Гилфорда «за спасение жизни ее сына», и добавляет, что он получит ее старшую дочь, как только та достаточно подрастет; на это Гилфорд краснеет, а женщина удаляется, смеясь и добавляя несколько заключительных непечатных замечаний. Нет надобности говорить, что это курдская, а не арабская женщина!

Мы ведем сейчас эти осенние раскопки, чтобы завершить нашу работу. Этой весной мы закончили Чагар и сконцентрировались на Браке, где были найдены интересные вещи. Теперь мы кончаем Брак и собираемся завершить сезон месяцем или шестью неделями раскопок на телле Джидле, городище на Белихе!

Местный шейх, чей лагерь разбит на Джаг-джаге, приглашает нас на церемониальный пир, и мы принимаем приглашение. Когда наступает этот день, Субри появляется в полном блеске своего тесного костюма цвета сливы, начищенных ботинок и гамбургской шляпы. Он приглашен, чтобы сопровождать нас, и он действует, как связной, сообщая нам, как идут приготовления к пиру и в какой именно момент должно произойти наше появление.

Шейх с достоинством приветствует нас под широким коричневым пологом своего открытого шатра. При нем большая свита друзей, родственников и вообще приспешников.

После вежливых приветствий великие (то есть мы, формены Алави и Йахья, шейх и его главные друзья) все садятся в кружок. Старик в красивых одеждах приближается к нам с кофейником и тремя маленькими чашечками. Малюсенькая капля интенсивно черного кофе наливается в каждую. Первая чашка вручается мне – доказательство того, что шейх знаком с (необычным!) европейским правилом первыми обслуживать женщин. Макс и шейх получают две следующие. Мы сидим и пьем. Через некоторое время еще одна малюсенькая капля наливается нам в чашки и мы продолжаем пить. Затем чашки у нас берут, снова наливают, и Гилфорд и формены пьют в свою очередь. И так оно и идет по кругу. На некотором расстоянии от нас стоит довольно большая толпа тех, кто принадлежит ко второму рангу. Из-за перегородки шатра рядом со мной слышится приглушенный смех и шорох. Это женщины шейха подглядывают и прислушиваются к тому, что происходит.

Шейх дает приказ, и один из приближенных выходит и возвращается с шестом, на котором сидит прекрасный сокол. Его устанавливают посреди шатра. Макс поздравляет шейха с такой великолепной птицей.

Появляются три человека, которые вносят большой медный котел и ставят его в центре кружка. Он полон риса, поверх которого разложены куски барашка. Все приправлено специями, очень горячее и пахнет чудесно. Нас любезно приглашают есть. У нас есть куски лепешек арабского хлеба, и с их помощью и с помощью собственных пальцев мы угощаемся из этого общего блюда.

Через некоторое время (и должна сказать, не очень скоро) и голод, и правила вежливости удовлетворены. Это большое блюдо, в котором самых отборных кусков уже нет, все еще наполовину полно. Его поднимают и ставят чуть дальше, где второй кружок (включая Субри) садится есть.

Нам подают сладости и снова кофе.

После того как второй кружок утолил свой голод, блюдо ставят в третьем месте. Теперь в нем в основном остались рис и кости. Садятся есть самые низшие по положению и те обездоленные, кто пришел «сесть в тени шейха». Они кидаются на еду, и когда блюдо уносят, в нем совершенно пусто.

Мы сидим еще некоторое время, Макс и шейх изредка обмениваются серьезными замечаниями. Затем мы поднимаемся, благодарим шейха за его гостеприимство и удаляемся. Макс щедро вознаграждает того, кто подавал кофе, а формены указывают каких-то таинственных личностей, которым следует сделать щедрое подношение.

Жарко, и мы идем домой, совершенно ошалев от риса и баранины. Субри очень доволен этим праздником. Он считает, что все прошло самым должным образом.

* * *

Сегодня, неделей позже, мы, в свою очередь, принимали гостя. Это никто иной, как шейх племени шаммар – действительно очень большой человек. Местные шейхи его сопровождали, а он приехал на прекрасной серой машине. Очень красивый и утонченный человек с темным худым лицом и прекрасными руками.

Наш европейский обед был самым лучшим, какой мы могли создать, а волнение слуг из-за важности нашего гостя было огромным.

Когда он наконец уехал, мы почувствовали себя так, как будто принимали, по крайней мере, королевское семейство.

* * *

Сегодня у нас день катастрофы.

Макс уехал в Камышлы вместе с Субри за покупками и в банк, оставив Гилфорда составлять план зданий на городище, а форменам поручив руководить людьми.

Гилфорд приезжает домой на ленч, и только что мы с ним поели и он собирался отправиться обратно на раскопки на Пуалу, как мы видим, что наши формены изо всех сил бегут к дому, по всему виду в волнении и отчаянии.

Они врываются во двор и раздражаются потоком взволнованных арабских слов.

Гилфорд ничего не понимает, я приблизительно одно слово из семи.

«Кто-то умер», – говорю я Гилфорду.

Алави повторяет свой рассказ более четко. Четверо, как я понимаю, умерли. Сперва я думаю, что была ссора и люди убили друг друга, но Йахья выразительно качает головой на мои запинаящиеся вопросы.

Я проклиная себя за то, что не научилась понимать этот язык! Мой арабский состоит главным образом из фраз вроде «Это не чистое. Сделай это так. Не бери это полотенце. Принеси чай» и тому подобных домашних приказаний. Этот рассказ о страшной смерти абсолютно выше моего понимания. Димитрий, его помощник и Серкис выходят и слушают. Они понимают, что произошло, но так как они не говорят ни на одном европейском языке, Гилфорд и я по-прежнему в неведении.

Гилфорд говорит: «Мне бы стоило поехать и посмотреть» и идет в сторону Пуалу.

Алави хватает его за рукав и что-то яростно говорит, очевидно, отговаривая. Он драматически указывает в сторону раскопа. Вниз по склонам Брака, за милню отсюда, сыплется толпа людей, одетых пестро и в белые одежды, и в этом есть что-то решительное и опасное. Формены, я вижу, выглядят напуганными.

«Эти парни сбежали, – говорит Гилфорд уверенно, – хотел бы я знать, что там за беда».

Может быть, Алави (у него горячий нрав) или Йахья убили киркой рабочего? Это кажется крайне неправдоподобным, и уж наверняка они не убили бы четверых.

Я опять, запинаясь, высказываю предположение, что была драка, и иллюстрирую это пантомимой. Но ответ определенно отрицательный. Йахья жестами изображает что-то падающее откуда-то выше головы.

Я смотрю на небо. Может быть, жертвы погибли от удара молнии?

Гилфорд открывает дверцу Пуалу. «Я поеду и посмотрю, что там, а эти парни пусть едут со мной».

Он знаками приказывает им сесть в машину. Они отказываются быстро и решительно. Они не поедут.

Гилфорд выпячивает свой воинственный австралийский подбородок. «Они должны ехать».

Димитрий качает своей большой доброй головой.

«Нет, нет, – говорит он, – это очень плохо».

Что очень плохо?

«Там какая-то беда», – говорит Гилфорд. Он вскакивает в машину. Затем, взглянув на быстро приближающуюся толпу, резко поворачивает голову. Он смотрит на меня с беспокойством, и я вижу, как выражение, которое можно описать как «женщины и дети прежде всего», появляется в его глазах.

Он выходит из машины, стараясь двигаться неторопливо, и говорит нарочитым тоном выходного дня:

«А что если нам прокатиться по дороге и встретить Макса? Вполне можно, раз работа все равно встала. Вы сходите за шляпой или что вам еще нужно».

Милый Гилфорд, он делает это прелестно. Так осторожно, чтобы не напугать меня.

Я медленно отвечаю, что вполне можно поехать, а деньги взять? Деньги экспедиции хранятся в денежном ящике под кроватью Макса. Если действительно рассвирепевшая толпа собирается напасть на дом, не хотелось бы, чтобы они нашли и украли деньги.

Гилфорд, все еще стараясь «не пугать меня», притворяется, что это вполне обыденное предложение.

«Не могли бы вы, – говорит он, – поторопиться?»

Я иду в спальню, беру свою фетровую шляпу, вытаскиваю денежный ящик, и мы ставим его в машину. Гилфорд и я садимся и зовем Димитрия с помощником и Серкиса сзади.

«Мы возьмем их, а не форменов», – говорит Гилфорд, все еще осуждая их решение сбежать.

Мне жаль Гилфорда, ему определенно хочется пойти и встретить толпу, а вместо этого ему приходится заботиться о моей безопасности. Но я очень рада, что он не идет навстречу рабочим. Он не имеет у них большого авторитета и все равно не поймет ни слова из того, что они говорят, и его вмешательство может еще ухудшить дело. Что нам нужно, это сообщить Максусу и выяснить, что же действительно произошло.

План Гилфорда спасти Димитрия и Серкиса и оставить форменов разбираться с тем, за что они несут ответственность, сейчас же оказывается сорванным. Алави и Йахйя, оттолкнув Димитрия, забираются в машину, Гилфорд в ярости пытается их выкинуть, но они отказываются сдвинуться с места.

Димитрий спокойно кивает головой и делает жест в сторону кухни. Он уходит, и Серкис идет за ним с несколько недовольным видом.

«Я не понимаю, почему эти парни...» – начинает Гилфорд.

Я вмешиваюсь.

«В машине поместятся только четверо – и на самом деле, похоже, что это именно Алави и Йахйя, кого люди хотят убить, если они действительно хотят убить кого-нибудь, так что, наверное, нам лучше взять их. Я не думаю, чтобы рабочие имели бы что-то против Димитрия и Серкиса».

Гилфорд оглядывается и видит, что бегущая толпа уже слишком близко, чтобы спорить дальше. Он бросает хмурый взгляд на Йахйю и Алави и быстро выводит машину из ворот двора и в объезд по деревне на дорогу, ведущую в Камышлы.

Макс уже должен ехать обратно, поскольку он собирался быть на раскопе в середине дня, так что мы должны скоро с ним встретиться.

Гилфорд вздыхает с облегчением, а я говорю, что это было очень мило исполнено.

«Что было?»

«Ваше небрежное предложение приятно прокатиться навстречу Максусу и то, как вы избегали пугать меня».

«О, – говорит Гилфорд, – значит, вы догадались, что я хотел увезти вас?»

Я смотрю на него с жалостью.

Мы едем на полной скорости и приблизительно через четверть часа встречаем Макса, который вместе с Субри возвращается на Мэри. При виде нас он очень удивляется и останавливается. Алави и Йахйя высыпаются из Пуалу и кидаются к нему, и воздух наполняет поток взволнованной арабской речи, прерываемой резким стоккато вопросов Макса.

Теперь наконец мы узнаем, в чем дело!

В течение нескольких последних дней в некоторой части раскопа мы находили много

очень красиво вырезанных из камня или слоновой кости амулетов в виде животных. За них люди получали большой бакшиш, и чтобы найти их как можно больше, они начали подкапывать стенку ямы, в которой работали, так как амулеты лежат в довольно глубоком слое.

Вчера Макс это прекратил, так как это становилось опасным, и поставил команды работать снова наверху, чтобы добраться до этого слоя оттуда. Люди ворчали, поскольку это значило, что им придется день или два копать неинтересные слои, прежде чем они снова доберутся до слоя с амулетами.

Форменам было сказано следить, чтобы приказ выполнялся, и хотя и с обидой, но рабочие все же послушались и начали копать сверху, торопясь изо всех сил.

Таково было положение дел, когда работы были остановлены на ленч. А далее следует история о подломе вероломстве и жадности. Все рабочие лежали на склоне холма около кувшинов с водой. Одна команда, работавшая на другом конце раскопа, незаметно отошла, прокралась вокруг городища к месту богатых находок и принялась яростно копать там, где стенка ямы уже была подрыта. Они собирались ограбить чужой участок и притвориться, что нашли украденные предметы на своем собственном.

И тут их настигла Немезида. Они подрыли слишком глубоко, и верхние слои обрушились на них!

На вопли единственного уцелевшего сбежалась вся толпа. Тотчас и они, и формены поняли, что произошло, и трое рабочих с кирками принялись торопливо откапывать своих товарищей. Один человек был жив, но остальные четверо мертвы.

Сейчас же поднялось страшное волнение. Крики, жалобы, возносимые к небу, и желание обвинить кого-то. Трудно понять, напугались ли формены и решили сбежать или рабочие действительно на них напали. Но в результате люди кинулись за ними в неожиданно злобном настроении.

Макс склонен думать, что формены струсил и сами подали рабочим идею напасть на них, но не тратит времени на обвинения. Он поворачивает машины, и мы все несемся в Камышлы, где Макс сейчас же излагает факты перед офицером из *Services Speciaux*⁹⁵, который отвечает за безопасность.

Этот лейтенант быстро и понимает, и действует. Он берет четверых солдат с машиной, и мы все едем обратно в Брак. Толпа теперь на городище. Она шевелится и волнуется, как пчелиный рой. Она затихает при виде приближающейся власти. Мы поднимаемся на городище процессией. Лейтенант отсылает свою машину с одним из солдат, а сам идет на место трагедии.

Здесь он расспрашивает о фактах, и рабочие, чьим этот участок был по праву, объясняют, что это были не они, а соперничающая команда, которая пыталась обогнать их. Затем расспрашивают уцелевшего, и он подтверждает эту историю. Все ли тут люди из этой команды? Один не пострадавший, один раненый и четверо мертвых? Не может оказаться, что кто-то еще под завалом? Нет.

В этот момент возвращается машина лейтенанта с местным шейхом, к племени которого принадлежат погибшие рабочие. Он и лейтенант принимаются за дело вдвоем. Вопросы и ответы продолжают.

Наконец шейх повышает голос и обращается к толпе. Он снимает всякую вину с экспедиции. Люди копали не в рабочие часы, в свое личное время, и более того, пытались обокрасть своих товарищей. Они поплатились за непослушание и жадность. Теперь все должны разойтись по домам.

К этому времени солнце уже село и опускается ночь.

Шейх, лейтенант и Макс едут к дому (где мы с облегчением обнаруживаем, что Димитрий спокойно стряпает, а Серкис улыбается).

Консультации продолжаются примерно час. Инцидент прискорбный. Лейтенант говорит, что у этих людей семьи, и хотя никаких обязательств нет, несомненно пожертвование было бы уместно. Шейх говорит, что щедрость признак благородной природы и сильно укрепит нашу репутацию в здешних краях.

⁹⁵ Специальные службы.

Макс говорит, что хотел бы сделать дар семьям, если будет ясно понято, что это именно дар, а ни в каком смысле не компенсация. Шейх выражает твердое согласие. Это будет записано французским офицером, говорит он. Кроме того, он сам оповестит об этом, подтвердив своим словом. Остается вопрос – сколько. После того как это улажено и угощения сервированы, шейх и лейтенант уезжают. Двое солдат оставлены на городище сторожить роковое место.

«И имейте в виду, – говорит Макс, когда мы очень усталые отправляемся спать, – кто-то должен сторожить это место завтра во время ленча, а то у нас опять произойдет то же самое».

Гилфорд не верит.

«Ну уж не теперь, когда они знают, как это опасно, и видели, что случилось!»

Макс мрачно говорит: «Подожди и увидишь».

На следующий день он сам ждет, укрывшись за стеной из глиняных кирпичей. И действительно, пока идет ленч, трое рабочих крадучись обходят склон городища и начинают яростно скрести соседний участок раскопа, меньше чем в двух футах от того места, где погибли их товарищи!

Макс выходит и выдает потрясающее нравоучение. Неужели они не понимают, что то, что они делают, приведет к смерти?

Один из людей бормочет: «Inshallah!»

Затем их формально увольняют за попытку обокрасть товарищей. Это место охраняют затем после *Fidos* до того момента, когда на следующее утро верхние слои сняты. Гилфорд говорит, ужасаясь:

«Эти парни, похоже, совсем не беспокоятся за свои жизни. Они на редкость бесчувственны. Сегодня утром во время работы они смеялись по поводу этих смертей и изображали, как это было!»

Макс говорит, что здесь смерть действительно не очень важна.

Свисток формена объявляет *Fidos*, люди сбегают с городища и поют: «Юсуф Дауд был с нами вчера – сегодня он мертв! Больше ему не набивать себе брюхо. Ха, ха, ха!»

Гилфорд глубоко шокирован.

Глава 12 АЙН-ЭЛЬ-АРУС

Переселение из Брака на Белих.

В последний вечер мы идем на берег Джаг-джага и чувствуем легкую грусть. Постепенно я очень привязалась к Джаг-джагу, этому узкому потоку глинистой коричневой воды.

И все же Брак никогда не владел моими чувствами так, как Чагар. Деревня у Брака печальная, полупокинутая, разваливающаяся, а армяне в своей поношенной европейской одежде не вписываются в окружающую природу. Они сердито повышают голоса, и в них нет буйной радости жизни, свойственной курдам и арабам. Мне не хватает курдских женщин, гуляющих по пустыне, – этих огромных ярких цветов, с их белозубыми улыбками и веселыми лицами и их гордой, красивой манерой держаться.

Мы наняли ветхий грузовик, чтобы перевезти ту мебель, которая нам понадобится. Этот грузовик принадлежит к числу тех, где все нужно привязывать веревками. По моим представлениям, к тому времени, когда мы доберемся до Рас-эль-Айна, отвалится почти все.

Все погружено, и наконец мы пускаемся в путь: Макс, Гилфорд и я в Мэри, а Михель и слуги в Пуалу, вместе с Хайю.

На полдороге к Рас-эль-Айну мы останавливаемся для пикника-ленча и обнаруживаем, что Субри и Димитрий хохочут во все горло: «Хайю, – говорят они, – рвало всю дорогу, а Субри поддерживал ей голову!» Внутренний вид Пуалу красноречиво подтверждает их рассказ!

Как удачно, думаю я, что им это кажется смешным.

У Хайю впервые за то время, что я ее знаю, вид побежденной. «Я могу противостоять, – кажется, говорит она, – враждебному к собакам миру, ненависти мусульман, попытке утопить меня, полуголодному существованию, ударам, пинкам, камням. Я не боюсь ничего. Я дружелюбна со всеми, но не люблю никого. Но что это за новая странная напасть, которая отнимает у меня все мое самоуважение?» Взгляд ее янтарных глаз грустно скользит от одного из нас к другому. Ее вера в свою способность противостоять худшему, на что способен мир, разбита.

К счастью, через пять минут Хайю снова становится сама собой и поглощает огромные куски из ленча Субри и Димитрия. Я спрашиваю, разумно ли это, обращая их внимание на то, что путешествие на машине скоро возобновится.

«Ха! – кричит Субри. – Тогда Хайю будет рвать еще больше!»

Ну, если это их развлекает...

* * *

Мы подъезжаем к нашему дому вскоре после полудня. Дом стоит на одной из главных улиц телья Абьяда. Это почти городское жилище. То, что менеджер банка называет *construction en pierre*⁹⁶. Вдоль всей улицы стоят деревья, их листья сейчас сверкают красками Сени. Дом, увы, очень сырой, так как он расположен ниже уровня улицы, а в этой деревне всюду бегут потоки воды. Утром ваше верхнее одеяло совершенно мокрое, а все, к чему прикоснешься, влажное и липкое на ощупь. Я так закоченеваю, что едва могу двигаться.

За домом есть милый маленький садик, и этот дом гораздо более цивилизованный, чем все то, в чем мы жили уже долгое время.

Когда приезжает грузовик, обнаруживается, что мы утратили три стула, стол и мое сиденье для уборной!

Гораздо меньше, чем я думала!

Сам телья Джидл расположен около большой заводи лазурно-голубой воды, образованной ручьем, впадающим в Белих. Вокруг заводи деревья, место действительно прелестно, и согласно традиции – это место встречи Исаака и Ревекки. Все это очень отличается от того, где мы были раньше. Тут есть прелестное, но печальное очарование, но нет нетронутой свежести Чагара и волнистой степи вокруг него.

Тут чувствуется процветание. По улицам ходят хорошо одетые армяне и другой народ, есть дома и сады.

* * *

Через неделю после нашего приезда нас опозорила Хайю. Все псы Айн-эль-Аруса приходят ухаживать за ней, а так как ни одна из дверей толком не закрывается, то нет возможности ни удержать их снаружи, ни запереть ее внутри! Вой, лай, драки! Хайю, задумчивая янтарноокая красавица, делает все, чтобы поощрять этот пандемониум!

Происходят сцены, совершенно как в старомодной пантомиме, где демоны выскакивают из окон и люков. Мы сидим за ужином, как вдруг распахивается окно и большой пес впрыгивает в комнату, за ним прыгает еще один, он гонится за первым – трах! Дверь спальни распахивается и появляется еще один пес. Все трое дико носятся вокруг стола, ударяются о дверь комнаты Гилфорда, распахивают ее и исчезают, с тем, чтобы как по волшебству появиться из дверей кухни, а вслед за ними вылетает сковородка, пущенная им вдогонку рукой Субри.

Гилфорд проводит бессонную ночь. Псы врываются к нему в дверь, затем прыгают через его кровать и выскакивают в окно. Время от времени Гилфорд встает и кидает в них разными предметами. Вой, тьяквань и вообще собачьи сатурналии!

⁹⁶ Здание из камня.

Сама Хайю, как оказывается, сноб. Она благоволит к единственному в Айн-эль-Арусе псу, который ходит в ошейнике! «Вот, – кажется, говорит она, – настоящий класс!» Это большой черный пес с курносом носом и огромным хвостом, как у лошади из похоронной процессии.

* * *

Субри после нескольких бессонных из-за зубной боли ночей просит отпуск, чтобы съездить на поезде в Алеппо и сходить к зубному врачу. Он возвращается через два дня, сияя.

Его отчет о событиях таков:

«Я иду к врачу. Я сажусь в кресло. Я показываю ему зуб. Да, говорит он, его нужно удалить. Сколько, говорю я. Двадцать франков, говорит он. Это нелепо, говорю я и ухожу из его дома. Я снова прихожу к вечеру. Сколько? Восемнадцать франков. Я снова говорю, нелепо. Все это время боль усиливается, но нельзя же позволять себя грабить. Я прихожу на следующее утро. Сколько? Все еще восемнадцать франков. Снова днем. Восемнадцать франков. Он думает, что боль меня победит, но я продолжаю торговаться! И под конец, Хвайя, я победил».

«Он сбавил цену?»

Субри качает головой.

«Нет, он никак не сбавлял, но я очень хорошо сторговался. Ладно, говорю я. Восемнадцать франков. Но за это ты должен удалить не один зуб, а четыре!»

Субри со вкусом хохочет, так что видны несколько дыр от зубов. «Но другие зубы болели?»

«Нет, конечно, нет. Но когда-нибудь они бы начали. Теперь они не могут. Их удалили, и за цену одного».

Михель, который слушал, стоя в дверях, теперь одобрительно кивает головой. «Beauscop ecomotia»⁹⁷, – говорит он.

Субри привез с собой нитку красных бус, которую он теперь завязывает на шее Хайю. «Это такие, как девушки одевают, чтобы показать, что они замужем, – говорит он. – А Хайю, она недавно вышла замуж».

Вот это точно! Я бы сказала, за всех псов в Айн-эль-Арусе!

* * *

Сегодня утром, а это воскресенье и наш выходной день, я сижу и приделываю этикетки к находкам, а Макс пишет в бухгалтерской книге, когда Али вводит в комнату женщину. Это очень почтенного вида женщина, аккуратно одетая во все черное, с огромным золотым крестом на груди. Ее губы крепко сжаты и вид у нее расстроенный.

Макс вежливо ее приветствует, и она сейчас же начинает излагать длинную историю, очевидно, о каком-то горе. Время от времени имя Субри мелькает в ее речи. Макс хмурится и выглядит серьезным. Рассказ продолжается и становится все более страстным.

Я прихожу к мысли, что это старая и хорошо известная повесть об обманутой деревенской девушке. Эта женщина – ее мать, а наш веселый Субри – подлый обманщик.

Голос женщины повышается в благородном негодовании. Она хватает одной рукой крест у себя на груди, поднимает его и, видимо, в чем-то клянется.

Макс кричит, чтобы прислали Субри. Я решаю, что мне лучше, наверное, из деликатности уйти, и как раз пытаюсь незаметно удалиться, когда Макс велит мне оставаться на месте. Я снова сажусь, и так как я, видимо, должна изображать свидетеля, пытаюсь делать вид, что понимаю, о чем идет речь.

Женщина, суровая, полная достоинства фигура, стоит молча, пока не появляется Субри. Тогда она осуждающе простирает руку и, очевидно, повторяет свои обвинения против него.

Субри не пытается сколько-нибудь серьезно защищаться. Он пожимает плечами, поднимает руки, кажется, признает справедливость ее обвинения.

⁹⁷ Большая экономия.

Драма продолжается – спор, взаимные обвинения. Макс все более и более принимает судейский вид. Субри побежден. Ну что ж, кажется, говорит он, делайте как хотите!

Неожиданно Макс придвигает к себе лист бумаги и пишет. Он кладет написанное перед женщиной. Она ставит значок – крест – на бумаге и, снова подняв золотой крест, в чем-то торжественно клянется. Затем подписывается Макс, и Субри тоже ставит свой значок и, по-видимому, тоже в чем-то клянется. Затем Макс отсчитывает некоторую сумму денег и отдает женщине. Она благодарит Макса, с достоинством склоняя голову, и выходит. Макс адресует Субри какие-то горячие укоры, и тот уходит с довольно подавленным видом.

Макс откидывается в кресле, вытирает платком лицо и говорит: «Вуф!»

Я кидаюсь на него с вопросами.

«В чем дело? Девушка? Она дочь этой женщины?»

«Не совсем. Это была хозяйка местного борделя».

«Что?»

Макс передает мне, насколько возможно точно, собственные слова женщины.

Она пришла к нему, говорит она, чтобы он мог исправить тяжкое зло, причиненное ей его слугой Субри.

«Что сделал Субри?» – спрашивает Макс.

«Я женщина известная и честная. Меня уважают все кругом! Все говорят обо мне хорошо. Мой дом содержится богобоязненно. А тут приходит этот парень, этот Субри, и в моем доме он находит девушку, которую знал в Камышлы. Разве он возобновляет с ней знакомство приятным и приличным образом? Нет, он действует незаконно, применяет насилие – так, что может нанести вред моей репутации! Он скидывает с лестницы и выкидывает вон из дома турецкого господина, богатого турецкого господина, одного из моих лучших клиентов. Все это он делает яростно и в неподобающей манере! Более того, он убеждает девушку, которая должна мне деньги и видела от меня много доброты, покинуть мой дом. Он покупает ей билет и отправляет на поезде домой. Более того, она берет с собой сто и десять франков, которые принадлежат мне, а это грабеж! Так вот, Хвайя, это неправильно, чтобы можно было наносить такие оскорбления. Я всегда была безупречной и добродетельной женщиной, богобоязненной вдовой, против которой никто ничего не может сказать. Я долго и тяжело боролась с бедностью и поднялась в мире благодаря своим собственным честным стараниям. Не может быть, чтобы вы приняли сторону насилия и зла. Я прошу о возмездии и я клянусь тебе (это был момент, когда золотой крест вступил в действие), что все, что я сказала, правда, и я готова повторить это в лицо твоему слуге Субри. Ты можешь спросить в Магистрате, у священника, у французских офицеров в гарнизоне – все скажут тебе, что я честная и уважаемая женщина!»

Субри, когда его вызвали, ничего не отрицал. Да, он знал эту девушку в Камышлы. Она была его другом. Турок его раздражал, и он спихнул его с лестницы. И он посоветовал девушке, что ей надо вернуться в Камышлы. Ей Камышлы больше нравится, чем Айн-эль-Арус. Девушка взяла в долг немного денег, чтобы взять с собой, но, несомненно, когда-нибудь возместит.

На этом Максусу пришлось произносить решение.

«Да уж, чего только не приходится делать в этой стране. Никогда не знаешь, что будет следующее», – стонет он.

Я спрашиваю, как же он решил.

Макс откашливается и продолжает повествование.

«Я очень удивлен и недоволен, что мой слуга входил в твой дом, ибо это противоречит нашей чести, чести экспедиции, и мой приказ, чтобы в будущем никто из моих слуг не входил в твой дом. Пусть это будет хорошо понято».

Субри мрачно говорит, что это понято.

«Относительно того, что девушка покинула твой дом, я не буду ничего предпринимать, потому что это не мое дело. Про взятые ею деньги – они, я думаю, должны быть тебе возвращены, и я их возвращу тебе сейчас, ради чести слуг экспедиции. Эта сумма будет удержана из жалования Субри. Я напишу бумагу, подтверждающую уплату этих денег и отвергающую все дальнейшие претензии к нам. Я прочту эту бумагу, ты поставишь свой знак на ней и будешь знать, что этим дело закончено».

Я вспомнила то достоинство и библейский пыл, с которым женщина поднимала крест.

«Она сказала что-нибудь еще?»

«Я благодарю тебя, Хвайя. Справедливость и правда возобладали, как и всегда, а злу не было позволено восторжествовать».

«Ну, – говорю я, несколько потрясенно, – ну...»

Я слышу легкие шаги мимо нашего окна.

Это наша недавняя гостя. Она несет большую книгу церковных служб или молитвенник и как раз идет в церковь. Ее лицо строго и серьезно. Большой крест подпрыгивает на ее груди.

Тут я встаю, беру с полки Библию и обращаюсь к истории Рааб, блудницы. Я чувствую, что знаю – в какой-то мере, – какой была Рааб, блудница. Я могу себе представить эту женщину в ее роли – ревностная, фанатичная, смелая, глубоко религиозная, и тем не менее – Рааб, блудница.

* * *

Наступил декабрь; пришел конец сезона. Может быть, из-за того, что сейчас осень, а мы привыкли к весне, может быть, потому что слухи и предупреждения о беспокойном положении в Европе витают в воздухе, но чувствуется привкус грусти. На этот раз есть чувство, что мы можем не вернуться...

Хотя дом в Браке все еще арендован – наша мебель сложена там, и еще много что можно найти на городище. Наше разрешение на раскопки действительно еще на два года. Конечно же, мы вернемся...

Мэри и Пуалу направляются по дороге через Джераблус в Алеппо. Из Алеппо мы едем в Рас Шамра и проводим Рождество с нашими друзьями профессором и мадам Шеффер и их прелестными детьми. Нет на свете места более очаровательного, чем Рас Шамра. Это прелестный маленький залив темно-синей воды, окруженный белым песком и низкими белыми скалами. Они устраивают для нас чудесное Рождество. Мы говорим о будущем годе – каком-нибудь годе. Но ощущение неуверенности растет. Мы прощаемся с ними. «Встретимся снова в Париже».

Увы, Париж!

В этот раз мы отправляемся из Бейрута на пароходе.

Я стою, глядя через поручни. Как прелестен он, этот берег, где горы Ливана, как синяя дымка, виднеются на фоне неба! Ничто не нарушает романтической сцены. Чувствуешь себя поэтичной, почти сентиментальной...

Раздаются знакомые звуки – возбужденные крики с грузового парохода, мимо которого мы проплываем. Кран уронил груз в море и ящик раскрылся...

Поверхность моря усыпана сиденьями для уборной...

Подходит Макс и спрашивает, о чем шум? Я показываю и объясняю, что мое настроение романтического прощания с Сирией теперь совершенно пропало!

Макс говорит, что не представлял себе, что мы их экспортируем в таких количествах! И он бы и не подумал, что в этой стране есть достаточно канализации, чтобы их все использовать!

Я замолкаю, и он спрашивает, о чем я думаю.

Я вспоминаю, как плотник в Амуде гордо поместил перед парадной дверью сиденье для моей уборной в тот день, когда монахини и французский лейтенант пришли к нам пить чай. Я вспоминаю мою вешалку для полотенец с «красивыми ножками»! И профессионального кота! И Мака, разгуливающего по крыше на закате с отсутствующим выражением лица...

Я вспоминаю курдских женщин на Чагаре, похожих на яркие полосатые тюльпаны. И большую крашенную хной бороду шейха. Я вспоминаю Полковника, с его черной сумочкой, опустившегося на колени, чтобы заняться расчисткой погребения, и шутку среди рабочих, говорящих: «Вот пришел доктор, чтобы заняться пациентом», так что потом навсегда *M. le Docteur*⁹⁸ становится прозвищем Полковника. Я вспоминаю Бампса и его непокорное топи и Михеля, тянущего ремешок в криком «Фогса». Я вспоминаю холмик, весь покрытый

⁹⁸ М-е доктор.

золотистыми ноготками, где мы как-то устроили пикник и ленч в один из наших выходных; и закрыв глаза, я могу ощутить этот запах, всюду кругом меня, чудесный запах цветов и плодородной степи...

«Я думаю о том, – говорю я Максусу, – какое это было счастье жить таким образом...»

ЭПИЛОГ

Эта непоследовательная хроника была начата до войны, и я начала ее по причине, о которой уже говорила.

Затем она была отложена в сторону. Но теперь, после четырех лет войны, я обнаружила, что мои мысли все больше и больше обращаются к тем дням, проведенным в Сирии, и наконец я почувствовала, что мне нужно достать мои заметки и дневники и завершить то, что я начала и отложила. Поскольку мне кажется, что хорошо помнить, что были такие дни и такие места и что в эту самую минуту мой холмик с ноготками в цвету и белобородые старцы, бредущие со своими осликами, может быть, даже и не знают, что идет война. «Здесь она нас не коснулась...»

Потому что после четырех лет, проведенных в Лондоне в военное время, я понимаю, какая это была хорошая жизнь, и что возможность пережить снова те дни дала мне радость и освежила меня... Написание этого простого рассказа не было задачей, оно было делом любви. Не попыткой бегства в то, что было, а стремлением привнести в сегодняшний тяжелый труд и горе нечто неистребимое, то, что не только было у нас, но и по-прежнему есть!

Потому что я люблю эту добрую плодородную страну и ее простой народ, который умеет смеяться и наслаждаться жизнью, который весел и беззаботен, который обладает достоинством, хорошими манерами и огромным чувством юмора и которому смерть не кажется ужасной.

Inshallah, я снова поеду туда, и то, что я люблю, не сгинет с этой земли...

Весна, 1944

Finis El hamdu lillah

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Агата Кристи в Багдаде в доме

Рис. 2. Макс Маллован. Снимок сделан перед началом Второй мировой войны

Рис. 3. Грузовик Королева Мэри отправляется на пароме через Евфрат

Рис. 4. Машина, застрявшая в воде

Рис. 5. Чагар-Базар. Идут раскопки

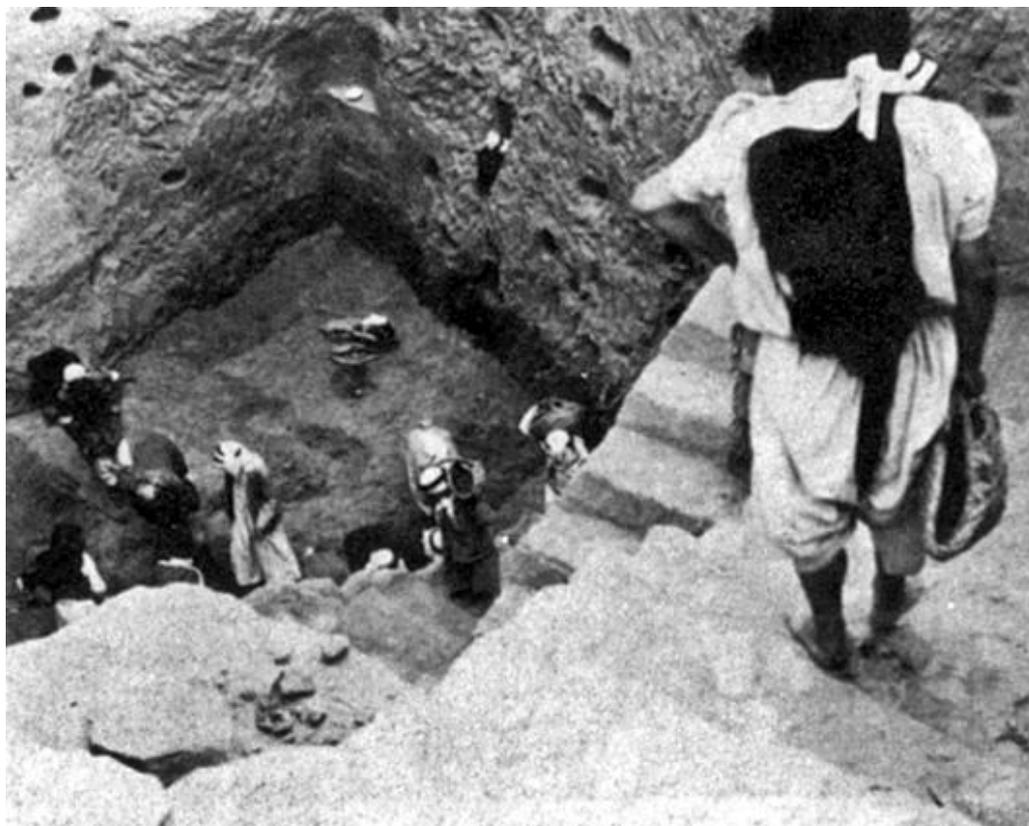

Рис. 6. Чагар-Базар. Глубокий разрез, дно на глубине 22,6 м

Рис. 7. Шейх Ахмед

Рис. 8. Хамуди, формен

Рис. 9. Персонал экспедиции на Чагар-Базаре. Сидят (слева направо): Агата Кристи, Бэрн, Бампс. Стоят: Серкис, Субри, водовоз, Мансур

Рис. 10. Чагар-Базар. Открытие!

Рис. 11. Осел, несущий воду

Рис. 12. Строится дом экспедиции на Чагар-Базаре. Купол почти готов

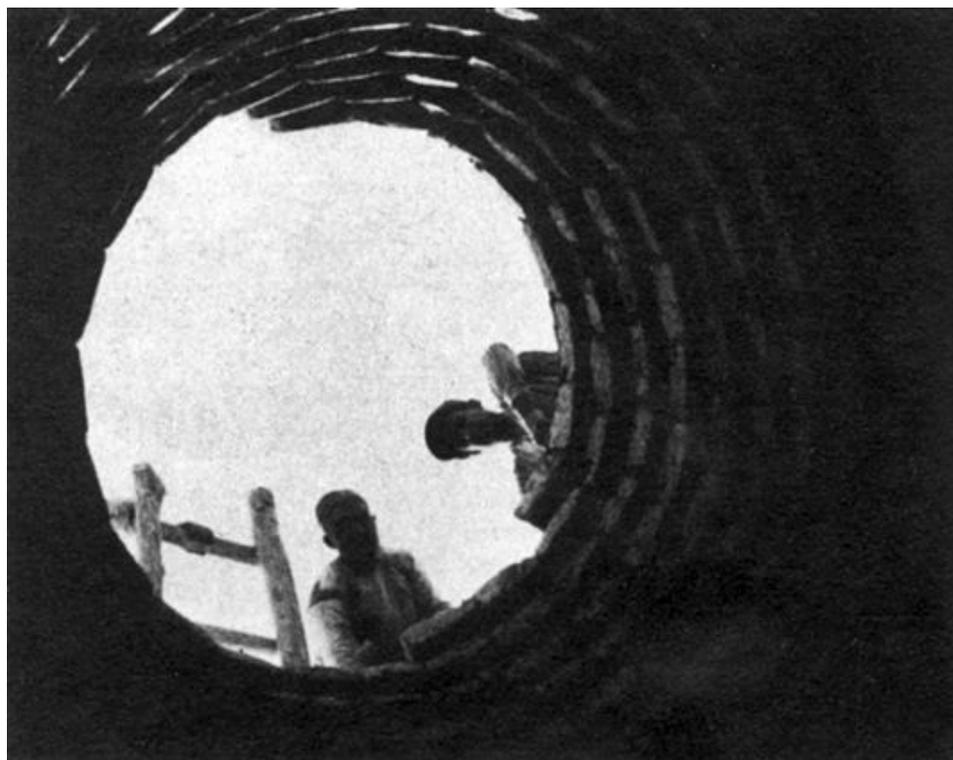

Рис. 13. Строится дом экспедиции. Купол, вид изнутри

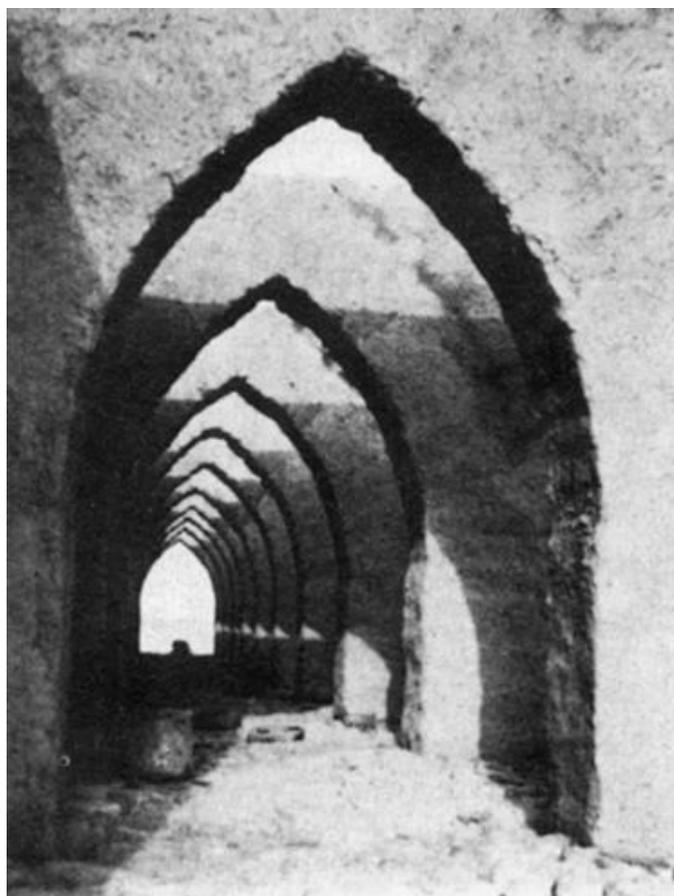

Рис. 14. Готовый дом, вид с юго-запада

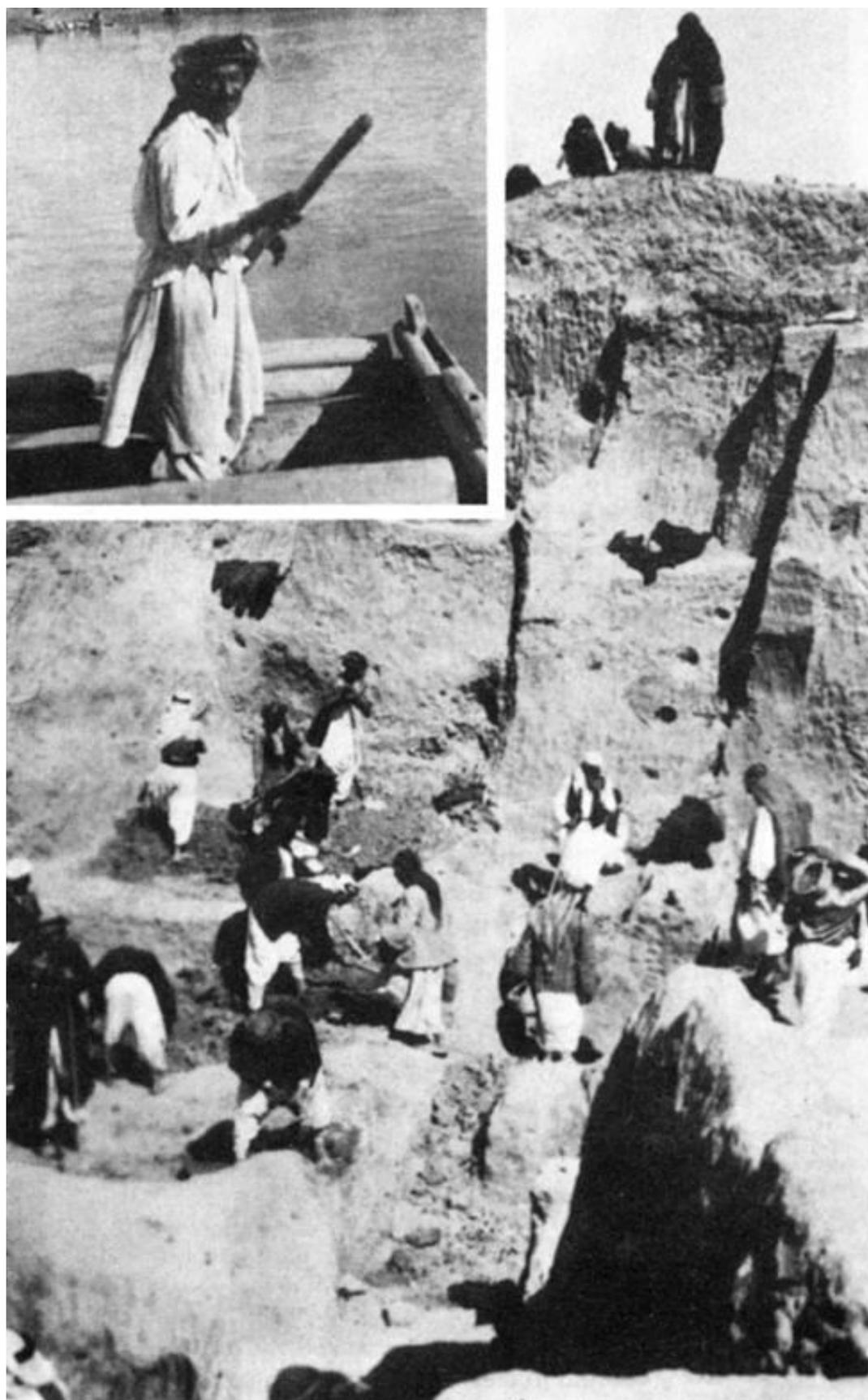

Рис. 15. Слева: паромщик, пересекающий Евфрат у Джераблуса.
Внизу: корзинщики за работой

Рис. 16. Чагар-Базар. Рабочие-арабы

Рис. 17. Чагар-Базар. Глубокий разрез, вид с юго-востока